

Вячеслав Калошин

**220
вольт**

Annotation

Сел в поезд в Москве, очнулся в Тверской больнице. Кто я — я знаю. Но вот что делать...

Предисловие

Дорогой читатель! Большое спасибо за то, что обратили внимание на мою книгу. Позвольте мне отвлечь Вас буквально на пару минут от начала погружения в эпоху СССР 1950го года.

Неожиданно для меня очень много вопросов вызывало название книги — «220 вольт». Очень большое число читателей считает, что переход на 220 вольт произошел только в районе 1960-1970х годов. И поэтому в розетках СССР образца 1950 года данного напряжения не могло существовать в принципе.

В реальности переход на 220 вольт в СССР начался еще до Великой Отечественной Войны. Например Михаил Кожевников (http://lit.lib.ru/a/ashkinazi_1_a/text_0890.shtml) пишет: *«Так, в центре Саратова перевод старых городских сетей со 110 В пульсирующего однополярного тока на 220 В переменного с частотой 50 Гц происходил с 1938 по 1940 годы. Новые однофазные сети в городе сразу строили с напряжением 220 В, а трехфазные — 220/380 В»*

Можно было бы списать это на «врет, как очевидец», но в 9 м номере журнала Радио за 1951 год можно найти статью «Государственный стандарт на радиовещательные приемники» за авторством Е.Левитина. Согласно ей, ГОСТ 5651-51 регламентирует, что все подчеркиваю — все, радиоприемники выпускаемые промышленностью, обязаны обеспечивать свою работоспособность от сетей с напряжением 110, 127 и 220 вольт.

К сожалению, найти ГОСТ более раннего периода мне найти не удалось, но косвенным подтверждением наличия сетей 220 вольт до войны является инструкция от радиоприемника СВД

ПРИЕМНИК СВД

Общие сведения о СВД

Приемник СВД (*Супергетеродин, Всеволновый с Динамическим громкоговорителем*) представляет собой радиовещательный приемник супергетеродинного типа с полным питанием от сети переменного тока напряжением 110—125 и 200—230 в, смонтированный вместе с динамическим громкоговорителем и выпрямителем (см. рис. 4 на вклейке и рис. 5).

Диапазон волн приемника 16,7—2000 м (18 000—150 кГц) с провалом в промежутке 555—732 м (540—410 кГц).

СВД можно считать самым совершенным радиовещательным приемником из выпускаемых нашей промышленностью в 1936 г. и ранее.

Избирательность СВД характеризуется следующими цифрами: на диапазоне 200—500 м ослабление в 100 раз соответствует расстройке в 35 кГц; на самых коротких волнах ослаблению в 100 раз соответствует расстройка в 20 кГц.

Чувствительность СВД в среднем равна 30 мкв при выходной мощности 0,7 вт.

В приемнике имеется один основной каскад усиления высокой частоты, работающий при приеме всех станций в пределах диапазона приемника. При приеме наиболее коротких волн, а именно 16,5—37,5 м (18 000—8000 кГц) включается дополнительный каскад усиления высокой частоты, повышающий чувствительность приемника на этой части диапазона.

В обоих каскадах высокой частоты работают высокочастотные пентоды варимю типа 58 (американский тип) или аналогичные им высокочастотные пентоды типа СО-206 (завода «Светлана»).

Согласитесь, что в 1936 м году никто не стал бы проектировать приемник для несуществующих напряжений. И, конечно же, аналогичные требования можно найти во множестве инструкций от других бытовых приборов того времени.

На этом я надеюсь, что вопрос с названием закрыт окончательно и у меня больше нет права отвлекать Вас от приключений главного героя.

С глубочайшим уважением,
Вячеслав

Глава 1

Бззз, шелк. Пауза. Бззз, шелк. Пауза. Бззз, шелк. Да японский городской, ну сколько можно издеваться. Я высунул голову из-под одеяла и, щуря сонные глаза, осмотрелся. А где это я? Приподнялся было на локте, но глухая спинка кровати загораживала мне обзор. Оттолкнувшись, сел и опустил ноги на прохладный после постели пол.

Палата. Обычная такая палата на четыре койки, две из которых заняты. Судя по щели света из-под двери, сейчас ночь. Большое окно с двумя фрамугами без каких-либо признаков шпор подтверждает этот вывод. Я провел рукой по стене сзади. Не обои, краска. Рука наткнулась на подходящую откуда-то сверху трубу, потом на маленький кран с барашком. Что за фигня? Я наклонился к крану, пытаюсь понять, на кой черт он нужен около кровати. Что-то рядом с ним на стене написано. Наклоняя в разные стороны голову, чтобы поймать отраженный свет, смог прочитать: кислород. Да еще написано через трафарет, с подтеками... Легкий запах карболки, ее ни с чем не перепутаешь. Однозначно больница или санаторий. Но что я тут делаю?

Откинув одеяло, я обнаружил полное отсутствие труселей на себе. Интересно девки пляшут. Завернувшись в одеяло, я встал и подошел к окну. Какой-то внутренний двор, освещаемый двумя фонарями. Пара каких-то то ли домишек, то ли сараев. Прикинул по соседним окнам — моя палата на третьем этаже. Понятно, что ничего не понятно. Ладно, вернемся к вопросу «что я тут делаю?». Голова не болит, руки-ноги тоже. Живот и жопа на месте. Задница, правда, чешется немного. Перехватив одеяло левой рукой, правой я провел по голове: уши и нос тоже присутствуют. А вот прически нет, только небольшой ежик. Стал вспоминать, что было вчера. А вчера вечером я сел в СВ купе поезда Москва-Петербург. Очень удобный по времени поезд: садишься поздно вечером и утром, как нормальный белый человек, выспавшийся, умытый и накормленный, выходишь на Невский. Или идешь в метро, причем не выходя из вокзала. Никакого сравнения со всеми этими сапсанами и экспрессами, где ехать хоть и быстро, но ты ощущаешь себя одной из килек в банке. Так, не отвлекаться. Поезд, купе, поехали, я поклевал что-то из предложенного проводницей ужина, выпил пару банок пива и все. Совсем все. Завалился в постель и уснул.

Ладно, метод дедукции не дал результатов. Но, если я в больнице, значит должна быть дежурная медсестра. Она-то точно знает, где я.

Открыв дверь палаты, я сразу же обнаружил источник разбудившего меня звука. Прямо над головой мигала одна из ламп. Дневного света, да еще со стартерами... Надо же, еще где-то они остались. Передо мной был длинный коридор, на полу которого был вытертый посередине линолеум. «Взлетка», так, кажется, на жаргоне врачей он называется. Слева в нескольких метрах была призывно приоткрыта дверь с неряшливо нарисованной буквой М. Повернув голову вправо, я метрах в 30 обнаружил стол с сидящей за ним медсестрой. Она читала какую-то книжку, изредка что-то записывая в лежащую рядом тетрадь. Я почувствовал легкую гордость за себя: правильно угадал про больницу.

С легким недоумением «ведь только что» я почесал еще раз задницу и, поддернув одеяло повыше, пошел в туалет. Перед дамами необходимо быть в полном соответствии, хоть и без трусов. Туалет меня встретил тускло горящей лампочкой вагт в двадцать и треном, обложенным кафелем. Не, реально три ступеньки, фаянсовое чудо и торчащий над всем этим великолепием сливной бачок. Свисающая сбоку бачка цепочка с белой мандулой на конце

завершали картину. Это в какие же бебенья меня занесло, что тут до сих пор такие раритеты стоят? И даже рабочие, в чем я убедился, смывая результаты своей жизнедеятельности. Нет, точно надо будет запомнить место и водить потом сюда экскурсии.

Выйдя из туалета, я пошел к медсестре. Та услышала шлепанье моих босых ног и, не поднимая головы, негромко произнесла «больной, немедленно вернитесь в палату».

— Дайте стул пожалуйста, заснуть не могу — зашел с козырей я. Отношения с персоналом надо налаживать сразу же: покормят получше или обслужат побыстрее. А если женщину удивил — значит половину уже сделал.

— А зачем вам стул? — наконец подняла она на меня голову. — Э-э-э-э, это вы?

— Это я, — поправив одеяло, согласился я, — а стул нужен, чтобы лампа в коридоре не мигала и не жужжала.

Кажется, переборщил. Широко открыв глаза, на меня смотрела хрупкая девочка в белом халате. Из видимого наряда выделялась косынка, завязанная сзади, которая своими явно накрахмаленными крыльями придавала ей вид адепки какого-то медицинского божества.

— Ээй, есть кто-нибудь дома? — я пощелкал пальцами перед ее лицом. Отлипнув, та гулко сглотнула и, не отрывая от меня взгляда, начала вставать. «Больной, вы только не волнуйтесь, все будет хорошо, все уже прошло...» — опасливо глядя на меня, начала бормотать она. Да она меня боится! Едренить, да что тут такое происходит?

Увидев, что я не собираюсь на нее кидаться, да и вообще тоже немного удивлен, она собралась с духом и, немного заикаясь, произнесла: «В-в-вы тут постоит тихонько, а я за дежурным врачом схожу, хорошо?»

Выдав путем кивка головы однозначное согласие на оба пункта, я пронаблюдавал за огибающей меня по кругу медсестрой, еще немного напугав ее этим. Вопросов становилось все больше, а ответов по-прежнему не было. Оставшись один на посту, я огляделся. Закуток размером с палату. Стол, на нем старинная настольная лампа, учебник, тетрадь. Стул... Я чуть приподнял его. Тяжелый, сваренный из железок, с подушками, покрытой кожей молодого дермантина. Меня точно выдержит. Стоящие друг за другом вдоль стены две кушетки. Стекланный шкафчик со стекланными же полочками, на которых стояли какие-то пузырьки. Окно, опять без штор. Я перевернул учебник обложкой к себе: «гистофизиология». Офигеть, я такое-то и про себя читаю с трудом, а они это учат. В окно виднелась проходящая рядом дорога, за ней какие-то обшарпанные дома и где-то вдалеке торчала труба то ли ТЭЦ, то ли завода. И если судить по листве на деревьях, то сейчас лето или весна. «А ведь уезжал я зимой» — пробормотал я, проведя еще раз рукой по щетине на голове. Опять сильно зачесалась задница. Да что же это такое...

Повернувшись, я замер. На противоположной стене висел календарь. Сверху рисунок со Сталиным, поднявшим правую руку на фоне какой-то карты. Ниже надпись «под водительством великого Сталина — вперед к коммунизму». А еще ниже за углы медицинским лейкопластырем был приклеен листочек с месяцами. В рот мне ноги и завязать узлом. Нет, я слышал, что нынче к подобному относятся лояльно, но не настолько же... Я подошел поближе. Странный какой-то календарь. Воскресенье почему-то идет первым в днях недели. Суббота напечатана тем же цветом, что и остальные дни. Я скользнул взглядом по списку памятных дат вниз. «5 декабря — день Сталинской Конституции». Да вы охренели все скопом тут, что ли? Нет, что-то тут не то. Лампы, толчок, Сталин этот. Я подошел к столу, взял учебник и открыв последнюю страницу, уставился на выходные данные. 1948 год. Нет, конечно с тех времен человеческая тушка изменилась слабо, но

учиться по учебнику полувековой давности это перебор.

От размышлений меня отвлекло приближающееся бубнение. Сестричка что-то говорила доктору, а тот ей отвечал что-то успокаивающим тоном. «... Нет, милочка, вы действительно меня мистифицируете» — открывшаяся дверь впустила в коридор доктора, за которым хвостиком вилась медсестра. Доктор был совершенно не таким, каким я привык видеть эскулапов. Нет, очки в тонкой оправе и седая бородка клинышком была норм. Но остальное... Халат, одетый прямо на костюм, явно запахивался где-то на спине, если судить по завязанному пояску. Белая шапочка на голове по форме была ближе к поварскому колпаку, чем к привычному мне атрибуту докторов. Я перевел взгляд вниз. И ботинки. Обычные, начищенные черным кремом ботинки. Сколько не видел докторов, все они в больнице щеголяли в тапках.

— Вы кто? — подняв взгляд, спросил удивленно я.

— Позвольте представиться, Виктор Александрович Грецкий, врач, — ответил он и тут же в лоб, — милейший, вас что-нибудь беспокоит?

— Да задница чешется, а так норм все. А где я?

— Уважаемый, вы в городской объединенной больнице города Калинина, — почему-то снова на старомодном языке ответил айболит. — А позвольте поинтересоваться, как вас зовут?

— Слава я, — снова начав чесать задницу, почему-то решил посекретничать я. Значит, что-то случилось в поезде, раз я тут оказался. Но где этот Калинин? Я покопался в памяти и не нашел никаких знакомых городов с таким названием. Переименовали? Буду пока считать, что этот город где-то на пути из Москвы в Питер.

— Так, Евгения Александровна, милочка, принесите, пожалуйста, простыней в ординаторскую, давайте осмотрим... Кхм, беспокоящую пациента мускулюс глютеус, — обратился он к медсестре. Та, по-прежнему не говоря ни звука, кивнула и тут же куда-то ушуршала. Меня же провели в соседнюю комнату и предложили располагаться. Еще одна кушетка, пара шкафов, большой круглый стол посередине и стулья вокруг. Взяв ближайший стул, я уселся на него, зажав одеяло между ног.

— Хм, атаксии не наблюдается, это очень хорошо, — услышал я от доктора. Не знаю, что такое атаксия, но раз ее нет и это хорошо, то я полностью согласен с доктором, болячек мне не надо.

— Вячеслав, вы позволите мне вас так называть? А какие у вас последние воспоминания перед попаданием в наше замечательное во всех смыслах медучреждение? — доктор решил продолжить.

— Сел в поезд, выпил, уснул, — несуразность происходящего вокруг прямо-таки вопила мне о том, что сильно много говорить не надо.

Тут вошла эта самая Евгения. Плюхнув пачку простынок на стол, она взяла верхнюю, взмахнула ей, расправляя и опуская на кушетку. Затем наклонившись, стала заправлять ее по углам. Натянувшийся халатик обрисовал контуры попы и приподнял завесу над стройностью ног. А ничего так...

— Тэ-экс, парафилии тоже не наблюдается, — вдруг донеслось до меня. Повернув голову, я увидел наблюдающего за мной айболита. Черт, спалил, как пацана...

— Ну-с, снимайте одеяло и ложитесь, — последовало распоряжение.

Немного показушно я встал, скинул с плеч одеяло и глянул вниз. Уфф. Ничего не торчит, а значит стесняться нечего, тут все врачи. Или скоро ими будут.

Расположившись на кушетке, я без всяких просьб ткнул пальцем в чешущееся место. Айболит ткнул туда пальцем, потом спросил «больно?» и, даже не выслушав ответ, начал раздавать приказания. Вскоре меня в районе лопаток и жопы уже натирали каким-то камфорным спиртом. Воняло противно, но прикосновения женских рук все компенсировали. Черт, чего меня так плющит-то? Соберись!

— Доктор, а можно мне еще штаны какие-нибудь? А то сверкать голым задом не входит в список моих любимых занятий, — попросил я, снова укутываясь в одеяло. А эта медсестричка стоит и наблюдает, зараза. Как будто голого мужика не видела.

— Всенепременно! А позвольте у вас узнать, а что входит в ваш список любимых занятий? — тут же кинул ответку айболит.

— Комп... — тут же прикусил я язык. Если это то, о чем где-то вдалеке машет мне моя чуйка, то слово компьютерщик тут никто не поймет. Надо срочно выгадать время «на подумать».

— Компанейский я... Наверное. А больше... Не помню — с длинными паузами, перемежающимися собиранием складок на лбу, ответил я, состроив удивленное лицо.

— А вообще, что со мной? — как-то неожиданно заменил я букву щ. Какой-то старый фильм недавно смотрел, там привычные нам "щ" выговаривали совершенно по-другому.

— Милейший, вы попали в железнодорожную аварию. Какой-то товарищ из колхоза на тракторе куда-то не туда заехал, и паровоз сошел с рельс. А за ним и несколько вагонов. Вас нашли без чувств около одного из них, — с каким-то сожалением глядя на меня, произнес доктор.

Так. Колхозник на тракторе — ладно, но паровоз! Это же экзотика, на ней за деньги по выходным у нас катают.

— Вас привезли сюда, в ближайшую больницу. И до сегодняшней ночи, вернее, уже скоро утра, вы лежали тут, не реагируя ни на какие стимулы. А сегодня напугали собой милейшую Евгению Александровну, — продолжил он.

— Евгения Александровна, прошу простить меня, я не был информирован, — на всякий случай тут же повинился я перед продолжающей меня рассматривать медсестрой. — А сколько я тут уже?

— Больше месяца. Сейчас на дворе 17 мая 1951 года.

— И-и-биться сердце перестало. 51й? Оху... ехал я — медленно ответил я, переваривая ответ.

Я офигевше сидел, уставившись в одну точку. 51й год, еще два года Сталин будет жить. Ведь точно помню про 53-й, смотрел кино с Папановым на эту тему. Потом Хрущев. Потом... Не помню, да и не важно пока. Тут нет компьютеров, тут нет интернета, тут нифига нет из привычного мне. Я попаданец, едрить меня через колено. И я попал, реально попал.

Из пучины размышлений меня вырвал ударивший в нос резкий запах нашатыря. Резко откинувшись, я взглянул на обеспокоенных врачей.

— А это есчо зачем? — вытирая выступившие слезы, спросил я.

— Простите еще раз, но вы не отвечали и не проявляли реакции.

— Немного задумался о насущном, — откликнулся я. — О, одежду принесли, — заметил я лежащую рядом со мной стопочку. В стопке оказались безразмерные пижама и штаны, где вместо резинки в поясе была продета веревочка. Встав и завязав узел бантиком, я почесал руку около локтя. Колючая какая-то хэбешка попалась...

— Виктор... эээ, — я напрочь забыл отчество доктора.

— Александрович, — напомнил мне по-прежнему пристально разглядывающий меня доктор.

— Да, Виктор Александрович, а можно я пойду полежу немного? А то как-то такое досих пор в голове не укладывается, — мне срочно нужно время, чтобы придумать, как дальше быть.

— Да, всенепременно, только позвольте один вопрос: зачем вам стул был нужен?

На этом вопросе я улыбнулся, вспомнив, как напугал медсестру.

— Быстрее показать, чем рассказывать. Пойдемте, — я на шарил ногами тапки.

Выйдя из ординаторской, я подхватил стул за спинку и сиденье и понес его к так успешно разбудившей меня лампочке. Поставив стул под ней, я взобрался на него и взглянул на лампы поближе. Толстая колбаса колбы очень отдаленно напоминала привычные мне лампы дневного света.

— Может, ток выключить? — спросили меня снизу.

— Не, не надо. Видно же ничего не будет. Ну, и если что, запишите мне в историю болезни лечение электротоком, — ответил я, продолжая рассматривать конструкцию светильника. Видимо, с момента изобретения ничего нового не придумали, потому что я сразу же обнаружил дроссели и стартеры. Один из них разгорался и гас в такт бзыканью, поэтому и был сразу же определен мной в неисправные. Аккуратно взявшись за кончик, я покачал его влево-вправо, и он неожиданно легко выпал из креплений. Нда-с, «нажать-повернуть-защелкнуть» из нашего времени тут и не пахнет.

Спрыгнув со стула, я протянул стартер айболиту:

— Вот, перестало. А это передадите электрику, я просто выключил лампу.

Виктор Александрович покрутил стартер перед глазами и, хмыкнув, отдал его Евгении. Дескать, ты дежурная, и это по твоей части.

Отнеся стул назад к столу, я еще раз испросил разрешения удалиться и, получив его с наказом в случае возникновения вопросов безотлагательно обращаться, ушел в палату, где и завалился на жалобно скрипнувшую койку.

Положив руку под голову, я принялся размышлять. Вообще-то само попадание в прошлое не стало для меня каким-то таким откровением. В свое время я читал много фантастики про попаданцев, только все они почему-то попадали в 41-й год, некоторые с ноутбуками или даже со смартфонами. Ну, или как минимум с энциклопедической памятью. Немного освоившись, они начинали изобретать промежуточный патрон, командирскую башенку для Т-34 и садились писать письма Сталину. Ну, и выигрывали Великую Отечественную кто на год, а кто и на три раньше. А потом жили хорошо и счастливо. А я попал сюда голым. Понапрягав свою память, я понял, что она у меня ни фиги не энциклопедическая. Я ничего не знаю про эту эпоху. Вдобавок к скорой смерти Сталина я смог вспомнить только, что где-то в это время был создан первый компьютер. Нда-с, совершенно не густо. Значит, будем имитировать полную потерю памяти. Тут помню, а тут не помню. Готов сотрудничать по этому поводу с кем-угодно, только верните мне память. Так, с этим понятно, идем дальше.

Нет, можно, конечно, так и не помнить ничего, но жизнь в качестве подопытной зверюшки на больничной еде меня совершенно не привлекает. Значит, пора заняться ревизией своих навыков и умений.

Я умею в компьютеры, сети и все, что с ними связано. Отпадает напрочь. Насколько я

помню, где-то в эти времена была произнесена избитая фраза «кибернетика — это продажная девка империализма». Или это было про генетику? Не важно. Нет, если удастся подтолкнуть в правильном направлении, я постараюсь не упустить момент, но вот так, беспмятному выталкивать себя на всеобщее обозрение — нафиг-нафиг.

Умею машину водить. Даже сделаю легкий ремонт или там масло поменяю. Вроде водитель сейчас — уважаемая профессия, так что отложим в копилочку «какие навыки можно показывать». Главное, про ABS и ESP не начать рассказывать. Хотя трехточечный ремень безопасности тоже где-то тут изобрели.

Электричество. Компьютеры же от него работают, поэтому все знакомо. Даже где-то дома валялась корочка про допуск к сетям до тысячи вольт. Розетку там починить или чайник какой тоже для меня не представляет труда. Да и с этой лампочкой я уже засветился перед айболитами, так что все в плюс пока.

Сантехника? Ну, прокладку сменить могу. Сальник из пеньки изображу. Сифон прочищу. В общем, бытовуху осилю. Не очень приятная работа, но если станет выбор, то пойду.

Дерево и металлообработка. Брр, не мое. Нет, что-нибудь отпилить или там напильником пошоркать я могу, но еще со школы не испытываю к этому никакой радости. Долой.

Химия. Помню, что кислоту в воду надо лить, а не наоборот. Всякие валентности и прочие пептиды были успешно забыты мной тут же после окончания школы. Тоже долой.

Физика и математика. Участвовал в олимпиадах, поэтому знаю, умею, применяю. Но сильно подозреваю, что мой школьный уровень тут никому не нужен. Значит не выпячиваем. Знаем, что если литр спирта смешать с литром воды, то результат получится меньше двух литров, а биссектриса — это крыса, делящая угол пополам, и нормально.

Географии и остальные предметы тоже остались где-то на периферии моего сознания.

Кстати... Интересно, а как тут с авторскими свидетельствами на изобретения? Можно же ведь потешить свое тщеславие и понаизобретать всяких мелочей, привычных в моем времени...

Поразмышляв еще немного и не обнаружив больше новых знаний и умений, я окончательно решил, что буду играть роль этакой слегка белой кости. Или синего воротничка. Но абсолютно ничего не помнящего про прошлое. Как своего, так и страны.

Внезапно мой сосед по палате перевернулся на другой бок и продолжительным пуком испортил в палате воздух. Открывая окно для проветривания, я вспомнил анекдот про продавца рыбы на рынке.

Подходит к продавцу рыбы этакая фифа, и тыкая в рыбу пальцем, морщит носик. Потом спрашивает: а чего это с ней? Продавец ей и отвечает: спит. А та снова: а почему воняет? В ответ: Ты, эта, когда спишь, себя контролируешь?

Мысленно поаплодировав сам себе, я поставил галочку напротив еще одного умения. Анекдотов и всяких приколов я знаю много. На этом можно стать каким-нибудь вторым Жванецким или Райкиным. Вроде артисты тоже кучу бабок зарабатывали в это время. Какой разносторонний я, оказывается...

Вернувшись в кровать, я еще немного погонял мысли туда-сюда, а потом как-то незаметно заснул.

Глава 2

Меня разбудили удары чем-то тупым по ножке кровати. Открыв глаза, я увидел пожилую женщину в синем халате, шустро возюкавшей шваброй рядом со мной.

— Доброе утро! — решил первым делом поздороваться я.

— Ох ты ж, господи! — отшатнулась она, — напугал, проклятуций. Ты же мертвым лежал...

Улыбнувшись, я сел по-турецки на кровати.

— Да, было такое недоразумение. Но теперь я снова живой, хоть ничего и не помню.

— Ишь ты... Вот ведь как оно повернулось-то, — посетовала она, опираясь на ручку швабры. — А чего тогда лежишь? Ведь время уже за девять часов ушло...

— Так не будил никто до вас, вот и лежал, — я наклонился, чтобы посмотреть на пол, и повел головой. — А мне по помытому можно? Тряпкой иль шваброй по спине не огреете?

— Иди уж, шоб тебя комары не жрали...

Вдев ноги в тапки, я первым делом посетил трон в туалете. Странно, вроде и не пил ничего, а все равно хотелось отлить. Ополаскивая лицо, я взгляделся в испещренное оспинами больничное зеркало, а то вчера не до того как-то было. В зеркале я увидел определенно себя же, только сильно помолодевшего. Распахнув пижаму, я проинспектировал свое тело. Определенно я, даже шрамы от операции в детстве были на месте. Покрутившись еще немного, я дал себе нынешнему лет 25–28. Ну что же, вполне себе новая жизнь впереди...

Подойдя к столу дежурной медсестры, я увидел сидящей за ним новенькую. Тоже молодая, но в ней уже начинает проглядывать этакая стать деревенской бой-бабы. Ну, той, которая пожар остановит и коня на всем скаку переплюнет. Увидев толстую косу, перекинутую через плечо, окончательно утвердился в своем мнении.

— Добрый день! — осторожно поздоровался я с ней.

— А, больной. Наконец-то вы проснулись, а то нам Василий Васильевич запретил вас будить, — ничуть не испугавшись меня, ответило это деревенское создание.

— Простите, а кто этот Василий Васильевич? А то, сами понимаете, я тут новенький...

— Василий Васильевич Успенский. Наш главный врач и очень востребованный хирург, — с какой-то гордостью ответила она и встала. — Пойдемте, он наказал незамедлительно вас к нему привести.

Пока меня вели по больнице, я обратил внимание на четкую «цветовую дифференциацию» в одежде. Больные все поголовно тусовались в пижамах. Из тех, кого увидел, все были либо в полосатых, либо, как у меня, в цветочек. Следом по рангу шли медсестры. Все были в халатах, которые завязываются сзади. Они носили косынки, которые полностью открывали лоб и сантиметра три прически. «Крылья», как у вчерашней медсестры, были не у всех. Наверное, местная медицинская мода. И самыми главными были врачи. Все таскали шапочки, даже женщины. И обязательно халат, который застегивается спереди на пуговицы. Такого, как вчера у Грецкого, с пояском, я ни у кого не увидел.

Наконец меня буквально за ручку подвели к двери, за которой обнаружилась маленькая приемная. Около секретарши стояло рядом несколько деревянных стульев, один из которых я немедленно оккупировал. Вроде совсем ничего прошел, а уже запыхался. Отвыкло тело от нагрузки.

Пока медсестра рассказывала секретарше, кто я такой, я рассматривал обстановку. Портрет Сталина над дверью, какая-то зелень с большими листьями в горшке и тумбочка с водруженным на нее чайником. Вроде даже электрическим. А проводка тут... Я даже встал и подошел, чтобы рассмотреть. Прямо поверх штукатурки тут через одинаковое расстояние были прикреплены фарфоровые бочонки, поверх которых проходили свитые провода. И изоляция у проводов была матерчатой! Раритетный писк, я про такие только читал в свое время. Наверняка если где-то поискать, то потом можно будет поизучать и бумажную изоляцию в своей естественной среде обитания.

Но вот рассмотреть выключатель в виде маленького бочонка с крутилкой посередине мне не дали. Позвали в гости к местному главе. Оно светило больше всего напомнило мне этакое бармалей, переодевшегося в айболита. Шапочка, очки и халат были на месте, но вот борода... Вместо клинышка или там других привычных фасонов передо мной красовался этаким распушенный веник. Но сразу было видно, что за веником ухаживали, холили и лелеяли, поэтому он визуального отторжения не вызывал.

Бармалейский айболит в свою очередь не менее пристально рассматривал меня. Почувствовав, что пауза затянулась, я шагнул к нему и, протянув руку, представился.

— Вячеслав, можно просто Слава. Кажется, потерял память.

— Успенский, Василий Васильевич. Хирург и главный врач. Садитесь, пожалуйста, мы вас обязательно вылечим, — включил улыбку айболит и приглашающим жестом указал на стоящее около стола кресло.

Подождав, пока я устроюсь в кресле, он скрестил руки «домиком» и начал форменный допрос, замаскированный под участливую беседу. Я стойко держался версии «сел, выпил, заснул, очнулся тут» и отказывался вспоминать что-то, кроме событий, в которых был полностью уверен. Например, я соглашался с тем, что Великая Отечественная война окончилась нашей победой, но удивленно пожимал плечами про вопросы, служил ли я и где. Или я «вспоминал» про Жукова и Рокоссовского, но не смог назвать фронтов, которыми они командовали. Василий Васильевич оказался упорным и под чай с пряниками гонял меня практически по всем областям знания человечества. От географии до приснопамятной химии. Я стойко держал оборону, одновременно всем своим видом выказывая желание помочь.

Наконец, составив о мне какое-то мнение, полностью его устраивавшее, он перешел к событиям сегодняшней ночи. Я еще раз повинился перед ним, что нечаянно напугал Евгению Александровну. Однако его интересовали мои познания в электричестве, где я тоже ничего не помнил, кроме неизвестного (или уже хорошо забытого) врачу закона Ома.

— Вот, смотрите, настольная лампа, — он поставил передо мной на стол копию лампы со стола медсестры, — У нее есть неисправность. Сможете починить?

— Ну, смотря что за неисправность, — осторожно протянул я.

Василий Васильевич распутал шнур от лампы и воткнул вилку в розетку. Я внимательно поглядел на шнур — никакой тканевой оплетки, изоляция похожа на современную.

— Вот видите, так она не горит, — пощелкал он белой пипкой, — а вот так зажигается, — пошевелил он шнур около подставки, и та, мигнув, осветила стол.

— Такое, кажется, я умею чинить. Есть какие-нибудь инструменты? — внутренне ликуя, спросил я. Проблема-то пустяковая.

Сначала айболит хотел послать за слесарем, но я остановил его, мотивируя, что попробую починить чем-нибудь подручным. Дескать, вдруг что-то вспомнится. Доктор с

удовольствием согласился со мной, и мы вместе стали перебирать имеющееся в кабинете.

Самым подходящим оказался старый и уже тупой скальпель. Василий Васильевич вскрывал им приходящие на его имя конверты. Проверив, что вилка вынута из розетки, я взял лампу в руки. Лампа была увесистой, сделанной на совесть из какого-то материала, отдаленно похожего на пластмассу. Не эбонит, но что-то похожее. Карболит? Бакелит? Не разбираюсь совершенно в таких древностях.

Перевернув лампу вниз головой, я обнаружил на подставке два массивных болта, крепивших дно. Зажав лампу между ног, я воспользовался скальпелем как отверткой и открутил болты. Приподняв дно, я увидел ожидаемую картину: около колодки выключателя светлый шнур становился коричневым. Именно там провод то ли лопнул, то ли перегорел.

Дальше все просто: открутил провод от контактов выключателя, я с помощью ножниц обрезал провод прямо за сгоревшей частью. Затем я аккуратно разделил его вдоль на две части и, поочередно зажав концы провода в зубах и потянув, оголил кончики провода. Примерив расстояние, я завязал провод обычным узелком с внутренней стороны лампы. Теперь когда за провод будут дергать, все усилие примет на себя узелок, а не кусочек на контактах выключателя. Закручивая все в обратной последовательности, я краем глаза наблюдал за айболитом. Тот, не отрываясь, смотрел на доселе неизвестное ему применение скальпеля с искренним интересом.

— Ну вот, принимайте работу, — поставил я лампу назад на стол.

— И что, даже не проверите? — удивился врач.

— А чего проверять-то — поломка была пустяковая...

Доктор включил лампу в розетку и пару минут то щелкал выключателем, то шевелил шнур. Лампа вела себя безукоризненно.

— Нда-с, — растерянно произнес врач, отодвигая лампу на край стола, — признаюсь откровенно, я в полнейшей растерянности.

— Знали бы вы, в какой растерянности я был ночью, — откликнулся я.

— Даже не хочется представлять. Видите ли, науке известны случаи ретроградной амнезии, они далеко не редки. Но вот про такой обширный случай я раньше не слышал. А о том, что смогу наблюдать лично, даже и не мечтал, — он как-то плотоядно потер руками, снова превратившись в бармалея в белом халате.

— Доктор, так это... эта мнезия лечится? — сыграл немного под дурака я.

— Иногда да, иногда нет. Но могу вас обрадовать, процедурная память у вас не затронута совершенно, и это вселяет очень большие надежды даже мне, хоть я и не специалист в мозговой деятельности.

— Процедурная память — это какая? — заинтересованно спросил я. Ведь явно же не компьютерный термин используется тут.

— Навыки и умения. Ходить в туалет, держать ложку... Использовать скальпель как слесарный инструмент, — он снова щелкнул выключателем лампы. — Сегодня же позвоню Борису Григорьевичу, обрадую его таким феноменом.

— А Борис Григорьевич — это кто? — немного с опаской спросил я.

— Егоров, глава института нейрофизиологии, ученик Николая Нильча Бурденко, мой хороший товарищ.

Нифига себе, какие люди. Хотя про Бурденко я знал только то, что его именем назван крутой госпиталь в Москве. Пару раз проходил мимо, и всё...

— Так, а теперь давайте поговорим о вашем будущем, — Василий Васильевич,

опершись о стол, встал. — Нет, сидите-сидите, мне просто стоя лучше думается, — остановил он меня, попытавшегося встать следом.

— Итак, моей власти хватит, чтобы вы задержались в больнице на пару недель, а может, и на месяц. Так что про кров и писчу вы пока не беспокойтесь, — исковеркав букву "щ", произнес он.

— За это время вы получите в милиции необходимые документы, и я смогу вас определить в общежитие при больнице, — продолжил он, сомкнув руки в замок за спиной. — А там вы найдете себе работу... Хотя... Постоите-ка, ко мне только что пришла замечательная мысль!

Разглядывая задумавшегося врача, я внутренне ликовал. Кажется, у меня получится вписаться в местное общество с железобетонной легендой. Если и этот Егоров меня не выведет на чистую воду, то мне в дальнейшем вообще бояться нечего. Внезапно доктор вышел из зависания и повернулся ко мне.

— У нас в больнице есть определенные проблемы с электрическим оборудованием. Электрослесарь крайне небрежно относится к своим обязанностям, через что врачи и младший медицинский персонал часто не могут удовлетворительно выполнять свои обязанности.

— Бывает, но при чем тут я? — не понял я, — обучить его чему-то? Так я не знаю...

— Нет-нет, — перебил меня воодушевившийся доктор, — вы попробуйте заменить его! Всё равно его, оглоуда, когда надо, не найдешь. Вон, лампу уже который месяц просил починить.

Я задумался над подводными камнями. Ну, лампу я починил, а если что серьезное сломаю... Списать на потерю памяти?

— И вдобавок, очень часто привычные действия способствуют возвращению памяти! — решил добить меня доктор.

Эх, дорогой ты мой бармалей, знал бы ты, какие действия для меня привычные... Подвигал немного бровями, имитируя непростые размышления, и кивнул.

— Хорошо, доктор, надеюсь, вы совершенно правы и ваша теория полностью реализуется, — взволнованно ответил я. А чего? Должен соответствовать. Ведь пока не стукнет 220, человек не превращается в повелителя мрака. Так что электрик я теперь. Почти всамделишный, и пусть кто попробует мне в этом возразить.

Глава 3

Для начала «самделишного электрика» перевели из отделения интенсивной терапии в отделение для выздоравливающих. Весь мой редкий опыт посещения больниц в моем времени не содержал подобного. Куда в больнице приняла, оттуда и выпнули потом. Ну, если только в реанимацию не попал.

После осторожного выяснения про место назначения оказалось, что тут есть места, где уже выздоровевшие больные дожидаются официальной выписки. Лечить их уже не надо, максимум пару таблеток скормить, но присмотреть необходимо. Или люди ждут подходящего транспорта до дома. В общем, этакий отстойник-накопитель.

Перевод осуществился до безобразия просто: меня просто привели в другое место и, указав на койку, сообщили, что она теперь моя. На вопросы про обед и прочие развлечения очередная фея в белом коротко проинформировала про какой-то стенд, на котором «вся необходимая информация присутствует в достаточном объеме». Нет, все-таки как прикольно, с таким пафосом в построении фраз разговаривают наши предки. Надо тренироваться, чтобы поменьше выделяться.

Немного покачавшись вверх-вниз на кровати, я не обнаружил в себе хоть какого-то желания полежать, а тем более поспать. А значит, надо пройтись по окрестностям и разведать все места. Обнаруженный туалет встретил меня плотной дымовой завесой, сквозь которую проглядывало несколько силуэтов и слышались мужские голоса, обсуждающие вечное, то есть баб. Особого желания присоединиться к дискуссии не было, поэтому было решено проинспектировать это место позднее.

В остальном выздоравливающее отделение повторяло то, в котором я очнулся. Только вместо календаря со Сталиным я обнаружил тот самый стенд с информацией. В принципе, ничего необычного. Подъем в 7, завтрак в 8, обед в 13, ужин снова в 7, в 22 всем спать. В промежутке — медицинские процедуры и прочие обходы. Я обернулся, разыскивая часы. Оные обнаружили в закутке около медсестры. Большие напольные часы, медленно раскачивая маятником, сообщили мне, что сейчас три часа. Значит, обед я пропустил. Но чай с пряниками от главврача еще не переварился, поэтому я не стал больше заморачиваться на эту тему.

— Кто тут Слава, ну, который из новеньких? — раздался от дверей громогласный голос. О! Это по мою душу.

— Я тут, — выйдя из закутка в коридор, сообщил я.

Передо мной стоял и улыбался высокий черноволосый кавказец в военной форме, на плечах был накинут халат. Однако быстро тут милиция работает...

— Михаил, — представился он, пожимая протянутую руку, — заведующий местным хозяйством. Мне Василий Васильевич сообщил, что вы наш новый электрик.

— Вячеслав, — ответил я. — Ну, как "электрик"... Лампочку вот починил ему, и всё.

— Скажешь тоже, лампочку. У нас сейчас и такого нет, — он чуть наклонился ко мне. — Я вот в электротехнике вообще не понимаю, темная вода он для меня, так что любая помощь очень нужна.

— А электрик по штату как? Хотя мне сказали, что он не очень.

— Да какое "не очень"! Пьет он, как сивый мерин, и откуда только деньги берет, спиноза мокроногая. Что между запоями починит, тем и спасаемся...

— В таком одеянии электрику ходить негоже, — немного отстранившись, Михаил осмотрел меня в пижаме и покачал головой.

— Ну, пока успел обзавестись только пижамой и тапочками, да и те казенные.

— Так, а жить тебе есть где? — внезапно озаботился завхоз.

— Ну, койку в палате выделили вроде...

— Ну что за крохоборы! У нас же есть свободные койки! — взмахнул руками Михаил.

— Да ладно, общежитие тоже обещали, но потом, когда милиция документы справит, и я покажу себя, — попытался я выгородить главврача.

— Да при чем тут общежитие! — развернувшись, потащил он меня за собой. — У нас есть свои койко-места для работников. Ну, для истопника, когда он был, или для дворника. Снег пойдет, так домой не набегаеться, а вверенное хозяйство необходимо содержать в порядке. Ну, или для других случаев, когда, например, на работе устанешь и нужно отдохнуть спокойно.

Скажу честно, путь я не запомнил совершенно. Вот брось меня, и я так и помру без помощи посреди какого-то очередного отделения. Мне с гордостью сообщили, что у нас тут целый больничный городок аж из шести корпусов, котельной и даже своей станцией скорого вспомоществования. В ответ я мог только выражать свое восхищение угумками и прочими междометиями.

Наконец меня привели на какой-то склад. Мягкий запах пыли и полки, на которых ровными стопками лежало что-то из ткани, позволил моей дедукции предположить, что это вещевого. Но нафига он больнице?

— Так во время войны многих раненых привозили в окончательно испорченном обмундировании. А назад необходимо было отправлять в исправном. Поэтому был организован склад. Он уже не нужен, но пока места хватает, вот и не вспоминают особо про него.

Михаил мне быстро организовал кальсоны, китель, бриджи и сапоги с портянками. Если с бриджами у меня проблем не возникло, то перед портянками я спасовал.

— Михаил, кажется, мы совместно нашли еще одну область, где я потерял память, — сообщил я ему.

— Да как же так, портянку намотать — раз плюнуть, — он сел на скамеечку, скинул сапог и как-то шустро намотал портянку назад.

Я попробовал повторить. Естественно, что у дитя 21-го века ничего не получилось. Посмотрев на мои попытки, завхоз скривился и, попросив подождать, опять скрылся в глубине склада. Вскоре он мне принес вполне себе привычные мне брюки, носки и черные ботинки.

— Мореманские иль генеральские, вон какой шовчик, — похвастался он, развернув брюки передо мной.

— Да не, у генеральских же лампасы по бокам, — усомнился я.

— Ну, когда как... Ладно, с носками-то управишься, аль тоже память потерял?

С носками я управился, а вот с брюками и ботинками произошел небольшой конфуз: глазомер Михаила дал сбой, и они мне были откровенно малы. Чтобы не мотаться туда-сюда, я предложил отнести сапоги и бриджи на положенное место и осуществлять примерку прямо на месте хранения. Немного попетляв между полок, мы подобрали мне и штаны побольше и ботинки нужного размера. Правда, ботинки оказались не черными, а

коричневыми, но лично мне было пофиг.

— Ну конечно, полное безобразие в форме одежды, — оглядел меня Михаил, — но командир тут я, поэтому взысканий не последует.

Следующим шагом мне показали уже второе место жительства за сегодня. «Подвал поликлиники, его все знают» — сообщили мне адрес. Положив на пустую тумбочку около кровати пижаму и тапки, я огляделся. Та же палата, только окон нет и по потолку идут толстые трубы, в которых изредка что-то шумело и булькало. Просто отлично для первого дня, как по мне.

Внезапно в животе у меня забурчало.

— О! А это правильное и своевременное предложение, — услышал позывы моего живота Михаил. — Пошли поедим, что нам пошлет Серафимовна, а то я тоже немного голоден.

Серафимовна, вернее Пелагея Серафимовна, оказалась заведующей пищеблоком больницы. Как и положено труженицам котла и поварешки, она оказалась круглолицей и огромной в объёме. Грациозно выплыв к нам на призыв Михаила, она начала осматривать меня с ног до головы. Возникло ощущение, что сейчас прикидывают, как мою тушку разделять на всякие там лопатки и ростбифы.

— Что-то больно худой вы для специалиста, — внезапно басом произнесла она.

— Ну, я болел, а сегодня только чай с пряниками у Василий Васильевича достался, — пожалился я.

— Ну, тогда постой здесь, я сейчас распорядюсь, — ответствовала она и пошла куда-то в глубь кухни, скрывшись за кучей плит и стоящими на них кастрюлями.

Ответа от меня явно не ожидалось, поэтому я кивнул и решил немного осмотреться. Никаких подносов или там стоек раздачи не было. Просто один столик, возле которого стояли большие кастрюли. С другой стороны кухни стоял десяток таких же столов с расставленными вокруг стульями. Подняв взгляд, я обнаружил пару неработающих лампочек. Мысленно поставил галочку исправить этот беспорядок первым. Ибо столовая, как и бухгалтерия — первейшие места для обеспечения жизнедеятельности любого трудового организма. А свой трудовой организм я собирался холить и лелеять.

— Здрассти, а это вы наш новый сотрудник? — я обернулся. Около баков стояла невысокая улыбающаяся девчушка в немного запачканном халате. — Ну, вы еще без памяти остались, да?

Офигеть, как быстро работает сарафанное радио... И какая непосредственность и прямота в общении.

— Вы совершенно правы, это я. Позвольте представиться... — меня что-то потащило на благородный тон

— Ой, я знаю, вы Слава! А меня Зиной зовут, очень приятно, — даже не дав ответить, пичуга быстренько начала доставать из стопки тарелки и наполнять их из разных баков.

Зина оказалась балаболкой-пулеметчицей. Пока мы с Михаилом получали какой-то суп с лапшой, классическую пюрешку с котлеткой и чай, она успела и пожалеть меня, и рассказать, что прошлый электрик им что-то уронил в кастрюлю, и им пришлось все содержимое вылить, за что Пелагея Серафимовна очень его ругала. Затем я узнал про хорошую погоду и то, что какая-то Ефросинья урвала отрез, но на платье его не хватит. Попытавшись что-то сказать в ответ, я потерпел тотальную неудачу. Ей абсолютно не нужны были наши ответы и вопросы, она была полностью самодостаточной. Наконец, пожелав нам

приятного аппетита, она подхватила какую-то кастрюлю и умчалась с ней в глубь кухни.

— Зиночка хорошая, — увидев мою оторопь, произнес Михаил, — она порции хорошие кладет. А вот была бы Агафья, так у той все по нормативам...

— Да нет, просто неожиданно как-то, — ответил я, отодвигая стул и усаживаясь за стол. — А что, какой режим работы тут у столовой? А то нарушать распорядок — это последнее дело.

Оказалось, что пожрать тут можно практически круглосуточно. Понятно, что ночью разносолов не жди, но взамен разрешено самообслуживание из выставляемых на стол остатков. А так приходи в любое время, покормят чем есть. Ну неправильно же, когда тот же доктор будет останавливать операцию ради обеда. Да и питаются тут не все: некоторые предпочитают принести из дома что-нибудь повкуснее больничной еды.

Поев, мы составили тарелки на выступающий из окошка в стенке металлический конвейер. «Новинка! Посудомоечная машина! Одна женщина с ее помощью моет двести комплектов посуды меньше, чем за час» — с гордостью отрекомендовал агрегат Михаил. Я заинтересовался и попросил рассказать принцип работы.

Дальше за конвейером был еще один, но с такими металлическими рожками, которые держали тарелки вертикально. Работница кухни расставляла посуду, затем большим колесом заставляла двигаться конвейер. Тот через болтающиеся полосы резины завозил грязную посуду в мойку, где струи воды с разных сторон смывали остатки еды. Ну, а пока одна порция посуды мылась, с другой стороны мойки надо было собрать уже чистую и разложить ее по стопкам.

Еще раз восхитившись человеческим гением, я попросил Михаила прикинуть совместно завтрашний план работ. Ну, а чего ждать-то... Но тут меня ждал облом. Самой главной в больнице после главврача была «Главная Медицинская Сестра». Вот именно так, каждое слово с большой буквы, произнес Михаил. И именно она рулила всем: от смены постельного белья до расписания операций.

— Эээ, это такая женщина, — внезапно у него прорезался акцент, — она такая... Спортсменка, красавица...

— Комсомолка? — попробовал продолжить я.

— Не, уже член партии, — не понял моего прикола Михаил. — Но такой красивый, что прямо умереть и не встать. И строгая, что поперек слова не скажи. Но в то же время и справедливая. Мечта мужчины!

— Так раз мечта, то чего замуж не позовешь? — улыбнулся я.

— Звал. Но она, как мужа в войну потеряла, так всем отворот дает, — поведали мне. — Но это не мэшает нам всем ей любоваться, — внезапно снова подтвердил свои кавказские корни Михаил.

— Ладно, пошли, представишь ей меня...

Но представление не случилось. Как нам поведала первая же перехваченная медсестра, она с главврачом уехала на какую-то тусовку в райком или горком.

— Ну, значит завтра познакомитесь, — поглядев на часы, резюмировал Михаил. — Рабочий день на сегодня у нас исчерпан, поэтому предлагаю переместиться в наш пункт постоянной дислокации, где и предаться вечернему отдыху.

На этот раз я двигался гораздо уверенней. Уже поняв основной принцип организации лестниц и переходов, я довольно быстро довел нас до подвала поликлиники, где было мое новое место жительства.

— За такой хороший день по чуть-чуть будешь? — хитро улыбнувшись, Михаил достал откуда-то бутылку с дымчато-сизым содержимым. — Врачи рекомендуют по пятьдесят грамм вечером.

— Так то про коньяк говорилось вроде, а это..., — я вытащил скомканную газету, служившую пробкой и нюхнул. В носшибанул запах сивухи, — точно не коньяк. Может, тут чаю раздобыть можно?

— Неужели не пьешь? — удивился завхоз, снова пряча куда-то бутылку.

— Почему это не пью? — немного обиделся я. — Пью. Но не водку и уж точно не самогон. Пиво там, например, очень уважаю. Вино не очень.

— Вах, хорошо-то как! — откровенно радуясь, потер руки завхоз. — А то у нас прямо беда в борьбе с алкоголизмом среди сотрудников какая-то. Все время проигрываем.

Оказалось, что и тут был свой кухонный закуток. Пара табуреток, маленький стол с электрической плиткой и бак с крантиком. Налив из бака в чайник воды, Михаил включил плитку в розетку и поставил на нее чайник.

— Вот ты специалист, скажи, почему когда плитку включаем, то паленым чрез некоторое время начинает пахнуть? Я чайник нюхал, он чистый. И плитка тоже чистая.

Я принялся. И в самом деле начало пахнуть паленым.

— У нас еще все время какие-то пробки вылетали раньше, пока прежний слесарь что-то не сделал с ними, — тем временем продолжал Михаил.

Кажется, я уже начал понимать, в чем тут дело. Проследив глазами путь проводки, я уперся взглядом в небольшой щиток под потолком, из которого торчали два белых цилиндра.

Взяв табуретку, я подошел с ней к щитку и, поставив, взгромоздился на нее. Паленым тут уже просто воняло. Рассмотрев цилиндрики, я увидел намотанную на них проволоку, которая уходила внутрь. Какие древние предохранители, я такие только раньше на картинках видел. И такой же классический «жучок» на них.

— Михаил, выключай там давай, — обернувшись, произнес я.

— Да я уже, чайник-то вскипел, — ответил он

— В общем, паленым пахнут провода, плитка слишком сильная для них. Ваш прежний слесарь вместо предохранителей поставил проволоку, чтобы их не менять. Еще чуть-чуть и проводка вспыхнет, — вернувшись, начал объяснять ситуацию я. — Тебе пока везло, что чайник вскипал раньше, чем проводка достаточно нагреется. Так что рано или поздно был бы пожар.

— А что же делать?

— Ну, во-первых, либо прекращать прием пищи в неуставных местах... — начал я размешивать чай в кружке.

— Либо...? — заинтересовался он.

— Либо обеспечить присутствующего здесь специалиста необходимыми инструментами и материалами, — я хлюпнув, попробовал чай. — Ибо этот специалист тоже любит всякую неуставщину и не препятствует ей, ежели она всем на пользу.

— Ты служил! — невесть чему обрадовался Михаил, — завтра все тебе покажу и обеспечу. Ведь это моя первейшая должностная обязанность, — улыбнувшись, он поднял указательный палец вверх.

— Тогда мы точно сработаемся, — заключил я, обсасывая кусочек сахара. — Потому что если ваш начальник говорит: «Мы с вами не сработаемся», то первым делом необходимо

постараться его уговорить не увольняться.

«Если не преуспею в электриках, уйду в артисты разговорного жанра», — решил я, глядя на откровенно ржущего завхоза.

По пути в кабинет самой главной медсестры я решил сразу определить границы дозволенного.

— Михаил, слушай, а как тебя по отчеству? — начал я.

— Александрович, а чего это ты? — насторожился он.

— Ну, вдруг потребуется позвать при посторонних, а ты все-таки начальство, субординация, понимать надо.

— А, ты про это. Тогда ладно, хотя я до сих пор не могу привыкнуть, что я уже не Мишка, не всегда откликаюсь.

— Еще вопрос: какие у нас есть лимиты на всякое? Ну там, если провод мне потребуется заменить или ту же лампочку. Надо какое-нибудь требование писать или еще что?

— О, братец, я же тебе вчера не рассказал. Больница наша крупнейшая, а Василь Василич — очень уважаемый человек. Поэтому с обеспечением у нас почти проблем нет. Более того, к нам привозятся и испытываются многие медицинские новинки. Вон, к примеру, та лампочка, которой ты медсестру пугал, она поставлена у нас самим изобретателем, товарищем Ф... — тут он запнулся, — вот ведь голова дырявая, забыл. Но потом вспомню, расскажу. Он еще сталинскую премию за нее получил. Голова!

— В общем, — продолжал он, свернув на очередной лестничный пролет, — у нас с фондами все хорошо, много новинок, так что скучать не приходится. Я тебе потом покажу, где записывать про взятое, и ключ дам, бери сколько надо, главное, чтобы все работало.

Странно, какой изобретатель? Вроде люминесцентные лампы точно раньше 51-го года изобрели. Но ладно, раз не придется крохоборить, то за одно это уже стоит благодарить то или тех, что забросили меня сюда.

Наконец, мы добрались до логова этой самой главнющей медсестры. В принципе, близость главы всех сестер можно было понять уже только по косвенным признакам. Все медсестры шли с таким целеустремленным и сосредоточенным видом, что, глядя на них, легко можно было поверить, что мир спасают. Ну, или хотя бы какую-нибудь страну покрупнее. Завхоз тоже замолчал и подобрался, согнав все складки на кителе за спину.

А я... А мне было как-то пофиг. После накачанных красотой и обмазанных всякими мазюльками женщин моего времени мне местные казались какими-то блеклыми. Вроде смотришь, ничего на личико такая, но стоит взглянуть выше или ниже, как всякие позывы исчезают. Хрен с ними, с вавилонами на голове, это еще можно пережить, тем более женщины всегда там эксперименты творят. Но вот босоножки, у которых через подъем стопы перекинут ремешок, а каблук иногда толще пятки — это для меня перебор. А торчащие из-под халатов кромки платьев? Причем поголовно все в какой-нибудь горошек. Брр. В общем, пока не хочется бабушек, вот совсем.

Главная медсестра отозвалась на Ирину Евгеньевну и приняла нас довольно милостиво. Правда, сначала немного морщилась, рассматривая мое разношерстное одеяние, но ничего не сказала. А потом совершенно неожиданно, ну, как минимум для меня, начала толкать речугу про совершенствование работы медсестер и всей больницы в свете самых правильных решений партии. Ох, ё... Неужели тут без такого нельзя? Ведь Василий Васильевич вроде

нормальный, не пытался мне сразу про руководящую роль рассказывать. Если и у остальных без партии никак, то мне срочно надо в библиотеку записываться и начинать штудировать литературу по теме. Кстати, а тут библиотека-то есть? Наверняка же грамотных должно быть много...

— Вячеслав, вы меня слушаете? — внезапно вернулся я реальный мир. Вот же... Реально, мысли куда-то убежали.

— Простите, Ирина Евгеньевна, как-то задумался о первоочередных задачах по электричеству.

— А не посвятите ли нас в них? — с легких сарказмом спросила самая главная медсестра. Тю... медичка, ты меня решила на место, что ли, поставить?

— Непременно. Итак. Первой очередью должна стать замена сгоревших или неисправных ламп. Причем сначала там, где работают врачи и медсестры. Следующим шагом необходима замена проводки, где существующая не обеспечивает текущих потребностей в электричестве. Одновременно производить ревизию остального электрохозяйства и совместными усилиями расставить приоритет на выявленные работы.

Ну что, съела? Я такими фразами могу долго говорить, и хрен подкопаешься. Но вообще, думаю, мой план понятен: потихоньку ознакомиться с имеющимся хозяйством и попутно начать причинять добро всем.

— Отлично, я полностью со всем согласна. Только прошу вас внести в список первоочередных задач наши операционные. Их давно надо перевести из статуса дневных, — она что-то пометила у себя в ежедневнике. — Михаил Александрович в курсе.

— И, Вячеслав, обязана вас предупредить, — она постаралась глянуть на меня очень строгим взглядом. Однако в сочетании с белыми вихрушками волос, выглядывающих из-под косынки, для меня это смотрелось скорее комично, — повторяюсь, обязана. Никаких приставаний к медицинскому персоналу! Иначе последуют оргвыводы! Вам понятно?

Ну, началось...

— Понятно. Ирина Евгеньевна, тогда еще один вопрос, — я постарался изобразить сосредоточенный вид. — А если это они ко мне приставать будут?

— Ну, вот когда начнут, тогда мы и будем решать этот вопрос, — чуть улыбнувшись, ответила она.

— Ну, ты даешь! — возбужденно вился вокруг меня Михаил. — Такое и секретарю партийной организации! Приставать к нему будут...

— А чего такого-то? — не понял я. — Я мужчина хоть куда еще, в самом расцвете сил. Да и не предупредил ты меня про секретаря...

— А-а-а-а, — махнул он рукой с видом «ну, что на идиота время терять».

— Ты вот лучше объясни мне, что такое дневная операционная?

— Давай я тебя лучше с операционной медсестрой сейчас познакомлю. Все равно лучше нее никто тебе не расскажет. А я побегу, а то, пока с тобой разбирался, дела немного запустил. Мой кабинет рядом с нашей спальней, найдешь меня потом там.

Вскоре он меня познакомил с милой молодящейся старушкой, Агриппиной Никитичной. Агриппина как раз шла в свое царство и согласилась мне все показать. Как настоящий мужик, я забрал у нее из рук какую-то большую шайбу из нержавейки и предложил руку. Хихикнув, Никитична подхватила меня, и, сопровождаемые недоуменными взглядами, мы пошли по коридору.

— Ну-с, молодой человек, спасибо, уважили. Но начнем... — на лестнице она оторвалась от меня и, взявшись за перила, начала спускаться. — Во-первых, операционная — это не совсем правильное слово, — начала она. — Правильней, это операционный блок.

— Во-вторых, операционная медсестра — это самый главный человек в операционной. Ну, конечно, после доктора. На ней лежит все: от подготовки пациента к операции до контроля наличия инструментов и материалов. Ну, и часто она же помогает доктору во время операции.

— Ну, и наконец, самая важная задача у нее, — она подошла к какой-то двери, — это не пускать в операционную посторонних.

Достав откуда-то связку ключей, она нашла нужный и отперла дверь. Моему взору открылась довольно большая комната, посередине которой стояло рядом три умывальника. Только вместо кранов у них сверху была какая-то длинная кочерга.

— Это предоперационная. Тут врач и все участвующие в операции переодеваются и моются. А кран такой специальный, чтобы врачи могли открывать и регулировать температуру воды локтем, — заметив мой интерес, пояснила она и показала, как. И в самом деле, удобно.

— Вот там у нас стерилизационная, — она забрала у меня банку, — там вот, в таких вот биксах, — она качнула железякой, — мы стерилизуем инструмент.

— Вот видите красную полосу на полу? — показала она. Я кивнул. — Когда операционная подготовлена, за нее могут заходить только люди во всем стерильном. Но сейчас операционная грязная, поэтому прошу, — она сделала приглашающий жест.

Я прошел в стерилизационную. Ну, комната как комната. Стол. Широкое окно с здоровенным подоконником в соседнюю комнату и три здоровых бочонка, лежащих на боку. Агриппина Никитична подошла к одному, открыла крышку в торце и вставила туда биксу. Ну прям как пыж в пушку. Ага. Значит бочонки — это стерилизаторы. Если я правильно помню, в эти времена стерилизацию делали жаром, значит бочонки — это, по сути, обычная духовка.

— Ну, а это у нас операционная, — повела она рукой, — это стол, это светильник, а это баллоны для наркоза.

— Вот, Агриппина Никитична, — вспомнил я задание главсестры, — а почему операционная дневная?

— Дело в том, что светильник не очень надежен. И если он сломается, то операцию завершают при дневном свете. Для этого у нас даже есть специальные зеркала, которые в этом случае мы расставляем около стенки, чтобы больше света доктору дать.

— А почему тогда просто не прикатить второй светильник из соседней операционной? — поинтересовался я.

— На данный момент график операций очень плотный, мы не можем себе этого позволить...

— А если, например, устроить дежурство электрика? Идет операция, что-то пошло не так, а он тут как тут? — подал инициативу я.

— Ну, до сих пор у нас не было слесаря, которого можно допустить на операцию, — с улыбкой поведала она.

Ладно, со светильниками этими придумаем что-нибудь, а как тут с проводкой? Я повел головой вокруг. Та же самая тряпичная проводка «на изоляторах», только сверху наклеили что-то типа клеенки. На мой молчаливый вопрос Агриппина Никитична пояснила:

— При подготовке операционной используются различные растворы, от этого с проводкой раньше были проблемы. Теперь все сестры стараются избегать ее.

— Так это же нарушение правил дезинфекции! Оттуда столько грязи теперь расплзается! — не понял я. Ведь сколько ни видел всякого про медицину, но всегда там моют и стерилизуют все напропалую.

Медсестра только горестно вздохнула и пожала плечами. Типа: «Ну, а что делать, раз такое...».

Я многословно поблагодарил медсестру за проведенную экскурсию и пошел искать свое начальство. В конце-концов, пора навестить столовую, а то время обеда уже. Я про замену лампочек, если что.

Около кабинета Михаила стоял, опершись плечом на стенку, невысокий мужик. Если мерить шаблонами из фильмов будущего, то больше всего он был похож на извозчика. Фуражка с лопнувшим посередине козырьком, какая-то то ли куртка, то ли пиджак, из под которого виднелось что-то вроде рубашки. Картину завершали штаны, заправленные в кирзовые сапоги. В общем, этакий пролетариат чистой воды.

Коротко кивнув ему, я дернул дверь. Она не поддавалась.

— Нету его, паря. Сам жду, — от мужика несло чем-то кислым.

— Спасибо, тогда и я подожду, — я встал по другую сторону двери. Потом, подумав, немного отодвинулся еще, уж больно от мужика несло.

— А ты кто тут такой будешь? А то раньше тебя не видел, — мужику, видимо, было скучно просто так стоять.

— Слава я. Память потерял. Пока Василий Васильевичем временно назначен слесарем по электричеству, — ответил я.

— Эхма. Паря, так это значит, я из-за тебя прокорму лишился? — он отлип от стенки.

— Если именно вы были электриком до меня, то не из-за меня, а из-за пьянства. Много жалоб уже услышал, — лениво ответил я, разглядывая противоположную стенку.

— Да што ты, Славка, понимаешь. Счас я тебя... — он попытался взять меня «за грудки», но из-за разницы в росте получилось скорее помять мою рубашку в районе живота.

Вот не люблю я драк. Вот эти вот махания руками, фингалы и прочие взгляды поверх рукава, вытирающего бегущую из носа кровь. Чем больше дистанция до противника, тем мне комфортней. В школе для разрыва дистанции я без какого-либо зазрения совести использовал первые попавшиеся под руку средства: от чужого портфеля до валяющихся палок. А в компьютерных игрушках первым делом прокачивал всякие снайперские приبلуды. Эх, где вы, мои игрушечки...

Но тут не школа, поэтому я без особых раздумий, чуть повернувшись вправо, приподнял левую ногу и со всей силы топнул. Ну, а то, что под моей ногой оказалась нога этого извозчика, так кто ему виноват? Смотреть же надо, куда ноги ставишь.

— Ты чего подлыми приемчиками дерешься... Это не по-мужицки же, — проорал сквозь слезы скачущий на одной ноге мужик.

— Я же говорил — память потерял. Не знаю, что можно, а что нельзя, — улыбнувшись, я провел ладонями сверху вниз, разглаживая складки на рубашке. — Но если трудящийся пролетариат попросит, могу попытаться вспомнить.

— То-то я иду и слышу, как Ефимыч блажит. Аж ушам не поверил, — по лестнице спускался Михаил. — За расчетом пришел?

— А чего он... — начал было извозчик, — я хотел, как полагается, а он...

— А что он? — спросил Михаил, глядя на меня.

— А он, — ответил я, — на ногу наступил. Для профилактики.

— Видишь, для профилактики, — сдерживая улыбку, повернулся Михаил к мужику. —

Пошли, болезный, подпишу тебе бегунок.

Все-таки я пришел вторым, поэтому очередь есть очередь. Я молча смотрел через открытую дверь, как Михаил сверяется с какими-то записями и что-то пишет в протянутый ему листочек. Вскоре он закончил.

— Вот уж я тебя... — пробурчал мужик, проходя мимо меня.

— Следующий раз будет выше, по яйцам, — произнес я, не глядя на хромящего и уже официально бывшего электрика.

Тот что-то пробурчал и окончательно скрылся с наших глаз.

— Новый анекдот про врачей хочешь? Так, пациент. У меня для вас две новости. Одна хорошая, а другая плохая. С какой начинать? — я прицелился пальцем в Михаила.

— Давай с плохой, — уже заранее улыбаясь, подыграл Михаил.

— Плохая состоит в том, что мы вам ампутировали здоровую ногу, — я рукой показал «чик и готово».

— А хорошая тогда какая же?

— А хорошая состоит в том, что больную ногу можно вылечить!

Нет, все-таки они такие смешливые. В мое время такой образчик черного юмора вызвал бы максимум кривую улыбку.

— А если бы я сначала выбрал хорошую новость? — отсмеявшись, спросил мой тутошний босс

— Тогда получил бы черепно-мозговую травму чем-то тупым. Предположительно глупым вопросом.

Немного недоуменно похлопав глазами, Михаил снова заржал.

— Ну ты и смехач... — вытирая слезы, произнес он, — зачем пришел-то?

— Как зачем? Получить ключ от склада и инструкции, где записывать то, что взял. А то уже время обеда, — я демонстративно посмотрел на пустое запястье, — а в столовой две лампочки не горят.

— Да, место для приготовления и приема пищи должно быть хорошо освещено, — согласился со мной Михаил. — Пошли, покажу все и проконтролирую выполнение работы.

Как и ожидалось, все было устроено предельно просто. Большая амбарная книга, страницы в которой были разделены вертикальной линией на пополам. Слева «взял», справа «вернул».

— Так, сегодня 19-е? — спросил я.

— Нет, еще 18-е.

Я вывел: «18.05.1951». Потом следующей строчкой: «Лампочка — 3». Начало положено.

Серафимовна молча смотрела, как, отодвинув стол из-под сгоревшей лампочки, я поставил на его место стул и разувшись, встал и начал выкручивать сгоревшую. Лампочка выкрутилась легко, без скрипа и скрежета. Сунув сгоревшую в левый карман, достал из правого целую и вкрутил новую. На последних оборотах я наклонил голову вниз: хрен его знает, вдруг лопнет, так хоть в глаза ничего не попадет. Повезло. Лампочка просто

загорелась, без каких-либо эффектов. Отлично.

Я перешел ко второй и повторил всю процедуру. И тут тоже все заработало без каких-либо эксцессов. Хороший знак для первого рабочего дня.

— Вот! Принимай работу, красавица! — радостно обратился Михаил к повелительнице пищеблока.

— Да где уж в наши годы быть красунями, — проворчала Пелагея, беря в руки половник и начиная разливать нам суп по тарелкам.

— А я вот взял еще одну лампочку в запас, больше нигде поменять не надо? — спросил я, выкладывая на чистую тарелочку несколько кусков порезанного хлеба. — А то, пока не поел, лучше по-быстрому поменять.

— Ну, пойдзем, коли так, — смерив еще раз меня взглядом, она зацепила половник изогнутым концом ручки за кастрюлю и, развернувшись, пошла в глубь кухни. Буквально через десяток метров мы вышли к этакому островку из столов посреди плит. Вокруг столов стояли сотрудницы, которые непрерывно что-то резали, мешали и вообще творили кулинарную магию.

— Девушки, добрый день! — сильно отвлекать от работы не хотелось, но правила приличия необходимо было соблюдать. Внезапно наступила тишина, прерываемая только бульканьем из какой-то кастрюли. На меня уставились удивленные кухарки.

— Ну, надо же, как назвали их дзюйчинами, так рты пооткрывали! — вернул нас к действительности бас Серафимовны. — То электрик наш новый, лампочку пришел поменять в складе. Зин, покажи.

— Ой, Слава, а вы уже тут, а мы все гадаем, чего это Степан Ефимыч больно ругается на вас... — тут же завелась Зина. Ну вот как это им удастся? Всего-ничего прошло, а они уже все знают. — ... а на склад мы его не пускаем, там продукты и вино...

Все продолжая выплевывать слова со скоростью пулемета, Зина подвела меня к обшарпанной двери, скинула дужку навесного замка и, зайдя внутрь, показала пальцем вверх. Лампочка располагалась прямо над входом. Уже практически не слушая Зину, я с этойкой показной небрежностью начал выкручивать старую лампочку. Крррак! И у меня в руках оказалась стеклянная колба. В тусклом свете от кухни я заглянул в патрон — винтовой хвостик от лампы остался внутри.

— Ой, сломалась лампа, как же так, что теперь делать... — застрочил словесный пулемет под ухом.

— Зина, стоп. Ножик принеси, узенький, — я безуспешно попытался вклинить в поток слов. Не помогло. Интересно, как Серафимовна ей командует?

Немного подумав, я прижал указательным пальцем ей губы. Зина тут же стала походить на воздушный шарик. Выпученные глаза, надувающиеся щеки... Стоит передержать, как лопнет.

— Нож, узкий, один, — глядя ей в глаза, отдельно повторил я.

— Хорошо, сейчас принесу, так бы сразу и сказали, не могли как будто... — шлейфом понеслось за ней.

Пока Зина ходила за ножиком, я нашел выключатель и удостоверился, что его ручка стояла напротив положения ВЫКЛ. Как говорили мои учителя, «собираясь нарушить одну технику безопасности, не забудь проверить соблюдение остальных». Ну, не обесточивать же всю кухню из-за одной лампочки?

Зина пришла не одна, а с Пелагеей. Подозрительно глядя на меня, она протянула на

выбор несколько ножей. Выбрав подходящий, я примерился и легким ударом вогнал его прямо в патрон вместо отсутствующей сейчас колбы. Чуть покачав, я начал выкручивать остатки лампы из патрона. Ничего эдакого, особенно без инструментов, но на неподготовленных работниц поварешки это произвело неизгладимое впечатление.

Вкрутил новую лампочку, пощелкал выключателем и, удостоверившись, что все работает, протянул нож Пелагее.

— Эх! — я потянулся, — как говорится, ученье свет, а неученых тьма. Пойду я, а то там поди Михаил все съел уже...

— Ничего, покладу з горкай и другим кажу...

Кажется, мной завершен первый шаг в жизни любого попаданца. Пока есть на складе лампочки, голодным я теперь точно не буду.

Работать без инструментов мне не особо понравилось, поэтому после обеда я решил заняться осмотром того, что мне досталось от предшественника. Открыв дверь пошире и встав на пороге, я скептически огляделся. Слева был стол с той самой книгой учета выданного. Кстати, не забыть записать про неисправные лампочки. Над столом к стене была прицеплена лампа с самодельным абажуром из жести. Пощелкав выключателем, я убедился в ее работоспособности. Сразу за столом начинались стеллажи, на которых горками лежали пока непонятные мне предметы. Справа от двери была эдакая миниатюрная свалка — ничем другим назвать гору всякого хлама с перепутанными проводами я назвать не мог.

Пройдясь вдоль стеллажей, по толщине слоя пыли определил примерную потребность в чем-то. Для проверки взял в руки продолговатую коробочку и аккуратно сдув с нее толстый слой пыли, прочитал этикетку — «Стекло для керосиновой лампы универсальное, матовое». Чего этой штуке делать у электрика? Хотя если где-нибудь рядом найдутся и сами лампы, то для аварийных случаев самое оно.

Однако следующая находка полностью низвергла с пьедестала нужности предыдущую. Стоящие рядом три ящика открыли мне свои сокровища. Первый ящик был полностью забит батареями КБС. Причем, если судить по размытым штампам, производства этого года. Да-да, те самые «плоские» или «квадратные» батарейки, дожившие до наших времен в практически неизменном виде.

Во втором были фонарики под эти батарейки. Тоже совершенно классической формы: квадратное основание и сверху большой круглый отражатель с лампочкой. Ну, и в третьем ящике уже ожидаемо нашлись запасные лампочки для фонариков. Полнейшая ляпота!

Судя по нетронутости, предыдущий хозяин этого помещения совершенно их не жаловал. Я же такой глупости себе позволить не мог, поэтому быстренько собрал себе один фонарик и, пощелкав выключателем, убрал его в карман.

Пробежав по остальным коробкам, я нашел и «пробки», и «лампы газоразрядные осветительные», и кучу другого. Чтобы не потеряться, я даже нарисовал план размещения на последних страницах амбарной книги.

Вот только инструментов не было. Вообще, как класса. Даже самых завалящих пассатижей и то не нашел.

— Миш, а Миш, — я постучался в притолку двери Мишиного кабинета, — у меня есть проблема.

— Чего такое? — как-то сильно напрягся Михаил.

— Инструментов нет. Вообще. И кабеля. Зато дофига есть стекол для керосиновых ламп, штук пятьдесят на глаз, — пожаловался я ему.

— Каких стекол? — не понял он.

— Обыкновенных, матовых, на керосинку вот так, — я показал рукой движение, — сверху надеваются. Лампы тоже есть. Но керосина к ним нет.

— А, я было подумал... Другое я подумал, — он расслабился. — С инструментами я тебя сейчас познакомлю, а кабель надо заказывать, только скажи, какой.

Услышав такое, я немного впал в ступор. В смысле, он меня с инструментами познакомит?оборот речи какой-то? Обычно я старался не удивляться, особенно после того, как однажды услышал «молодой человек» в адрес девушки, но тут...

Так оно и оказалось. Немного попетляв по коридорам, мы спустились в подвал соседнего здания. Уже по запаху свежей древесины стало понятно, что мы идем к столяру. Или плотнику? Никогда не понимал разницы между ними...

Меня представили Вилеору Семеновичу Копаткину, ну очень похожему на Дуремара в исполнении Басова в «золотом ключике». Пока я представлялся и рассказывал о себе, он дружелюбно рассматривал меня сквозь очки с квадратной оправой. Поначалу я думал, что это потомок каких-нибудь там эмигрантов, но поинтересовавшись таким странным именем, услышал гораздо более прозаичную историю. Вилеор — это "В.И. Ленин — Организатор Революции." Была в свое время такая мода среди самых революционных товарищей.

— Семеныч, вот наш новый электрик, выдай ему инструменты, что ты спас от Ефимыча, — скомандовал Михаил после наших совместных расшаркиваний.

— Так чего выдавать, пусть сам забирает, заодно и инспекцию наведет, — махнул он куда-то себе за спину.

Мы с Михаилом пошли в указанном направлении. Оказалось, что в ведении Семеныча была этакая мастерская широкого профиля. Тут можно было и скворечник из досок сколотить и пару железок друг к другу присобачить. Здесь даже был токарный станок! Вот только нафиг он нужен в больнице? Таблетки обтачивать?

— Токарь пятого разряда знает технику безопасности, как свои три пальца, — произнес я задумчиво, провернув маховик поперечной подачи.

Сразу за станком была этакая железная клетка, на двери которой видел грозный плакат, где больной даже по виду мужик лез куда не надо. Плакат грозно предупреждал: «Выключай рубильник для смены предохранителя». Ок, учтем.

Приоткрыв дверцу, я тут же обнаружил сумку. Видимо, предыдущий электрик был настолько никакой, что тут ее и прятали, чтобы не пропил. Переставив сумку за пределы клетки, я распахнул дверцу пошире и начал изучать открывшееся мне великолепие.

Прямо из потолка выходили три толстенных пластины, покрашенные в цвета светофора: красный, зеленый, желтый. Ага, три фазы. И значит пластины эти — токоведущие шины. Рядом был древний щиток: здоровенные шайбы вольтметров, открытые ножевые рубильники и чуть ниже те самые предохранители, про которые предупреждал плакат. На стене рядом

висела электрическая схема всего этого великолепия. Сравнивая то, что на ней нарисовано, с тем, что я видел, постепенно я понял схему организации электропроводки.

В принципе, схема оказалась до безобразия простой. Все корпуса больницы имели по два ввода и были связаны в кольцо. То есть например 3-й корпус имел линию до 1-го и 2-го. А 1-ый до 2-го и до подстанции. Дергая рубильниками, можно было корпус переключить на тот или иной вывод подстанции. Конечно, для больницы лучше бы занять две подстанции, но и так тоже неплохо.

Продолжая изучать схему, я понял, что это не из потолка выходили, а в потолок уходили шины. Они пронизывают все здание сверху донизу, и каждый этаж подключается уже к ним. Значит, на каждом этаже должна быть миниатюрная копия того, что я вижу здесь. Поставив в уме галочку пройтись по всем таким местам, я аккуратно закрыл дверь клетки.

— Ну-с, теперь можно и посмотреть, — я присел над сумкой и распахнул ее. Вся сумка была забита инструментом. Были тут и пассатижи, и бокорезы... Все было, но такое замурзанное, словно ими выгребную яму чистили, а не в руках держали.

— Там Царь Кощей над золотом чахнет... — услышал я Михаила.

— Там на неведомых дорожках уже давно растет картошка... — я встал и закинул ремень сумки на плечо — Скелеты бродят в босоножках...

— А дальше?

— А дальше не помню.

Ну, не рассказывать же ему про следы жигулей. — Пошли, не будем отвлекать Семеныча твоим хохотом.

Придя в каморку завхоза, я снова поднял вопрос о кабеле. Но тут же был срезан вопросом: «А какой надо-то?». Я попытался было перебросить мячик назад: «А что есть?», но тут же был остановлен Михаилом.

— Давай я прямо сейчас при тебе наберу базу, и там вы уже между собой выясните, что есть и что надо. Список мне потом отдашь, и все.

Немного поговорив с оставшимся неизвестным мне собеседником Михаила, я довольно быстро выяснил, что у них вот прямо сейчас есть просто какое-то умопомрачительное количество кабеля, где оболочка специально предназначена для эксплуатации в условиях всяких кислот и щелочей. Какой-то завод то ли заказал и не забрал, то ли, наоборот, произвел много — мне не сказали. Но благодаря таким вывертам плановой экономики у меня появился огромный шанс не облажаться. Записав Михаилу в его склерозник марку кабеля — ВРБ — и требуемые сечения жил, я пошел к себе приводить инструменты в порядок.

Поначалу я наивно рассчитывал просто оттереть их какой-нибудь тряпочкой, но после получаса пыхания над ручками бокорезов я наблюдал ту же грязь, только в отполированном виде. Попробовать, что ли, замочить их в чем-нибудь типа бензина-керосина? Или сразу бахнуть какой-нибудь гадостью вроде ацетона? У Семеныча наверняка есть.

— Слава! Сла-а-ава! — раздавшийся еще на лестнице крик прервал меня на самой середине глубинных размышлений о методах очистки инструмента. То есть разбудили меня на самом интересном месте, понимаешь.

— О-о-о-о! Какие люди! — радостно заулыбался я. А что? Передо мной стояла растрепанная и тяжело дышащая Евгения Александровна. То самое хрупкое создание,

которое я напугал в первый свой день.

— Там, в операционной... — она сглотнула, — опять светильник погас. Агриппина Никитична предложила до вас сбегать, а Василий Васильевич согласился.

Черт, черт, черт! Ну почему все так не вовремя? Случилась фигня, а я не готов. А ведь та же Агриппина говорила, что такое бывает регулярно! И мог же ведь спросить, отчего светильники гаснут чаще всего...

— Там в операционной другой свет не погас? — начал выяснять я. А вдруг там пробки выбило?

— Нет, только светильник, — замотала головой она.

Ага, значит только светильник. Сверясь с нарисованным ранее планом, взял по одной лампочке от медицинских светильников. У меня их почему-то было аж три разных типа, и какая куда применяется, я пока не знал.

Немного подумав, я добавил к бокорезам плоскогубцы и вручил их Жене. Та уставилась на инструменты с ужасом в глазах.

— Придем и почистим, — я составил стопкой лампы и прижал их к животу, — веди меня, о повелительница больных и немощных... — не говорить же ей, что я прекрасно знаю дорогу. А так еще раз полюбуюсь формами, в прошлый раз вид был очень даже ничего...

Агриппина встретила меня прямо на пороге операционного блока. Единственное отличие от того, что я видел на экскурсии, состояло в такой мутной шторке, которая перегораживала вход в стерилизационную комнату и саму операционную.

— До нижнего белья и мыться! — ее командный тон не оставлял пространства для маневров.

— Лампы руками не трогать, инструменты надо почистить, я не успел, — в ответ передал уже ей инструкции. Хрен его знает, как тут, но в мое время на всех галогенках для автомашин писали «стекло руками не трогать».

Отдав сокровища, я быстренько скинул с себя все и, повинаясь командам Агриппины Никитичны, встал в позу «ноги шире, руки на ширине плеч».

— Тебе к больному не идти, поэтому только общее, — пояснила она, на пару с незнакомой медсестрой обтирая меня полотенцами. — Так, конечно, не моются, но у нас экстренный случай, так что... Стой смирно!

Полотенца были пропитаны какой-то вонючей гадостью, от которой слезились глаза. Да и вообще стоять мокрым было совершенно некомфортно. Рядом послышалось громкое бряканье, и резко пахло спиртом. Повернув голову, я увидел, как Евгения остервенело трясет в руках блестящую коробочку. Если у нее получится, то я знаю, кому можно будет поручить чистку других инструментов из сумки. Вон с каким воодушевлением трясет...

Наконец, мне вручили безразмерные штаны на веревочке и, дождавшись, пока я их надену, затянули меня в халат. Тут же надели шапочку и на затылке завязали тесемки от марлевой повязки. Честное слово, почувствовал себя космонавтом: стоишь, ничего не делаешь, а вокруг тебя народ суется. Вспомнив просмотренные фильмы, я согнул руки в локтях и поднял их вверх. Типа все, я хирург и сейчас чего-нить начну чекрыжить.

Осмотрев меня, Агриппина немного расстроено покачала головой и поманила меня к закрывавшей проход ширме. Ну вот почему в хирургических халатах нет карманов? Аккуратно взяв в каждую ладонь по инструменту, я сложил руки таким ковшом, куда мне не менее аккуратно положили лампы. Немного пригнувшись, я развернулся и вошел в

операционную.

Открывшаяся картина совершенно не вызвала у меня удивления. В любом фильме, где показывали операции, все было точно так же. Стол, на нем лежит некое тело, укрытое простынями. С одной стороны стоит доктор, с другой медсестра. И в изголовье, рядом с баллонами, сидит еще один. Дальше обычно начинались различия. Где-то все было сурово, и слышались только команды доктора с повторением от медсестры. Ну вот это вот «скальпель — скальпель!» и редкие комментарии про давление и «мы его теряем». А где-то врачи весело переговаривались и рассказывали друг другу истории, попутно кромсая пациента.

Тут же было нечто среднее. Василий Васильевич негромко что-то напевал себе под нос. Я разобрал что-то вроде «ты беги, беги дорога, ширь без края, благодать». Судя по спокойной обстановке, самая большая проблема сейчас — это злосчастный светильник.

— О! А вот и Слава в нашу славную, хе-хе, компанию пожаловал, — заметил меня Успенский. — Прощу любить и жаловать!

Я же реально трусил, боясь помешать операции, поэтому, пробормотав что-то вроде «здрости», принялся красться вдоль стеночки. Плюс на меня внезапно навалилась жаркая и влажная атмосфера операционной, и я начал обильно потеть.

— Вячеслав, да все хорошо, мы закончим даже без света, — заметил мое состояние доктор, — но со светом мы закончим лучше. Не волнуйтесь вы так...

Ему легко говорить «не волнуйтесь». А у меня первый раз... Что-то шлепнулось с влажным звуком в стоящее рядом со столом ведро. Хорошо еще, что крови не боюсь, а то вообще был бы капец.

Наконец, я закончил свое путешествие по периметру операционной и добрался до светильника. Ну-с, редиска коматозная, сейчас я буду тебя лечить. Сложив инструменты и запасные лампочки на какую-то табуретку, я безуспешно пощелкал выключателем. Ну, а вдруг доктора надышались лекарств всяких и забыли, как лампочки включать? Хрен там, светильник даже не мигнул. Ок, давай сменим лампочку. Наклонил чашу светильника к себе и, немного покумекав, отщелкнул крышку, открывающую доступ к лампе. Дальше все просто — освободил зажим и вытащил лампочку. Хм. На глаз спираль целая. Да и пофиг, наверняка где-то внутри сгорела, такое бывает сплошь и рядом.

Выбрал подходящую лампу из запасных и вставил ее на место предыдущей. «Да будет свет», — произнес про себя я и щелкнул выключателем. Ничего не изменилось. Вечер начал становиться томным. Я поднял с пола старую лампочку и осмотрел ее. Лампа как лампа. Никаких потемнений и замутнений. Внезапно в глаза бросилась надпись 12В. То есть она питается не от 220 вольт, и где-то должен стоять трансформатор? Я опустил взгляд. В основании светильника было некое утолщение, которое я первоначально принял за утяжелитель. Ведь светильник своей башкой висит сбоку от ножек и ему нельзя опрокидываться. Аккуратно, чтобы не кокнуть лампочку в руках, я опустился на колени и тщательно осмотрел основание светильника. Так и есть — вот выходит провод, а рядом с ним коричневая пупырышка держателя предохранителя. Наверняка трансформатор за ним. Вывернув держатель, я посмотрел на свет через предохранитель и с радостью обнаружил разделенный на две части волосок. Сгорел, собака, и чуть меня не напугал. Счас быстренько сделаю «жучка», и дело в шляпе. А из чего я сделаю жучка? Оглядевшись, я обнаружил, что почему-то в операционной не было ни валяющихся проводов, ни даже самого завалящего кусочка фольги. Присмотрелся к держателю предохранителя. В принципе, его можно вырвать плоскогубцами и потом тупо замкнуть контакты чем угодно. Но это как-то не

красиво... Мои размышления прервал бряк какого-то инструмента о дно кюветы. Точно, тут же полно всяких скальпелей-игл и прочих шприцов.

Я торопливо поднялся с колен и заглянул за спину Василь Васильевичу. Справа от него стояла эдакая миска-недотазик, в которой горкой лежали измазанные в крови всякие непонятные штуки. Именно они издали тот самый брякающий звук, который привлек мое внимание. Испросив разрешения, я аккуратно разгреб кучку и вскоре обнаружил обыкновенный пинцет, только с чуть расширенными лапками. Кажется, то, что надо.

Вытерев пинцет от крови о халат, я приземлился на задницу около светильника, глянул в гнездо предохранителя и замкнул пинцетом контакты. Ничего не произошло. «Да как так-то?!» — чуть было не взвыл я, но взгляд сам собой уперся в выключатель. Его ручка указывала на небрежно нарисованную надпись "ВЫКЛ". «Дебила кусок», — обматерил сам себя, повернул выключатель и снова воткнул пинцет в гнездо. Над головой явственно добавилось света.

Удерживая пинцет в гнезде, я начал елозить задницей по полу, пододвигая светильник в первоначальное положение. С помощью анестезиолога вскоре светильник занял свое законное положение над операционным столом. Замерев и отдышавшись, я стал подводить итоги.

В принципе, задача выполнена, свет есть. То, что я сижу на заднице и заменяю собой предохранитель — это мелочи. Надо сделать так, чтобы избежать подобных эксцессов в будущем. Наверное, поговорю с операционными медсестрами и сделаю неприкосновенный запас в каждой операционной. Лампочки, предохранители... Возможно, кусок провода длиной метра в два-три. Это все наживное.

Но вот что мне категорически не понравилось, так это зависимость от напряжения в розетке. Да еще эти керосиновые лампы у меня на складе. А ну как где-нибудь на подстанции электрик дернет не тот рубильник? А у нас операция, а то и две. Экстренные. Ночью. А вдруг оперировать будут меня? «Бррр», — я передернул плечами от открывшейся перспективы.

Наблюдавший за мной анестезиолог подмигнул типа «не дрейфь» и крутнул какой-то вентиль около синего баллона. Чуть зашипело, и тут же повеяло свежестью, и стало капельку прохладнее. Выждав немного, он закрутил вентиль назад. Однако, очень оригинальная система обновления воздуха в операционной — просто кислорода выпустить. А в самом деле, как тут с вентиляцией? Стараясь не шевельнуть держащей пинцет рукой, я огляделся. Никаких вентиляционных решеток. На окнах нет форточек, а все рамы проклеены какой-то ядовито-желтой лентой. Они чего тут, вообще без свежего воздуха операции делают? Монстры, а не люди...

Мысли вернулись к светильнику и его зависимости от электричества. Почему на заводе не добавили аккумуляторы или батареи? Ведь схема автоматического переключения примитивна до безобразия. Я быстренько прикинул в уме пару вариантов. Вроде ничего редкого, все должно быть доступно даже в это время. «Решено, вот прямо завтра и займусь!» — я чуть боднул головой. Нехай будет прогрессорство в чистом виде в обмен на кров и еду.

— Ну вот и все, — доктор сделал шагок назад. — Сестра, операция завершена, увозите больного, — уже чуть громче произнес он.

— Вячеслав, как вы? — повернулся он ко мне, — помощь не требуется? А то, знаете ли, новички в операционной иногда всякое творят, — он протянул мне руку, предлагая подняться.

— Нет, Василий Васильевич, со мной все в порядке, — я принял поданную руку и поднялся на ноги. — Просто опять пришлось чинить подручными средствами, — я аккуратно положил пинцет назад в кровавую кучку, — да и пациент никуда не ушел.

— Это как?

— Ну, идет операция, вдруг выключается весь свет. Пока то да се, включают, а операционный стол пустой. Медсестра в панике — пациент исчез! И только доктор: "Спокойно, под наркозом он далеко уйти не мог. Да и печень его у нас..."

Хохоча, анестезиолог дружески меня вытолкнул в предоперационную, где в углу были горкой свалены мои вещи. Из открытой в коридор двери лился такой опьяняюще свежий воздух, что я замер и глубоко задышал. Нет, ну нельзя же так... Кто-то сзади дернул завязки и я, последовав примеру остальных, сдернул халат за рукава и бросил его комком в корзину для белья. Следом полетела шапочка и марлевая повязка. Поежившись от прохладного воздуха, я принялся натягивать свои вещи.

Затем я вернулся в операционную и попытался договориться с Агриппиной Никитичной, чтобы она не закрывала операционную еще немного. Мне же надо сбегать до своей каморки за новым предохранителем и вернуть все тут в порядок. Агриппина меня уверила, что пока она пересчитает инструмент и сделает остальное необходимое, пройдет достаточно времени.

Выходил я из операционного блока с таким лицом сильно уставшего, но довольного своей работой человека. Ну, все мы такую физиономию корчили, когда в ковидные времена маску снимали. Самое обидное, что никто не смог оценить мой уровень артистизма — вокруг было пусто. Гады. Я тут корчусь, а они не пришли...

Добравшись до своей каморки, первым делом я разложил лампочки по своим местам. Заодно на плане пометил, для какого светильника подошла лампочка. Взял из коробки предохранитель, потом немного подумал и добавил к нему еще штук пять. Вернулся к коробке и достал назад лампочку. Решил же делать неприкосновенный запас, так чего тянуть?

Вернувшись в операционную, я рассказал Агриппине Никитичне о своей идее. Та полностью согласилась со мной и тут же нашла в стерилизационной какую-то свободную полочку, куда я и сгрузил все. Мне даже пообещали нанести на дверку надпись про электрические запасы. В ответ я предложил нарисовать просто молнию. Дескать, никто же на аптечке не пишет «набор лекарств на всякие случаи жизни», а просто рисуют крест. И всем все понятно.

Быстро вернув светильнику предохранитель и закрыв крышку кожуха лампы, я продемонстрировал исправность светильника медсестре. Никитична еще раз поблагодарила меня за проявленную трудовую доблесть и отпустила.

Воодушевленный так хорошо прошедшим днем, я решил не откладывать на завтра и, сев за стол, попытался нарисовать наиболее простую схему резервного питания для светильника. Вроде в минимальном варианте хватало всего одного реле, но надо еще подумать...

— Вячеслав? — на меня смотрел круглолицый дядька с такими шикарными усами, что наверное самому Буденному было бы завидно. Получив утвердительный ответ, он плюхнулся на стоящий рядом со столом стул.

— Старший оперуполномоченный отдела уголовного розыска милиции города

Калинина, — он показал мне раскрытую книжечку с красной корочкой. Я сравнил фотографии — похож. Но разве угрозыск занимается пропиской? И он тут же не разочаровал меня.

— Ну что, дяревня, добегался?

— Ну что, дяденька, добежался? — и аж подался вперед, выискивая что-то у меня на лице.

— А ты чо, городской, чо ли? — на одних рефлексках я тут же включил «обратку».

— Я должностное лицо! — он стукнул кулаком по столу. — И извольте обращаться ко мне на "вы"!

— Да не проблема, — я закусил удила. — То есть вы, — я пристально посмотрел усачу в глаза, — против деревни и проживающих в ней людей и поэтому используете оскорбительные слова?

— Да я сам деревенский... — смутившись, мужик резко сбавил обороты.

— А я вот не знаю, деревенский я или нет, — доверительно сообщил я ему, — память потерял.

— Зато я знаю все про тебя, — торжествующе произнес он, — твое имя Вячеслав!

Вот сейчас я чего-то не понял. Это как?

— И? — осторожно произнес я.

— И я тебя сейчас арестую!

— За что? — я наклонился и взглянул в проем двери. — И как ты меня арестуешь, если даже конвоя нет?

— Ну, а как тогда? — расстроился мужик. По лицу казалось, что вот еще чуть-чуть, и он заплачет.

— Ну, наверное, тогда задержите до выяснения всех обстоятельств, — я постарался сделать серьезную физиономию, — у самого главврача!

— А-а-а-а, понял, — покивал он. — Тогда я вас задерживаю у главврача!

— Да не проблема, товарищ оперуполномоченный, — усмехнулся я, — ведите.

Это «должностное лицо» терпеливо дождалось, пока я погашу свет и запру дверь. Затем оно тут же попыталось покомандовать мной, выкрикивая «на ле... во» и «шаго-о-ом марш», но я быстро его убедил, что тут больница и команды тут отдаются шепотом, чтобы не мешать больным. Таким шепчущим на поворотах гуськом мы довольно быстро добрались до кабинета главврача.

Секретарши на месте не было, поэтому я по-простому постучал в дверь и тут же открыл ее. В кабинете сидел Василий Васильевич и два незнакомых мне мужика.

— О! На ловца и зверь бежит! — обрадовался главврач, — Вячеслав, заходите, пожалуйста!

— Василь Василич, не могу, — покачал я головой, — меня тут арестовывать пришли, правда, за что — не говорят, — я распахнул пошире дверь, чтобы стало видно усатого.

Взглянув за мою спину, доктор схватил трубку телефона и набрал номер. Пока шел гудок и ему не ответили, он жестом показал мне на одно из свободных мест около стола. Дескать, не маячь в дверях и присаживайся...

— Марат Никанорович? Успенский вас беспокоит, — он кончиками пальцев начал отстукивать какой-то ритм по столу. — Подскажите мне, пожалуйста, почему это у вас Михайлюк опять не в больничной пижаме? Что значит "как так"? Ну, вот так — где-то нашел и пришел арестовывать... Да, сейчас у меня в приемной. Хорошо, — он повесил трубку.

— Михайлюк! — Успенский повысил голос. «Оперуполномоченный» вскинулся, как гончая от звука трубы, — сиди там, а то будет бяка!

— В сущности крайне безобидный больной, — перевел на меня внимание доктор. — Но иногда проявляет совершенно поразительное упорство в преображении. Столько раз ловили, — он всплеснул руками, — но ни разу так и не смогли определить, как он это делает. Уровень подделки документов и формы высочайшего качества. Спасает только то, что все про него давно знают, так что удача ему может улыбнуться только на новых людях...

— Да не в претензии, все равно хотел зайти к вам и посоветоваться, — я пожал плечами и осторожно выдохнул. Вот ведь вовремя фигню заметил. А то сколько бы вопросов появилось, прими я этого «оперуполномоченного» за чистую монету...

— Но мы отвлеклись! — продолжил доктор, — позвольте мне представить вам Бориса Григорьевича Егорова и Александра Ивановича Арутюнова.

Оба мужика были чем-то неуловимо похожи друг на друга. Волевые лица, открытые лбы, небольшие залысины. Но очки были только у Арутюнова. Массивные такие, ими по башке стукнешь — враз мысли в порядок придут.

— Очень приятно, Вячеслав, — я осторожно пожал им руки. Нейрохирурги все-таки, пальцы должны быть нежнее, чем у пианистов, а тут я весь такой в грязном.

— Вячеслав, хоть мы припозднились и наступила вечерняя пора, но не согласитесь ли вы пройти небольшое обследование? — на меня так же пристально, как ранее «оперуполномоченный», смотрел Егоров.

— Совершенно не имею никаких возражений, — даже не подумал отказываться я. — Мне все равно особо вечером делать нечего...

Обрадованный Василий Васильевич тут же развил бурную деятельность. Сначала мне даже показалось, что за стенами кабинета разверзлась микробуря. Заглядывавшие с разными вопросами медсестры бросали на нас восхищенные и радостные взгляды. Причем Егорову и Арутюнову доставалось внимания чуточку больше, что меня немного уязвило. Ну и что, что они профессора и, наверное, академики? Зато я один такой... уникам.

Наконец, все было готово, и после приглашения Успенского мы проследовали в соседний корпус. Там мы зашли в какое-то странное помещение. Посередине стоял уже знакомый мне операционный стол, а вокруг возвышались уступами трибуны. Ну прямо как на стадионе, только очень мелком. Я повернулся, оглядываясь. Почти все места были заняты. И это вечером в субботу!

— Вот, Вячеслав, ознакомьтесь. Это наш анатомический театр, — начал просвещать меня Успенский. — Обычно тут мы проводим обучение или лекции.

— Ну, тогда, если судить по ажиотажу, — я еще раз повернулся вокруг себя, — сегодня будет что-то особенное.

— Вы совершенно правы, — согласился со мной, — два таких светила мирового уровня и одновременно практический пример — это большая редкость.

— Я готов, — пытаюсь скрыть нервозность, я сел на операционный стол и ухватился руками за край. А ну как разоблачат?

Однако реальность оказалась намного прозаичнее. Сначала меня, как лошадь, раздели до кальсон и осмотрели со всех сторон. Нашли уже поджившие следы пролежней, которые в самый первый день мне обрабатывала Евгения. Немного посоветовавшись, дружно решили, что это следствие, а не причина моей амнезии. Потом сказали вытянуть руки и растопырить пальцы. Поначалу сильно обрадовались, когда обнаружили легкую дрожь. Однако я честно

сознался, что меня беспокоит такое количество прекрасных девушек, которые меня очень пристально разглядывают. А я один и почти голый. А ну как не выдержат и кинутся?

Отсмеявшись, меня попросили закрыть глаза и потыкать указательными пальцами в нос. Потом просто коснуться одним пальцем другого. Меня стучали молоточками, тыкали иглами, заставляли прикасаться к разным предметам и рассказывать о том, что ощущаю. Я приседал, прыгал на одной ноге и завершал предложения. Говорил басом и пищал тоненьким голоском. Катался кувыркком по полу и спрыгивал со стола. В общем, делал кучу странных и не всегда понятных вещей. На мой взгляд, все происходящее было каким-то бредом, но обилие терминов на латинском и непрекращающееся, прямо-таки осязаемое внимание аудитории утверждало обратное.

— Слушайте, дайте передохнуть! — задыхаясь, наконец взмолился я. — А то так, пока вы будете решать, не псих ли я, я им точно стану, — я склонился и упер руки в колени, пытаюсь отдышаться. — Не, я понимаю, что смеяться у доктора, особенно у психиатра, на приеме — это плохая идея, но физические силы у меня далеко не безграничны...

Доктора согласились со мной, всучили в руки чашку с вездесущим чаем и продолжили измывательства, только уже словестно.

Я снова рассказал, как очнулся и как напугал медсестру. Причем с подробностями, почему я пошел сначала в туалет, а не к медсестре. Как чинил лампу у Василий Васильевича. Как вел себя с бывшим электриком. Почему использовал именно пинцет, когда был в операционной. После моего утверждения, что любой предмет при определенной сноровке можно использовать для чего угодно, по аудитории прошла явственная волна возбуждения. Народ начал перешептываться и тыкать в меня пальцами. Не понял...

— Я вижу, многие из вас прочитали мою последнюю монографию, — Александр, как его там, Иванович встал рядом со мной. — Готовы проверить?

— Да-а-а! — выдохнула аудитория. Я поежился. Нет, шоу маст гоу он, но я чего-то не понимаю...

— Для нашего гостя я повторю выводы из нее простыми словами, — доктор показал на меня рукой. — В ней делается предположение, что, чем более развит мозг, тем больше вариантов он найдет для решения любой ситуации.

— Постойте, но это же в основном определяется опытом, а не интеллектом, — попытался я возразить.

— В общем случае да, но опыт тоже где-то должен храниться и на чем-то базироваться, — он повернулся к аудитории. — Итак, мне нужен желающий!

После легкого бурления аудитория вытолкнула к нам худощавого и черноволосого парня. Он был настолько тощим, что в своем белом халате создавал впечатления вешалки.

— Итак, ваше слово, — до этого молча наблюдающий за мной Егоров внезапно обратился к пареньку.

— Смерть! — глядя куда-то в потолок, пафосно выдохнул тот.

— Патологоанатом? Опять резвитесь... — улыбнулся Арутюнов. — Ну, что скажете? — повернулся он ко мне.

— А я не понял, что надо делать, — пожав плечами, признался я. — Играть в противоположности? Смерть-жизнь? Земля-вода?

— Да, простите, не до конца рассказал, — повинился доктор. — Вы должны рассказать нам все способы, которые можно придумать, чтобы к молодому человеку пришла смерть. Причем, самое важное условие — использовать только то, что есть вокруг.

Нифига себе, у вас игрища. Нет чтобы там лютики-цветочки... Но фигня вопрос, сейчас я вам покажу опыт и образование моей высшей нервной деятельности...

Загибая пальцы, я начал перечислять. Начал с банального испуга до смерти. Потом удушение косой одной из сидящих в аудитории девушек. Ручка из кармана профессора в глаз. Башкой об операционный стол... В общем, просто и методично перечислял все способы убийства одного человека другим из фильмов. Жалко, тут еще микроволновок нет, а то бы еще и Сигала с его «В осаде» приплел бы.

Наконец, я выдохся и взглянул на доктора. Тот смотрел на меня немного охреневшими глазами.

— Что? Что-то не так? — немного испугался я. А вдруг переборщил, и меня сейчас в психушку прямо отсюда заберут, как маньяка?

— Все в порядке, но, признаюсь честно, ваша фантазия меня впечатляет...

— Да какая тут фантазия. Тысячи лет человечество провело в войнах, так что просто вспоминай, что прочел из книг, да адаптируй к нынешним условиям, — начал оправдываться я. — Может, попробуем что-нибудь более жизнерадостное?

— Да-да, наверное, вы правы. Давайте с места, — Александр Иванович обратился к аудитории. — Только на этот раз позитивное.

Тут же вскочила какая-то медсестра, как я понял, не выигравшая право выхода в прошлый раз, и звонко крикнула «Полет!». Зал еще немного пошумел, но потом согласился с предложенным словом.

— Ну, как вам? — повернулся ко мне Арутюнов. Я снова пожал плечами. Мне все больше и больше не нравилось то, что Егоров молчал и что-то быстро писал.

— Ну, можно пойти на верхний этаж, открыть окно и спрыгнуть, — начал я. — Несколько секунд полета вам обеспечены. Но это так, на остатках прошлого вопроса, — я тут же дал заднюю, а то в самом деле, маньяк какой-то.

— Можно из халатов сшить парашют. Мы же в больнице, так что ниток тут должно быть много, — продолжал я — Но вместо нитей можно использовать человеческий волос. Или воздушный змей из штор и палок, на которых они висят. Можно встать кружочком и подбрасывать кого-то в воздух. Или раскрутить по принципу пращи и отпустить. В конце-концов, можно развести спирт и напиться до «вертолета».

На последних словах аудитория оживилась. Видно, опытные все.

— Итак, — как опытный лектор, Арутюнов чувствовал аудиторию и перехватил внимание, — вы на практическом опыте убедились, насколько широко можно использовать обычные в быту предметы. Кто-нибудь смог придумать больше способов, чем озвучил Вячеслав? Только честно!

Я огляделся. Нигде не было видно поднятых рук. Так-то, знай наших!

— Коллега, разрешите мне, а то мне тоже охота почестей, — внезапно встал со своего места Егоров. Я напрягся. Чего же он там писал такое?

— Давайте в ассоциации? — обратился он ко мне. — Вы же знаете, что это такое?

Я кивнул. Он еще бы пятна Роршаха, или как там его, предложил бы пописывать.

— Самолет? — Танк! — Батальон? — Рота! — Свет — Радуга — Радио — Телевизор, — Так мы перебрасывались минут наверное десять. Осознавая скудность своих знаний по психологии, я тем не менее пытался то отвечать первое, что придет в голову, то, наоборот, максимально далекое. Ну, например, на «солнце» я ответил «бабочка». Больше всего я боялся ляпнуть что-то из другого времени, типа «космос» — «мкс».

Наконец, Егоров прекратил бросаться словами и, радостно улыбаясь, тут же начал снова что-то писать в своем блокноте. Да мать его...

— Милейший Борис Григорьевич, — спас меня Успенский, — не томите уж нас, поделитесь тем сокровенным, что вы так увлеченно переносите на бумагу...

— Да-да, буквально пару минут, — рассеяно ответил ему Егоров.

Внезапно на меня накатила апатия. Видимо, переволновался, и организм, непривычный к таким нагрузкам, начал тормозить. Очень захотелось сесть и ни о чем не думать, и пофиг, распознают во мне попаданца или нет. В конце-концов, не убьют же... Так, поколят какой-нибудь галоперидольчик, и все.

Операционный стол был занят пишущим Егоровым, поэтому я просто подошел к ближайшей трибуне и сел прямо в проходе. Ощущение чего-то жесткого под задницей и опоры для спины было настолько восхитительным, что я невольно простонал.

— Что? Вам плохо? — тут же возбудилась сидящая рядом девушка.

— Нет, мне хорошо, — закрыв глаза, ответил я, — но я был бы вам очень благодарен, если вы найдете мне где-то здесь мягкий диван.

— Приходите к нам в ординаторскую! У нас там и диван мягкий, и чай с конфетами есть!

Я приоткрыл один глаз и посмотрел на улыбающуюся медсестру. Что, неужели началось то, о чем я предупреждал главсестру? Со мной флиртуют или это мне с устатку кажется?

— Ну, вот как лампочка у вас горит или какой другой электроприбор придет в неисправность, так зовите, — снова закрыл глаза я, — или ждите своей очереди. Скоро сделаю график обхода, так вы подготовьте свои замечания, и я их того... — зевнув, я прикрыл рот ладонью, — устранять буду.

— Итак, — привлекая внимание аудитории, похлопал в ладоши Успенский, — наши великолепные доктора и мои коллеги готовы предоставить свои первоначальные выводы... — он повернулся к Егорову и Арутюнову. — Прошу!

— Василий Васильевич, я буду краток, — начал Егоров. — Перед нами предстал несомненный образчик хомо сапиенс, образованный на уровне университета, а то и двух, с положенным ему житейским опытом. Основные реакции в норме, каких-либо существенных отклонений я не обнаружил. В некоторых темах пациент либо заблуждается, либо по каким-то причинам лжет. Но для общего вывода это совершенно несущественно. И если вернуться к основному вопросу, ради которого мы сегодня здесь собрались, то у меня неутешительный ответ: я в полнейшем недоумении по поводу причин или методики лечения такой амнезии.

Да! Мне удалось! Тщательно пытаюсь скрыть улыбку, я поднял руку, дескать есть вопрос.

— Вот вы упомянули, что я образчик хомо сапиенса. Неужели были сомнения?

— Да, было мнение, что вы принадлежите к инопланетной форме жизни, — внезапно сильно смутившись, за Егорова ответил Арутюнов, — особенно на фоне того, как вы свободно используете слова из фантастических романов. Вот, к примеру, что такое «робот»? — внезапно он обратился к аудитории. Самым близким услышанным определением было «железный человек».

— Вот! — он поднял указательный палец, — а теперь вы дайте определение! — он указал на меня.

— Некий механизм, созданный для замены человека в монотонных или опасных операциях, — удивленно протянул я. Про роботов же еще какой-то чех писал, причем давно

до войны.

— Вот! — снова повторил он, — о чем я и говорил! Явный уклон в фантастику...

Ладно, кажется, все закончилось, и гроза пролетела мимо меня. Опершись о ступени, я встал и демонстративно наклонился к пригласившей меня медсестре.

— Сестра! — начал громко я. — Прекратите записывать свои рецепты на больничных бланках! Вчера из-за вас больному в аптеке вместо лекарства сделали торт!

Под громовой хохот аудитории я подошел к смеющимся мэтрам.

— Товарищи, у меня остался один вопрос, — обратился я к ним. — Вы мне справку дадите, что я нормальный? А то пора определяться...

— Все будет, — обнадежил меня Успенский. — Сегодня звонили из милиции, завтра обещали кого-нибудь прислать. Так что, — он взял меня за плечи и легонько встряхнул, — скоро вы станете полноправным гражданином. Так что поскорее вспоминайте или придумывайте себе фамилию.

Это же просто замечательно! Тут я вспомнил самое начало данной эпопеи. А тут как раз те, кто сможет на мой вопрос ответить.

— А вот у меня еще есть один вопрос, можно сказать, что очень животрепещущий и по вашему профилю, — начал я.

— Вот на операции у Василий Васильевича погас светильник, — народ разом стал серьезным, — хорошо, там просто лампа перегорела. А что вы делаете, если вообще во всей больнице свет погаснет?

— А что тут сделаешь? — ответил Егоров. — Обеспечиваем любой свет и максимальнс быстро завершаем операцию. Без полноценного освещения большинство моих операций способны привести лишь к гибели или сильному травмированию больного.

— Но почему бы не сделать аварийное питание медицинских светильников? — продолжил я выяснять причины такой безалаберности заводов.

— Хороший вопрос, — пожал плечами Арутюнов, — я не знаю, но, наверное, это невозможно в данных условиях.

— Но ведь во время войны вы же наверняка делали операции ночью, — продолжал допытываться я.

— Вы предлагаете вернуть в операционные керосиновые лампы? — не понял меня Успенский

— Нет, я предлагаю доработать операционный светильник, чтобы он мог работать без электричества в розетке — поймав устремленные на меня скептические взгляды, я продолжил уже более спокойным тоном, — ну, конечно, не очень длительное время...

— И вы знаете, как это сделать? — подозрительно спросил меня Егоров.

— Ну, если Василий Васильевич своей властью разрешит модифицировать один светильник и даст команду завхозу обеспечить все необходимое, вернее наоборот, сначала обеспечить, а потом модифицировать, то я готов продемонстрировать это на практике!

— Василий? — в один голос произнесли оба и повернулись к Успенскому.

— А что? Я много лет уже Василий! — немедленно отшутился он, но тут же снова стал серьезным. — Конечно, давайте пробовать. В конце концов, в самом худшем случае мы потеряем всего лишь один светильник. Ну, а в лучшем... Да что я вам рассказываю! — он махнул рукой и пригласил всех на выход из уже опустевшей аудитории.

Да! Много раз да! Закутавшись в одеяло, я лежал на кровати, снова и снова прокручивая

в голове сегодняшний день. Особенно экзамен на попаданца. Наверняка где-то налажал, но где и как — мне никто, естественно, не скажет. Да и списали, наверное, на последствия амнезии. Удобная она все-таки штука, эта амнезия. А еще завтра начнут оформлять документы, что вообще не может не радовать...

И все-таки, о чем так увлеченно писал Егоров?

День начался просто прекрасно. Я выспался и, пребывая в хорошем настроении, назвал поварих «милыми дамами». У меня как-то начало входить в привычку при каждой встрече придумывать новые приветствия для них. «Милые дамы» еще немного дичились, но уже не застывали ступором от незнакомых обращений. Да и похоже, им это начинало нравиться, ибо Серафимовна тут же подхватила мой почин, и иногда можно было слышать фразы типа: «Ну, и кто ж из прыгажунь сенья пойдзе выливац смеццевы бак?».

Потом ко мне мимоходом заглянул Михаил и сообщил, что у госпитальной полуторки образовалось «окно» и он отправил ее за заказанным ранее кабелем. Я же в ответ пересказал ему события вчерашнего вечера и огорошил его тем, что нужно теперь еще искать, где добывать всякие радиотехнические приبلуды. И сразу — тот паяльник, которым паяют ведра и прочие самовары, мне категорически не подходит. Михаил почесал в затылке и уходя, обещал провентилировать вопрос. Нет, в принципе, можно все самому сделать, но мне как-то не верится, что государство оставило это направление без внимания. Кружки радиолюбительские же наверняка есть...

Следом прибежала та самая медсестра, которая приглашала меня на мягкий диван в ординаторской и обещала чай с конфетами. Назвавшись Мариной Игнатьевной, она сначала пару минут выясняла, свободен ли я, а потом показала черную здоровую фигню размером в пару кирпичей и попросила починить. Предложив ей сесть, я взял у нее из рук коробку. При детальном осмотре фигни оказалось, что это самый настоящий электронный термометр. Представляете мое удивление? Ну, и что, что вместо привычных цифр была качающаяся влево-вправо стрелка, кончик которой указывал на нарисованное значение температуры. Марина утверждала, что когда термометр работал, то температуру можно было измерить буквально за пару секунд.

Я перевернул девайс, рассчитывая обнаружить выход шнура питания или чего-то похожего. Нифига. Он что, на батарейках? Да не проблема. Я открутил четыре болта по краям, поднял дно и присвистнул. До этого момента я почему-то считал, что «квадратные» батарейки не текут. «Круглые» — да, было дело, но квадратные...

В общем, все то, что было «дном», было покрыто этакой сизо-черной массой, в которой двумя холмиками угадывались останки батарей. Перевернув вторую половинку вниз индикатором, я стал тщательно ее осматривать.

— Что, он сломался? — заправив прядь волос за ухо и подперев рукой щеку, наивным голосом спросила Марина.

— Нет, но был крайне близок к этому, — задумчиво ответил я. Ни следа электролита. Значит, термометром просто долго не пользовались. Повезло.

— Так, термометр я забираю, на приведение его в порядок потребуется день или два, — я поднял голову и улыбнулся медсестре. Та немедленно сделала вид, что вся такая смущенная, и ресничками так бряк-бряк. Я продолжил: — вам это не критично, потому что я вижу, что термометром давно не пользовались.

— Ой, ну тогда я пойду, — Марина таким волнообразным движением поднялась со стула и продемонстрировала мне изгиб талии, замерев буквально на долю секунды. Не, я, конечно, тугодум, но чего-то кажется, что тут меня соблазняют. Как-то рано, не?

— Стоять! — остановил я почти вышедшую в коридор соблазнительницу. — А скажи-

ка, Марина свет Игнатъевна, а куда починенное-то нести?

— В терапевтическое же, — немного удивленно ответила медсестра. А то я, типа, знаю, где вы все работаете... Дождавшись моего кивка, она затопала по лестнице. «Нет, это не цоканье каблучков», — покачал головой я, написал на листочке «Терапевтическое. Марина Игнатъевна» и подсунул его под разобранные потроха термометра.

— Имя, Фамилия, Отчество?

— Вячеслав, остальное не помню.

— Год и место рождения?

— Не помню. Но если судить по результатам осмотра, где-то между 20-м и 25-м годом.

— Образование?

— Не помню, но сказали, что университетское есть. А может, и два.

— Место жительства?

— В настоящий момент здесь, прямо в больнице. А где был раньше — не помню.

— То «не помню» и это «не помню». Ну, вот что мне с тобой делать? — на меня строго смотрела работница паспортного стола. Я же в ответ умиленным взглядом пожирал образ строгой милиционерши. Берет с большой звездой, глухой воротник под самый подбородок и темно-синий китель. Ну прямо... как ее... ну, жена Шарапова. Только тут физиономия была какой-то одутловатой, а так один в один.

— Понять и простить, — на автомате выдал я — товарищ... — взгляд на погоны. Одна маленькая и сиротливая звездочка, — товарищ младший лейтенант! Ну, вы поймите, ехал — очнулся — тут помню, а тут не помню. Меня вчера аж два профессора при всем честном народе осматривали и опыты всякие проводили. Как лечить — не знают.

— Ну-ка, покажи руки! — внезапно приказала она, — нет, ладонями вверх!

Я недоуменно показал.

— Та-а-ак. Руки нетрудового человека, — констатировала она.

— Чего это не трудового? — я сделал вид, что обиделся. — Еще вон недели не прошло, мог бы валяться себе на кровати и харчи проедать, а я уже электриком работаю.

— Не деревенский ты и не с завода, — пояснила она, — мозолей нет и ногти чистые. Да и разговариваешь гладко.

— Так за полгода все что хочешь сойдет, — кинул я ей кость.

— Не, трудовые мозоли и за пару лет не сойдут. Всегда можно отличить рабочий класс, — припечатала она.

— Так может, я в какой-нибудь бухгалтерии работал? Там нет ничего тяжелее ручки, — задумчивом тоном я начал «помогать ей», — Или студентом?

— Ну, для студента ты уже староват немного, — чуть прищурившись, она еще раз оглядела меня — Хотя... Вот ты знаешь, из чего состоит самолет?

— Знаю, — немного удивленно ответил я, — ну, там, винт, крылья, колеса и пилот посередине.

— Так, — чуть подалась она вперед, — а почему он летает?

— Ну, у крыла есть профиль, набегающий поток создает область разряжения над крылом, и возникает подъемная сила.

— А крыло из чего состоит? — продолжила она

— Ну, из нервюр профиль крыла образуют, — начал я вспоминать прочитанное, — а стрингерами их объединяют. А что?

— Да так. Я ничего из последних фраз не поняла, — вдруг улыбнулась она. — Но понятно, что про самолеты ты тоже немного знаешь... Ах, будь ты моложе...

Что, и эта клеится? Может, от меня какой-то попаданческий запах распространяется? Надо будет еще раз помыться, вон у Михаила какое-то мыло пахучее есть, говорит, еще со времен войны...

— У нас по ориентировкам банда проходит, — продолжила она. — В ней кроме матерых уголовников студент из МАИ есть. А МАИ — это что? — подняла она палец. — Это Московский Авиационный Институт.

— Хороший вариант, — поразмыслив, признал я, — для всех полутруп, а сам по ночам народ грабить. И не подкопаешься, пока не поймали.

— Да. Одна только незадача: они в Москве и области промышляют, а ты тут, в Калинин. Сто пятьдесят километров туда, потом столько же обратно. Не успеть за ночь. Да и прежде поговорила я с Успенским, — вздохнула она, — никак ты не можешь быть им.

— Ладно, отвлек ты меня, — вернулась к документам она. — Заполнять-то графы надо. Если не помнишь, то давай придумывай.

— В смысле? — не понял я

— Ну, фамилию и отчество — пояснила она — мне же графы заполнить надо. Кем хочешь быть? Калинин Вячеслав Андреевич — вполне хорошо звучит, к примеру!

— Не, Калинин — это слишком почетно, — я с трудом сдерживал внутренне «получилось». — Кто я и кто он? Новую жизнь лучше начинать все-таки на каком-то базисе. Вот где меня нашли? Ну, место?

Она начала перебирать листики из папки. Мое дело? Вот бы мне его на полчаса...

— Авария произошла около села Старое Брянцево, а что?

— Ну вот, значит, моя фамилия теперь будет Брянцев. Можно считать, что где нашли, там и родился во второй раз.

— Хорошо, этот вариант ничем не лучше и не хуже других, — признала она. — А отчество?

Я откинулся на спинку стула, поднял глаза к потолку и начал «пробовать на вкус» все знакомые мне имена, образовывая от них нужное. Причем честно начал со всяких Апполинариев и Владленов. Вячеслав Ревмирович Брянцев звучал дико даже для милиционерши, это по ее лицу было видно. Хорошо, что в отчествах используются только мужские имена, а то у меня в голове уже всплыли Октябрины, Даздрапермы и прочие Ленэры.

— Ладно, повеселился, и хватит, — внезапно припечатала она ладонь к столу. — Будешь Владимировичем. Владимир Ильич Ленин для тебя достаточно значимый человек?

— Хорошо, — я как-то даже обрадовался назначенному «сверху» отчеству, — Вячеслав Владимирович Брянцев, так и записывайте.

Наблюдая за тем, как тетка заполняет какие-то графы, изредка сверяясь с другими листиками, я еще раз пробежался по основным для любого попаданца пунктам. Еда есть, жилье есть, легализация есть. Согласно канонам, теперь необходимо начать толкать страну в светлое будущее. Я еще раз окинул внутренним взглядом свои знания этой эпохи: Сталин через пару лет умрет, за ним будет Хрущев. Что я помню про смерть Сталина? Только то, что его нашли мертвым в кабинете. Сам умер или отравили? Не знаю. А что про Хрущева? В голове только «хрущевки» и «кукуруза». Про первые я помню только, что именно благодаря им переселили большинство населения из бараков в комфортабельное жилье. Значит, это

хорошо. А про второе в голове только про распаханную степь и почему-то солончаки. Но кончилось все пыльными бурями. Это плохо. И? Вот с такими знаниями кричать «я из будущего?». Ладно бы со мной смартфон с вневременным подключением в интернет провалился или хотя бы ноутбук, набитый фильмами и книжками... Так нет их, неправильное какое-то попадание у меня получилось...

Пока я снова убеждался в правильности своего первоначального плана, милиционерша закончила свою писанину и пододвинула мне листочки на подпись. В ответ я выпросил чистый листочек и немного побаловался, пытаюсь создать новую подпись. После нескольких неудачных попыток моя рука на полном автомате вывела старую подпись. Немного подумав, я решил не менять ее. В старой подписи не было ни имени, ни фамилии, ни тем более отчества — просто набор витиеватых закорючек, в сплетении которых можно найти что угодно.

— Богатая подпись, — оценила мои старания тетка и начала этак официально, даже немного выпрямившись. — Итак, Вячеслав Владимирович Брянцев, я приняла от Вас все необходимые документы. Вскоре вы будете вызваны следователем отдельной повесткой для дачи показаний по вашему делу.

— А как вы хотели? Урон социалистической собственности и наличие потерпевших, — видимо, на моем лице настолько сильно проступило удивление, что она соизволила пояснить, — это уголовное дело. Суд уже был, но ваш случай был выделен в отдельное производство, которое было недавно возобновлено в связи с вашим возвращением в сознание.

Круто, значит, я еще и уголовник каким-то краешком. Сразу почему-то захотелось повторить Леонова из фильма: вскочить на ноги и начав с задумчивого «скольких я зарезал, скольких перерезал», рвануть на груди майку и, выдохнув «Ы-ы-ы!», начать пугать милиционершу. Честно, с трудом сдержался, настолько меня впечатлило известие об уголовке с моим участием в главной роли. Не подозревая о своей возможной участи, милиционерша начала собирать свои манатки. Естественно, как очень воспитанный уголовник, помог ей собраться и, проводив до выхода из корпуса, прислушался к себе. Что желает моя тушка? Еды или поработать?

— Вячеслав, разрешите отвлечь вас на минуточку? — обернувшись, я увидел худощавую старушку. Несмотря на возраст, стоит прямо, словно швабру проглотила. Вот замени халат на строгое платье в пол, и готова герцогиня или, там, графиня какая-то. Я кивнул.

— Любовь Борисовна Хавкина, — чопорно представилась она мне, — заведующая больничной библиотекой.

Оп-па! Вот и решилось, чего больше всего сейчас желает моя тушка.

— Вячеслав Владимирович Брянцев, — я представился в ответ новообретенным именем и даже немного поклонился. Мне нетрудно, а бабушке приятно. Явно до революции не простой крестьянкой была.

— Вилеор Семенович рассказал мне, что у нас наконец-то появился специалист по электричеству, — продолжила она. — И мне крайне необходимо исправить ситуацию с освещением во вверенной мне организации.

Естественно, я тут же преисполнился желанием помочь и, выяснив, где находится библиотека и что сломалось, помчался к себе за необходимым. Внезапно я почувствовал приближающуюся лавину голода по информации. Раньше со всеми этими заморочками мне было как-то не до этого, и мозг справлялся как-то сам, но тут, после обретения нового

имени, в сознании словно открыли какую-то плотину. Полцарства за книгу! Ну, или хотя бы дайте газету почитать...

В библиотеку я примчался практически галопом, настолько меня накрывала ломка по печатному слову. Притормозил я только перед самым входом, да и то лишь для того, чтобы не показаться смешным.

— Вот, спешил как мог, — пытаюсь отдышаться, я начал выкладывать на свободный стол все то, что принес с собой, — показывайте, где не горит.

— Похвально, — одобрила мои старания старушенция. — Вот так бы все возвращали книги. Но мы отвлеклись. Соизвольте пройти со мной...

Я глубоко вздохнул. Запах бумажной пыли, осязаемая тишина помещения и ровные полки, все заставленные книгами. Разделяющие книги флажки с буквами и цифрами прямо-таки гипнотизировали меня и лишали воли своей доступностью. Вскоре у меня даже пальцы начали мелко подрагивать от предвкушения. Идя за библиотекарем, не удержался и провел кончиками пальцев по корешкам. Скользя по волнам названий книг, пальцы словно отбивали легкую дробь на барабанах. Меня передернуло. Вот реально словно маленькие искорки пробежали по телу.

— Любовь Борисовна, — я не удержался и сглотнул, — а журналы и газеты у вас есть?

— Конечно, — подлила она огня в мой внутренний пожар, — под моим водительством находится официальная библиотека, и поэтому периодические издания мы получаем в установленные сроки и в полном объеме.

Накатывающиеся со все уменьшающейся периодичностью волны ломки куда-то исчезли. Все сменилось одной волной предвкушения. Она была пока еще маленькой и маячила где-то на горизонте, но я уже заранее расчищал ей дорогу в своем сознании. Вот уж не знал, что я такой охочий до печатного слова...

Чтобы не затягивать встречу с прекрасным, я максимально быстро и аккуратно менял сгоревшие лампы, потом починил один выключатель и укрепил разболтавшуюся розетку. Я реально молил кого-то там наверху, чтобы колбы не лопались, болтики не терялись и материал не крошился. Видимо, мои мольбы были услышаны, поэтому вскоре улыбающаяся Хавкина высказывала мне свои комплименты.

— Любовь Борисовна, — довольно невежливо перебил я ее, — а можно, я немного почитаю? Вот только сейчас сбегая руки помыть, чтобы не пачкать страницы...

— Милый мой, — всплеснула руками она, — да конечно же! Ведь библиотеки для того и созданы, чтобы нести...

Что нести и куда нести, я уже не слышал. И так понятно, что чистое, светлое и доброе. Но я-то грязный.

Буквально через пару минут я продемонстрировал библиотекарю вымытые руки и, предвкушая, двинулся к стеллажам. Даже не размышляя, я пошел к крайнему справа. Вот так и буду последовательно все перебирать, пока не утолю голод.

Первой в мои руки попала подшивка газеты «советский спорт» за январь месяц. Перевернув подшивку, я открыл последний номер газеты. С большим вниманием, прямо чувствуя, как падают буквы каплями дождя на истосковавшийся разум, я прочитал про дружный агитколлектив из Харьковского педагогического института. Полюбовался фотографией с гимнастической секции Одесского института мукомольного и элеваторного хозяйства. Тщательно ознакомился с критикой Курской области в деле роста физкультурных рядов. Кстати, заголовок был прямо для меня: «Успех нужно завоевать!». Прочитал про

стиль советского бокса и усмехнулся от фамилий Шоцикас и Заборас. Уделил внимание недостаткам катков в городе Чкалове. В общем, проглотил газету, практически не вдумываясь в содержимое.

В спорт я не очень, поэтому схватил следующую попавшуюся под руки. "Пионерская правда" от 18 мая. Свежак! Сразу же мне сообщили, что через три дня начнутся экзамены, и пожелали успехов. Замечательно, но я свои экзамены уже сдал на «отлично». Пробежав глазами по всяким пожеланиям, я вцепился в «клуб юных мастеров». Вертолетик и торпеда, которую обозвали «плавающей моделью». Я пролистал подшивку назад. Максимум, что требовалось из инструментов для поделок — это нож. Плохо. Но внезапно следующий номер газеты сообщил мне, что 7 мая — день радио. Попов, какой он хороший и прочее. Ну, и рядом пара в меру пафосных заметок про то, как школьники что-то там собрали в честь чего-то. Радио! Почему я его не слышал? Ведь черные тарелки репродукторов висят по углам комнат и палат. Решив выяснить этот вопрос у Михаила попозже, я продолжил судорожное глотание газетчины.

«Радянський спорт». Великий Сталін — перший кандидат народу. Справа Леніна — непереможна! Сморгнул, но украинская мова никуда не исчезла. Откуда тут эта газета? Пожав плечами, я отнес подшивку на ее изначальное место.

Следующая стопка привлекла мое внимание заголовком «Закон о Государственном бюджете Союза Советских Социалистических Республик на 1951 год». Чуть ниже ярко-красная ручка с пером прикалывала языки каких-то сизых личностей. Я потащил подшивку на себя. Крокодил! Нифига себе, мой любимый сатирический журнал до перестройки уже существует. Изредка подхахатывая, я с большим интересом листал подшивку. После первой дозы пафоса это реально было клево. Хоть иногда обилие картинок и создавало впечатление, что кто-то наверху просто чуть переиначил идею американских комиксов.

Вскоре я удовлетворенно откинулся на спинку стула и огляделся. Первый голод я уже утолил, но даже за пределы первого стеллажа не ушел. А их только в этом ряду штук двадцать! Я счастливо вздохнул и улыбнулся.

— Вячеслав Владимирович, — услышал я голос библиотекарки, — я вижу, вы прервались. Извините, что сообщаю пренеприятные известия, но мне пора закрывать библиотеку.

Что? Как? Я же только начал...

— Видя ваше воодушевление, я не решила вас прерывать, — продолжила Любовь Борисовна, — но уже девять часов пополудни, и мне пора.

Залившись краской стыда, я вскочил. Девять часов вечера, и она ни словом! Начал было извиняться, но она прервала меня царственным взмахом руки.

— Не надо извиняться. Вы изрядно порадовали меня своей страстью к книжному слову. Настолько, что я взяла на себя смелость оформить на вас читательскую карточку. Так что приходите сюда в урочные часы, буду рада.

— А можно мне с собой что-нибудь почитать взять? — просто так отрываться от обретенного источника было очень мучительно.

— Конечно. — она с улыбкой протянула мне какой-то томик — вот, сегодня пришло. Очень популярная среди сестер и врачей серия.

Я с некоторым скептицизмом протянул руку. Наверное, про какие-нибудь новомодные методы лечения. Взвесив на руке книгу, я повернул ее обложкой к себе и отыскал заголовок на фоне всяких завитушек и кренделей. Библиотека научной фантастики и приключений.

Все, что я смог, так это прижать том к груди и пробормотать «спасибо». Начавшийся удачно день завершился совершенно чудесно.

Есть реакция или нет? Я внимательно смотрел на остатки электролита, размазанного по корпусу термометра. Большую часть я соскреб ножом раньше, но вот остатки во всяких щелях мне не поддались. Фиг его знает, какие батарейки были вставлены раньше, поэтому одну половину корпуса я посыпал чуть подмоченной содой, а на другую капал уксусом. Я даже не поленился, сходил к Вилеору в его мастерскую и сделал из какой-то доски два таких деревянных шила, которыми и пытался выцарапать остатки электролита.

Соду и уксус я раздобыл в самом правильном для этого месте — прямо в пищеблоке. Серафимовна очень удивилась месту починки медицинского прибора, но выдала требуемое. Более того, посмотрев, как я мучаюсь с деревянными палочками, она принесла откуда-то такую чуть увеличенную в размерах зубную щетку, только вместо щетины была проволока. С ней дело пошло чуть веселее. Я капал, тер и придирчиво рассматривал результат своих действий.

В общем, я так и не понял, какие изначально были батарейки, потому что в процессе подбора реагентов и смены инструментов все очистилось как-то само до приемлемого состояния. Ничего, судя по размеру ящика с батарейками, подобных девайсов тут много, значит скоро все придут за заменой и тогда все везде станет одинаковым. Тщательно промыв все водой, я отнес термометр к себе в каморку и оставил на столе сушиться.

Что следующим? Покрутил в голове идею про бесперебойную работу светильника, но потом решил отложить ее в сторону: катастрофически не хватало материалов. Фиг с ними, с реле, у меня даже обычных выключателей не было. Значит, пора заняться проводкой. Вернее, попробовать сменить витое старье на современный кабель. Кстати, а где кабель?

— Миш, а где кабель? — парой минут позже я повторил свой вопрос. — Ну, ты вроде отправлял машину за ним на склад.

— Должны были привезти, а что, нет? — озаботился наш завхоз.

— Ну, наверное, куда-нибудь да привезли, — согласился я, — но у меня его нет.

— Пошли, посмотрим вместе...

Вообще-то я ожидал, что пойдем ко мне и будем совместно обозревать мой ничуть не изменившийся склад. Однако Михаил повел меня совершенно другим маршрутом. На вопрос «а куда мы идем?» я получил совершенно ожидаемый ответ «на склад». Нет, вообще-то логично, что в больнице есть больше одного склада, но можно было бы и прояснить...

Вскоре перед моим взором открылся склад. Ну, как "склад"... Склад-помойка. Судя по всему, сюда сваливали все, что уже было не нужно, но вполне могло еще пригодиться. Ну, примерно, как любой из нас решал, что на дачу отвезти. Кому-нибудь и когда-нибудь. Матово блестели шариками покрытые пылью спинки кроватей. Поставленные друг на друга остовы кушеток предстали передо мной такой сюрреалистической трубой. Груда потрохов каких-то приборов или механизмов — из-за толстого слоя пыли уже не понять изначального назначения. Дальше в темноте вырастали совсем уже странные конструкции... Надо будет сюда наведаться уже вдумчиво, с фонариком и инструментами — наверняка тут есть что скрутить для моих целей.

— Вот твой кабель, — Михаил указал на три бухты. Посреди пыльного вертепа их черные, тускло отблескивающие кольца смотрелись просто фантастически.

Я попробовал приподнять одну бухту, из самого тонкого кабеля. Нормально так,

килограмм 50, может, чуть больше.

— Тачка есть? А то я как такое к себе упру?

— А зачем? — удивился Михаил — приходи, да отрезай себе сколько надо.

— А-а-а... — начал было я и заткнулся. Это не то время, когда народ тырил кабеля и обжигал их для последующей сдачи в металлолом. Да и тут много другого, более интересного потенциальным пионерам.

— Ладно, тогда я сейчас отрежу кусочек и потренируюсь на нашей спальне, — согласился я. — А то что это за сапожник без сапог...

Немного поспорив про необходимую длину кабеля, мы отрезали необходимый кусок. Быстренько смотав, я перекинул кабель через голову на плечо, став похожим на солдата со скаткой. В принципе, так можно было и всю бухту разом перенести, вполне подъемно должно быть.

«Итак, вот кабель. Вот проводка, которую надо поменять. Как?» — примерно так думал я, сидя и разглядывая наш закуток. Почему-то мне в голову лезли одни кабель-каналы или шпробление стен с последующей шпаклевкой, что явно было не по времени. Не завезли сюда еще «леграндов» и прочих «иеков». Должен быть какой-то простой вариант... Так я сидел и тупил, пока не наступило время обеда. Решив, что дополнительный впрыск питательных веществ мне поможет, сходил на обед. Пока шел назад, понял, что нет, не помогает. А значит, как завещал великий Ленин, надо сменить область деятельности.

Батарейки в высохшие крепления термометра встали, как родные. Соединив вместе обе половины и пока не закручивая скрепляющие болты, я перевернул корпус. Щелкнул выключателем и заметил, как стрелка отклонилась чуть вправо. Ага, кажется, работает. Взял кончик щупа в руки и стал наблюдать, как стрелка поползла дальше. Точно работает, сейчас узнаю, какая у меня температура...

34 градуса и не градусом больше. Крепко сжимал в руках, совал под обе подмышки, ждал несколько минут — без разницы. В рот решил не совать, потому что и так понятно, что прибору требуется калибровка. Да и мало ли где этот щуп раньше побывал... Снова разъединил половинки корпуса и начал искать, как производится настройка. После нескольких минут разглядывания потрохов я не обнаружил решительно ничего, что можно было бы изменить. Схема была абсолютно без каких-либо подстроечных элементов. Кажется, сегодня не мой день... Но как-то же его настраивают? Вот не верю я, что врачи пользовались им по принципу «ага, показывает 34, значит, это 36 в реальности». И инструкции нет...

Ладно, термометр, в общем-то, работает, пойду к врачам, может, у них другие есть или инструкция где завалялась. Закрутил половинки, пощелкал еще пару раз выключателем для проверки и на всякий случай освежил в памяти заказчика: «Терапевтическое. Марина Игнатьевна».

С Мариной мы столкнулись в дверях, выходящих на лестницу. В руках у нее была пачка каких-то папок, из которых торчали уголки бумажек разных оттенков серого.

— Ой, Вячеслав, здравствуйте! — она тут же заулыбалась во все зубы. — Уже починили? Как замечательно. Подождите меня, пожалуйста, я сейчас карты отнесу и тут же вернусь.

Проводив взглядом заскакавшую по лестнице медсестру, я скептически хмыкнул и прошел в отделение. Та же планировка, что и в том, где я очнулся. Только тут вдоль стен

стоят лавки, на которых сидит куча народу. Ну, и вместо палат больных кабинеты врачей. Я медленно прошелся по коридору. Одна сторона была увешана призывами поступать на курсы медсестер, организовывать санпосты, и утверждениями, что врач — друг народа, а сельский — тем более. Согласившись с тем, что необходимо вступать в общество красного креста, я развернулся и пошел назад, разглядывая другую сторону. Что такое каззоль и плазмон, я не знал, но плакат утверждал, что это необходимо давать детям. Следующий плакат с ярко-красным малышом утверждал, что наши дети не должны болеть поносом. Поглядев дальше, я увидел, что вся эта сторона была увешана плакатами про детство, материнство и все с ними связанное. Странно, ни одного антирелигиозного плаката. Ну, там, «Чем лечились? Словом божьим!» и прочее. Странно, я почему-то считал, что с этим делом боролись очень сильно...

Не успел я задуматься над плакатом, предлагающим перед закаливанием посетить врача, как подошедшая сзади Марина потянула меня в сторону ординаторской. Бдительные бабульки проводили нас подозрительными взглядами, но, так как мы шли не к врачу, промолчали. Вообще надо бы себе тоже халат взять, а то хожу, как не сотрудник...

Вскоре, медленно краснея, я смотрел на улыбающуюся Марину. Черт, вот что значит мышление человека из будущего. Настройки, тюнинг, юстировка и другие слова, которые проносились в моей голове, когда я пытался заставить термометр показывать правильную температуру и искал, что подкрутить. Все оказалось гораздо проще. Крышечка индикатора отщелкивалась и бумажная полосочка под стрелкой индикатора поддвигалась под нужное положение. Ну, или рисовалась заново, если пришла в негодность. Берем ртутный градусник, одного здорового и пару-тройку больных с разной температурой, и через 15 минут готово. Промежуточные значения ставим на глаз. Все просто и надежно.

— Но ведь кто-то возьми и поставь линию немного правее или левее, — ломая сушку в руках, пытался сообразить я, — и врач увидит не ту температуру.

— Ничего страшного, — просветили меня, — вообще врачам не очень нужны точные показатели температуры. Обычно хватает «есть», «нет» или «высокая». Ну, и тенденция ее изменения за какой-то период времени.

Мне стало немного обидно. Я-то, как любой мужиковый мужик, привык оперировать с максимально доступной точностью, а тут такое...

Я откинулся на спинку дивана. Марина присела рядом. Да что же такое. Ну нет у меня желаний с бабушками, не перестроился я еще! Диван, конечно, был, как и чай, но вот обещанных конфет не наблюдалось. Зато всяких баранок и прочих печенек с пряниками наблюдалось в изобилии. Может, отшутиться на эту тему и, пока смеется, уйти? Типа «После ужина на двоих. Она ему: ну все, теперь ты мой! Он: нет, уж сама мой посуду» или еще как...

— Вячеслав, а вы... — чуть наклоняясь ко мне, начала медсестра.

— Марина! — раздался голос от двери. — Что тут происходит?

Марину аж подбросило. Я уже узнал голос, поэтому нарочито медленно повернул голову. В дверях стояла главсестра, Ирина Евгеньевна. Я окинул ее взглядом: вся такая правильная, что хоть сейчас рисуй новый плакат в коридор. Губы сердито поджаты, руки в карманах халата, а стетоскоп оранжевой змеей спускается с шеи. Вот нафига он ей? Она же больше администратор, чем доктор. Пока я рассматривал повелительницу медсестер, она вошла внутрь и аккуратно прикрыла за собой дверь.

— Вячеслав, я же предупреждала! — кажется, она сейчас начнет искриться.

— Предупреждали, — согласился я, — но тут совершенно рабочий момент.

— Рабочий момент? — если бы не сидящие за дверью и наверняка греющие уши бабульки, она бы точно заорала. А так — только шипит.

— Он самый, — я чуть подтолкнул термометр по столу. — Марина Игнатьевна объясняла мне тонкости обращения с электрическим термометром, который я недавно починил.

— Так что теперь у врачей на один термометр больше, — я встал. — Но теперь у меня есть к вам вопрос.

— И какой же? — она уже чуточку сбавила напор.

— А можно мне белый халат? Ну, чтобы не выделяться из коллектива?

Пока она соображала над ответом, я ужом выскользнул в коридор.

Стоило мне забрести в мастерскую к Вилеору в поисках укрытия и поделиться своей бедой про кабель, как он тут же предложил несколько вариантов. Нет, я сегодня точно что-то туплю, все же просто. Отрезаем полоску жести, оборачиваем ее вокруг кабеля и, чуть выпустив хвостик, прикручиваем ее к стене вместо фарфорового бочонка. Да, не так красиво, как я привык, зато быстро, дешево и реализуемо прямо сейчас.

Не откладывая, тут же достали лист жести, нарезали полосок и проббили в них отверстия. Я собрал полученное в этакий футуристический букет и понес к себе. Дальше было уже совсем просто и доступно даже для такого тупня, каким сегодня был я. Выкрутил старые пробки с жучками, отсоединил старый провод с обоих концов и выкрутил все бочонки. Затем прямо по тому же месту, где раньше был провод, прокладываю кабель и прикрепляю его к стене полосками из жести. Завожу концы в розетку и щиток, достаю со склада пробки на 10 ампер и вкручиваю их вместо старых. Включаю плитку и жду вонь, потихоньку медитируя на переливающуюся бордовым светом нихромовую спираль.

— Ого, как тут у тебя жарко, — прервал меня Михаил. — Чего попусту электричество жжешь, лучше бы чайник вскипятил.

— Да я не попусту, — возразил я. — Проверяю новую проводку. Чуешь вонь? Вот и я нет...

— Так это же хорошо, — сообщили мне, одновременно ставя чайник на плиту. — Теперь можно чай в два раза чаще пить.

— Так и до засухи недалеко... — я начал вытаскивать сахар и остатки печенек. Точно я тормоз. Надо было у Марины кулек собрать, ведь все равно у врачей сохнет попусту... Разложив все на столе, я достал журнал.

— Ничего, у нас на такой случай артезианская скважина есть. Что читаешь?

— Да у Любовь Борисовны последний номер «Техники — молодежи» взял...

Выданный мне том «библиотеки» я проглотил вчера буквально за пару часов. Ну и что, что мне попался какой-то Ананян с романом «На берегу Севана». Я про такого даже не подозревал и в свое время не читал, так что читать наивный текст про приключения подростков мне зашло. Но утром, когда я возвращал книгу, выяснилось, что больше из этой серии ничего в наличии не было — все на руках. Особо времени перебирать не было, поэтому я схватил первое попавшееся из знакомого. У меня в голове сидело воспоминание, что «Техника — молодежи» тоже печатала фантастику.

Однако меня ждал облом. Никакой фантастики внутри не было. Зато были вполне современные статьи про организацию производства, которые не стыдно и через 70 лет перепечатать.

— Миш, гляди, что нам надо, — я показал заметку о начавшемся выпуске «вечных пробок». — Написано, что начался массовый выпуск.

— Ну, спрошу, вдруг уже завели, — согласился Михаил. — Да, про твою заявку на паяльник, — он шумно отхлебнул из кружки чаю. — Сам я не нашел, но знакомые подсказали. Надо обратиться в радиоклуб, и там уже направят.

Однозначно, что с моими мозгами сегодня что-то не так. Мог бы сам догадаться, сейчас же самое начало эпохи радио. Детекторные приемники, коллективные радиостанции, катушки индуктивности и радиолампы — все эти слова сразу начали всплывать в голове. У них точно найдутся и паяльники и канифоль с припоем. А может, даже на предка привычных мне «цешек» разорятся, а то даже сопротивление у лампочек померять нечем...

— Только у нас в Калининне их нет, — продолжал Михаил. — Так что придется звонить в московские, там точно есть. Может, заодно и шефскую помощь окажут...

— А в чем нам нужна шефская помощь? — поинтересовался я.

— Ну, может, радиоузел смогут починить.

— У нас есть радиоузел? — я был очень удивлен.

— Конечно, — он откусил от печеньки и продолжил с набитым ртом. — Видел же репродукторы? В конце прошлого года поставили. Сделали, он поработал немного, а потом что-то сломалось. Ефимыча я туда побоялся подпускать, а больше никому.

Кажется, вот еще одно направление для приложения моих сил. Я, конечно, в антикварной электронике совсем не очень, но отличить-то колебательный контур от выпрямителя точно смогу.

Утром я первым делом побежал в библиотеку на проверку. Как же я благодарил министерство печати или что тут сейчас. Сказано, по несколько экземпляров в каждую библиотеку — значит будут. И пофиг, что библиотека при больнице, где читателей какого-нибудь журнала про сталелитейную промышленность может и не быть.

После моих сбивчивых пояснений Любовь Борисовна показала мне место, где находилось искомое. Аккуратные, практически не тронутые подшивки журналов «Радиолобитель», «Радио всем», «Радиофронт» лежали передо мной. Чуть дальше виднелась более монументальная подшивка журнала «Радио».

Я открыл январский номер за текущий год. Первые страницы были посвящены тому, какие все умные и хорошие, так что я их пролистнул. А вот и первая схема радиоприемника, а рядом описание его конструкции. Какой же я наивный был вчера. Ага, отличить он сможет. Вот чем отличается тетрод от кенотрона? А чем отличается схема 0-V-1 от 2-V-2? Я смотрел на кругляшки с черточками как баран на новые ворота. Хорошо еще, что резисторы и конденсаторы обозначались привычными знаками, а вот диодов и транзисторов не было вообще. Ладно, с этим потихоньку разберусь.

Записав у библиотекаря, что я взял всю подшивку за этот год, поспешил назад, терзать Михаила на тему радиоузла. Однако тот отмахнулся от меня, заявив, что я достаточно самостоятельный, и рассказав, где искать, просто дал ключ.

Открыв дверь, я не смог сдержать разочарованного вздоха. Я представлял себе что-то сверкающее, с кучей всяких индикаторов и прочих ламп, свидетельствующих о работе. В реальности передо мной на столе стоял здоровенный ящик зеленого цвета со скошенной сверху панелью. Шкала радиоприемника слева и несколько переключателей справа. И вот это вот радиоузел? Честно?

Включив свет и закрыв дверь, я начал шариться по ящикам стола. В одном из них оказалась тонюсенькая брошюрка. Сев на табуретку, я открыл книжицу и прочитал, что сей чудный агрегат называется МГСРТУ-100. Тут же давалась расшифровка, что это малогабаритная стационарная радиотрансляционная установка. Перевернув страницу, я обнаружил другую расшифровку, что это уже не установка, а узел, причем местного значения. Дальше шло описание его возможностей. Эта пепятка умеет ловить радио, проигрывать пластинки, использовать трансляционную линию и микрофон. И все пойманное и услышанное он может передавать на те самые репродукторы, висящие по всей больнице. Ну, или на встроенный динамик для особо интимных передач. Я еще раз посмотрел на ящик. Радиола, только не для семьи, а для предприятий.

Конечно же, я первым делом нашел щиток и рубильником подключил агрегат к сети. Потом щелкнул выключателем уже на самом ящике. Индикатор между решеток дернулся и, немного покачавшись, показал стрелкой на 60. Что значит 60, было совершенно непонятно. И больше ничего. Ни шума, ни писка, ни даже гудения. Я чуть отодвинул эту хренотень от стены и заглянул в вентиляционные решетки. Лампы светились, а это значит, что всякие предохранители на месте. Облом.

Задвинув ящик назад, я еще немного посидел в надежде, что эта фигня сейчас прогреется и заработает. Фигу, только в комнате чуть потеплее стало. Поняв, что без помощи тут нечего ловить, я все отключил и закрыл дверь.

Стоило немного отойти от двери, как меня поймали. И молча, под конвоем, утащили в свою берлогу.

— Вячеслав, я еще раз обращаю ваше внимание на недопустимость подобных действий!

— Ирина Евгеньевна, да поймите вы, не давал я никаких поводов. Ни к сближению, ни к удалению. У меня совсем другое на уме, — пытался я отбиться от обвинений в совращении медсестер. Потому что если верить главсестре, то минимум на пару отделений уже брошена тень. А может, что и пострашнее успел совершить.

— И что же интересно, у вас такого на уме? — ядовито поинтересовалась она.

— Ну, вы же знаете, что я потерял память? — начал я издалека.

— Да, как и все последующее, включая то, что с вашим участием была проведена практическая лекция, — подозрительно глядя на меня, согласилась она.

— Так вот, там многоуважаемая коллегия в числе прочих указала, что у меня есть образование, возможно даже университетское, — я показушно вздохнул, — а то и не одно.

— Я не собираюсь ставить это под сомнение, ведь сестры так и липнут к вам... — она попыталась вернуться к первоначальной теме, но я поднял руку, прося подождать.

— Тогда у меня к вам вопрос, как к секретарю партийной организации, — я посмотрел ей прямо в глаза, пытаясь найти в них хоть что-то, кроме блеска стали. — Как определить, комсомолец я или уже коммунист?

Эту ночь спал я очень плохо. Послезнание того, во что выльются все эти пентоды с катодами, рисовало перед глазами много заманчивых картин. Радиоприемники и радиостанции — это просто самая вершина того айсберга, который скоро начнет пускаться под воду множество механических «титаников». Нет, я не честолюбив, но желание немного заняться прогрессорством прямо-таки зудело где-то в районе груди. Проворочавшись с такими мыслями практически до самого утра, я не выспался и в результате за завтраком я немилосердно зевал, вызывая смешки и перемигивания поварих. Чего это они, зевающих раньше не видели?

Быстренько пробежавшись по отделениям, я всех предупредил, что если меня нет у себя в камере, то пусть ищут в библиотеке. Оккупировав с разрешения Любовь Борисовны два стола, я начал методично проглатывать подшивку «Радио», выясняя текущий уровень дел в радиоэлектронике. Ну, и заодно подыскивая «донора» и «шефа» для больницы.

Выяснилось, что уже есть министерство промышленности, которое все завуалировано ругали за низкое качество продукции. Продажей всех радиоэлементов ведал некий центрсоюз, который чуть ли не в сельпо мог доставить какой-нибудь конденсатор. Одновременно выяснилась вертикаль власти для тех, кто желал заниматься радиолюбительством. Во главе стоял центральный радиоклуб ДОСАРМА. Немного полистав, я обнаружил еще ДОСФЛОТ и ДОСАВ. Поискав расшифровки, я выяснил, что это «добровольные общества содействия» армии, флоту и авиации соответственно. Немного проконсультировавшись с библиотекарем, сделал вывод, что это предки ДОСААФ, который был при мне. По крайней мере, область деятельности и первые буквы совпадали.

Вот этот вот досарм в каждом приличном городе имел свое отделение, почему-то названное «городским комитетом». И вот этот вот комитет был ответственен за работу городских радиоклубов и радиокружков в домах пионеров. Ну, как минимум в паре номеров были жалобы на недостаточно активную работу именно этих товарищей.

Но что меня поразило, так это то, что практически в каждом номере публиковались схемы всевозможных радиоприемников и даже телевизоров. С полными схемами, разжевывая принцип работы и даже иногда показывая размещение деталей на «шасси». Эти «шасси» гнули из тонкого металла и потом хвалились удобным доступом до элементов схемы. Спohватившись, я перелистал ближайшие номера журналов — ни слова про печатные платы. Ну, в принципе, когда у тебя на весь радиоприемник с десятков-другой элементов, и весь спор идет про качество панелек для ламп, они и не особо нужны. Но галочку себе поставил.

А как же с разрешениями на радиоприемники? Судя по всему, их нет. Бери, кто хочешь, и делай что хочешь. По крайней мере, никаких даже намеков на какое-либо регулирование этой сферы я не нашел. А вот с радиостанциями, кажется, полный облом — ни одной схемы нет, только изредка проскакивают позывные рядом с фамилиями. Ладно, радировать мне нечего и некому, поэтому это совершенно не к спеху.

Тут мой взгляд уцепился за знакомые буквы. Ага, кажется, это про мой случай. «На выходе усилителей МРТУ-100 применяются лампы 6ПЗ, которые часто выходят из строя из-за пробоя высоким напряжением пространства между экранной и управляющей сеткой». Ну и дальше пара абзацев, как от этого избавиться. Тщательно переписал рецепт на отдельный

листочек — потом проверю.

— Вячеслав! — внезапно послышалось от двери. В проеме стояла Евгения. Та самая, которую я так успешно пугал, только появившись здесь. Я улыбнулся — кажется, она меня до сих пор немного боится...

— У Василий Васильевича операция трудная, — немного смутившись, она скрестила руки на груди. — Он просил по возможности подежурить.

— Хорошо, Евгения... — я пощелкал пальцами, вспоминая, — Александровна, верно? — получив ответный кивок, я продолжил, — передайте Василь Васильевичу, что уже собираю вещи и прибуду в самое ближайшее время.

Та кивнула и испарилась. Интересно, как лечат от фобий внезапно воскресших? И вообще, есть ли такая фобия?

— Ах Женя, Женя, Женечка... — мурлыкал я, собирая журналы — с ней случай был такой...

— А дальше? — поинтересовалась услышавшая меня Хавкина.

— Служила наша Женечка в больнице городской, — нарочито фальшиво протянул я. — Сестринская работница приставлена к врача-а-м...

— На Женечку внимания никто не обращал, — я поставил стопку на полку. — Не может быть, представьте себе, никто не обращал...

— Да вы талант!

— Да нет, так просто в голову что-то пришло, — тут же пошел на попятную я. «Карнавальную ночь» уже сняли или нет? Вроде это оттуда...

Сидя на табуретке в предоперационной и листая очередной номер журнала, пытался понять принцип действия радиоприемников. Я был немного горд тем, что нашел на паре схем диод, только в одном месте он был обозван детектором, а в другом селеновым вентилем. Но вообще общий примитивизм схемных решений начал играть мне на руку — блоки с одинаковой функцией обычно использовали одни и те же схемные решения. Правда, меня до сих пор коробило использование гасящих резисторов в приемниках с батарейным питанием, но, видимо, по-другому тут пока нельзя.

В операционной раздалось шипение и шторка немного качнулась, плюнув в мою сторону жарким и удушливым сквознячком. Мои мысли сразу же переключились на жарницу в операционной. В прошлый раз я сидел на полу и то обливался потом, а хирурги и сестры стоят. А тут, как в бане — чем выше, тем жарче... Интересно, а почему кондиционеров нет? Ведь холодильники уже есть, я сам видел.

Хотя... Я посмотрел на стоящие посередине комнаты раковины с кранами. Ведь я живу в мире практического коммунизма. Тут нет счетчиков на воду и электричество. Вернее, есть, но на уровне предприятий всем пофиг. Хочешь — трати киловатт, а хочешь — кубометр воды — никто не почешется, пока не наберешь заметных объемов. А значит, сделать примитивный кондиционер можно прямо сейчас и здесь!

Выходящего из операционной Василий Васильевича я встречал, притоптывая ногами в нетерпении, словно конь перед забегом. В этот раз моей помощи не потребовалось, поэтому получив разрешение удалиться, я ломанулся к Михаилу.

— Миш, ты все и всех тут знаешь, поэтому советуй, где достать, — я с трудом отдышался и продолжил, загибая пальцы, — электрический мотор, пропеллер, радиатор, как на машинах, и немного водопроводного шланга.

— А зачем тебе все это? — немного озадаченно спросил завхоз.

— Сидел я сейчас в операционной, а там жара. И так надышали, да еще за окном лето уже почти. Вот мне в голову и пришло, как сделать так, чтобы в операционной стало попрохладней. Берем радиатор и подключаем его одним концом к водопроводному крану, а вторым — просто в раковину. Электрический мотор с помощью пропеллера прокачивает через радиатор воздух и вуаля! Если воздух теплее воды, то он остужается. А если холоднее, то наоборот, нагревается.

— Толково... — размышляя о чем-то, протянул Михаил, — и вроде может получиться...

Радиатор с пропеллером мы нашли быстро. Вернее, Михаил сбегал к автомобилистам и, воспользовавшись административным ресурсом, приволок от них вполне себе симпатичный радиатор и вентилятор к нему. Правда, под клятвенное обещание вернуть, если ничего не получится.

— От полуторки, — прокомментировал он, колукая пальцем один из раструбов. — Если понадобится, у них еще есть.

С мотором оказалось сложнее. Именно электрических у водителей не было. Под славное дело обеспечения хирургии они были готовы отдать один из автомобильных, но нам это по понятным причинам не подходило. Я судорожно перебирал в голове места, где в это время использовались электромоторы. Станки, краны — все перебор для нас. Настольные вентиляторы — слишком дохлые. Хотя если поставить парочку...

— Зубные врачи! — вдруг воскликнул Михаил, — у них эти приборы на электричестве! И у нас один сломанный есть!

Я с тщательно скрываемым ужасом смотрел на агрегат, откопанный Михаилом на том самом складе-свалке. Порванное полулежачее кресло и нависающая над ним паучья лапа с роликами в сочленениях. А на ролики должен быть натянут тросик... Как сейчас помню: грязно-зеленого цвета с какими-то черными вставками. Да вон его ошметки виднеются! Моторчик крутится, ролики вращаются, а бор с противной дрожью пилит зуб. Если врач переусердствует, то все останавливается и тросик начинает проскальзывать на шкиве или роликах, издавая верещащий звук. Бр-р-р-р!

— Да, агрегат отличный, — по-своему понял мое состояние Михаил, — и сверлит почти не больно. Только вот этому не повезло...

— Как ему может не повезти?

— Не поверишь, все началось с того, что установку уронили, когда выгружали. Дальше — больше. Сломали дважды или трижды кресло, потом у двоих волосы выдрала...

— Чего?

— Ну, ты же видел наших медсестр и молодых врачей? Все такие расфуфыренные, локонами трясут. Ну, вот и тут — начали сверлить, а волосья под шапочку не убрали, и их затагнуло... — он взял окончание «паучьей лапы» и поднес к виску. В самом деле, когда смотришь в рот, то зацепиться волосами за эту штуку как нефиг делать.

— Жесть какая...

— Не, нет тут жести, корпус из стали, — не понял меня Михаил, — и главное, только на этой такая кутерьма приключалась. А после последнего раза, когда эта штука полскальпа содрала, вообще отказались подходить к ней.

— Вот, видишь название? — он рукой стер пыль с таблички, приклепанной к корпусу.

— Ну, УС-30, — прочитал я.

— А знаешь, как расшифровали? — он невесело усмехнулся, — устройство скальпирующее, три жертвы, ноль трупов.

— Обалдеть...

Вдвоем мы быстренько освободили этот агрегат из цепких лап свалки. Я покрутил шкив — вроде крутится без заеданий, значит, есть шансы, что все получится. Немного посоветовавшись, решили оттащить все это к Семенычу, поближе к инструментам и станкам.

Мудрить и что-то менять не стали. Аккуратно извлекли из бормашины мотор со всеми причиндалами. Затем быстренько сколотили из досок и брусков раму, куда хомутами притянули мотор и радиатор. С мотора оторвали шкив и вместо него надели выточенный переходник на автомобильный вентилятор. Так же поступили и с радиатором — в раструбы вогнали деревянные пробки, в которых просверлили отверстие для шлангов.

Получившаяся убер конструкция со своими торчащими во все стороны проводами совершенно не создавала впечатления чего-то работоспособного. Однако когда я щелкнул тумблером "ВКЛ" и нажал на педаль, моторчик натужно взвыл и буквально через несколько секунд довольно бодро закрутился. По мастерской прошла волна пыли, поднятая воздухом. Я отпустил педаль и все затихло.

— Здорово! — рядом со мной протирали от пыли глаза Семеныч с Михаилом.

— Надо на педаль какую-нибудь тяжесть положить, — озаботился я. — У доктора-то нажал, посверлил, отпустил. А у нас долго работать...

— Зачем тяжесть? — не понял Вилеор, — сейчас просто провололочкой обмотаем в нажатом состоянии, и все.

Тоже хорошо. В общем, второй запуск нашего агрегата происходил уже с водой. Не обошлось без подтеканий, но их быстро устранили. Где чопиками из деревяшек, где кусочками какой-то кожи.

Наш агрегат шумел, тряся, но дело свое делал. Как только теплая вода из крана «протекла» и полилась холодная, в мастерской явственно стало холодать, причем очень быстро. Я щелкнул галетным переключателем, выводя мотор на самую минимальную скорость. Шум резко снизился и теперь, если закрыть глазам, можно было представить, что где-то рядом работает большой напольный вентилятор. Ну, такой, который стоит на тоненькой палочке с крестовиной и башкой крутит туда-сюда.

— Надо позвать Успенского, — предложил Михаил и сам же побежал реализовывать сказанное.

Василь Васильевич пришел не один, а в компании с Ириной Евгеньевной, Агрипиной Никитичной и еще одной незнакомой мне медсестрой. Незнакомку представили как Елену Станиславовну, она оказалась еще одной повелительницей операционных.

— Вот, — начал презентацию я, — аппарат для поддержания температуры в каком-либо помещении. Идея пришла, когда в последний раз дежурил при операции Василий Васильевича. Реализация — Михаил Александрович и Вилеор Семенович.

— Принцип действия простой, — продолжал я, — мотор с вентилятором продувают воздух через подключенный к крану радиатор. Если вода холодная, то радиатор охлаждает воздух. Ну, а если горячая, то, соответственно, нагревает. Регулировку температуры можно осуществлять как краном, так и частотой вращения мотора.

Наш «кондиционер» исправно молотил лопастями воздух, превращая мастерскую в какое-то подобие холодильника. Заметив, как поежилась Агрипина, я подошел к крану и, закрыв холодную воду, открыл горячую. Буквально через минуту по мастерской пошла

явственно ощущаемые языки горячего воздуха.

— Очень оригинальная конструкция, — произнес Успенский, разглядывая агрегат. — Михаил Александрович, как я вижу, вы наконец-то нашли применение этому... — повернувшись к главной медсестре, он с каким-то сарказмом произнес, — ... дьявольскому агрегату.

— Я и не отказываюсь от своих слов! — гордо вскинула голову Ирина Евгеньевна, — только на этом инструменте происходили происшествия с персоналом. Почему на других установках все хорошо?

— Хорошо-хорошо, — Успенский поднял руки в примиряющем жесте. — Не будем ворошить старое. Но сейчас-то, как вам? Попробуем?

— А про это надо спрашивать у присутствующих здесь медсестер, — холодно ответила она.

Вот ведь злюка какая. Неужели ей настолько мой вопрос про партийную принадлежность поперек горла встал? Ладно, давай подделаем пилюлю...

— Ирина Евгеньевна, так это опытный образец. Если найдем тех, кто может сделать уже более основательно, то нет никаких ограничений сделать и кабинетную версию. Представьте себе: на улице такая жарыща, что асфальт плавится, за окном марево от поднимающихся потоков разогретого воздуха, а у вас в кабинете прохладно! И производительность персонала не страдает! — на последней фразе я рубанул воздух рукой.

Медсестры, впечатленные развернувшейся перед ними картиной, разом задумались.

— Так, — Успенский посмотрел на часы, — через полчаса у нас плановая операция, будем оперировать пациента, которого вчера привезли из «Красного Октября». Там стерильности особой не надо, поэтому честь испытать установку предоставляется операционной Елены Станиславовны.

После этих слов я еще больше заужал Успенского. Приказал, и все без дополнительных вопросов зашевелились. Даже Ирина соизволила принять участие и лично, без каких-либо просьб, донесла водопроводный шланг до операционной.

Перемещение девайса в операционную прошло без каких-либо осложнений. Мы просто взяли за «раму» и перенесли его — в нем всего-то килограммов 30 весу оказалось, что на троих мужиков ни о чем. Больше промучались с габаритами в паре мест — ну, не рассчитаны были дверные проемы на наш современный агрегат.

Я ожидал от потрохов «дьявольского агрегата» капризов, но он просто запустился, как и на испытаниях в мастерской. Быстренько помолотив лопастями, он уронил температуру в операционной до приемлемой и вскоре я начал крутить кран, делая поток воздуха чуть теплее.

Вскоре выяснилось, почему для операции не требовалась особая стерильность. Молодой хирург явно сдавал какой-то экзамен Василий Васильевичу и проговаривал всю историю болезни с самого начала. Ситуация в общем-то обычная: мужик пропорол себе ногу какой-то железкой. То ли тракторными граблями, то ли бороной — я прослушал этот момент. Ну, и не нашел ничего лучше, чем просто замотать первой подвернувшейся под руки тряпкой. Когда заболело — просто поссал на ту же тряпку и замотал назад. И успокоился — типа если щиплет, то значит, лечит. Нога поболела-поболела и перестала. Так как весной у колхозников дел по самую маковку, то так и проходил с тряпкой пару недель, пока до бани не добрался. Там сняв тряпку, увидел под ней множество мелких червей. Прямо в ноге. Друзья-товарищи оказались намного умнее и тут же выпнули тело ближайшим транспортом

до больницы.

"Не, это же надо, какой низкий уровень знаний про медицину," — думал я, контролируя рукой температуру протекающего через радиатор воздуха: "Ведь война недавно прошла, там всякие ранения пачками были и про гангрены наверняка рассказывали. Ну, как можно забить на такое?"

Лишний раз пообещав себе чистить зубы тщательней и мыть руки подольше, я немного добавил себе душевного спокойствия. Пару раз в операционную заглядывала Ирина, но лишь крутила головой, оценивая обстановку, и тут же исчезала, не говоря ни слова.

Наконец операция завершилась. Червивый страдалец, с обмотанной белыми бинтами ногой, при поддержке медсестры резво соскочил с операционного стола и бодро ускакал куда наружу.

— Вячеслав, ваше изобретение действительно работоспособное, — обрадовал меня Успенский. — Я давно не наблюдал операцию в столь комфортных условиях. Да и Валентин Петрович испытывал гораздо меньше потоотделения, чем в прошлый раз.

— Да, я тоже заметил резко улучшившиеся условия, — немного сконфужено подтвердил стоящий рядом молодой хирург.

Я тут же начал отнекиваться, дескать, не я это изобрел, а просто вспомнил что-то из школьного курса физики и вообще, все лавры должны достаться Михаилу Александровичу, без него ничего бы не получилось и так далее.

Внимательно выслушав меня, Василий Васильевич резюмировал:

— Тем не менее, устройство есть, и оно работает. Надеюсь, вы не будете возражать, если оно пока побудет тут? Так сказать, на испытаниях? Елена Станиславовна, вы же не будете возражать против такого агрегата?

Медсестра горячо согласилась с предложением. Да так рьяно, что я немного удивился. Им чего, премии выписывают за новшества?

— Пока мы будем совместно испытывать аппарат, я попрошу начальника наших шоферов сделать еще пару подобных конструкций, — продолжил Успенский. — У них есть толковые сотрудники, я знаю.

Против этого я ровным счетом ничего не имел. Ну, рукожоп я в данных областях и имею смелость признать это.

— Василий Васильевич, а вы знаете руководство городского досарма? — я вспомнил дожидаящиеся меня в библиотеке журналы.

— Егор Михайловича? Знаю, регулярно на совещаниях пересекаемся, а что?

Я рассказал кратко о положении с радиоузлом и о своей немогучести в быстрейшей его починке. Опять нет ни инструментов, ни приборов, ни необходимых запчастей. Знаний тоже нет, но эту проблему я ускоренно решаю в библиотеке. Тут же закинул удочку про «шефскую помощь» от какого-нибудь радиокружка или клуба. И следом пообещал взять дополнительные обязанности и обслуживать радиоузел.

Выслушав меня, врач признал необходимость больницы в работающем узле, повинился в том, что забыл за текучкой, и обещал максимально ускорить решение этого вопроса. В общем, как пишется в газетах, после взаимных уверений в доброжелательности и стремлении к миру, стороны расстались, полностью удовлетворенные друг другом.

— Вячеслав, они сломались! — услышал я от двери.

Оторвавшись от журнала, я поднял взгляд. В руках незнакомой медсестры покоились

два уже знакомых мне термометра. Я молча кивнул в сторону стола.

— Вы же их почините, правда? — сгрузив приборы, медсестра оперлась руками на стол и наклонилась ко мне.

Да вашу ж мать! Ну, что вы ко мне липнете-то... Ирина Евгеньевна, ау-у-у!?

— Японский городской! — непослушный конец провода предательски выглядывал из-под винтового зажима распущенным хвостом. Раскрытые веером медные жилки играли отблесками в свете фонарика и являлись неприкрытым плевком мне в душу.

Я задумался. Уже второй или третий раз мне попадают вот такие вот засадные места. Угол, темно, одной руки мало, а двумя не получается — надо держать фонарик. И вот ведь конструкция какая у него неудачная: в руке лежит отлично, но только если держишь всеми пальцами разом. Стоит попробовать освободить хотя бы один, как фонарик предательски начинает выскальзывать из рук. И на корпусе ни защелки, ни прищепки. Пробовал на пол ставить, так ведь сам же себе и заслоняю свет...

Вон, у шахтеров на каске ко лбу фонарик прикручен. Светит туда, куда голова повернула, и никаких проблем. Надо себе такую же завести... Стоп! Опять я полез в ненужные дебри. Зачем мне шахтерская каска? Мне же нужен просто налобный, а не ручной фонарик.

Победив наконец непослушный конец провода, я продемонстрировал заказнице работоспособность перепроложенной проводки и, получив очередную порцию комплиментов про «золотые руки» и «без вас нам так плохо было», ломанулся на склад. Точно видел там штуку, которую ухогорлоносы на голову одевают. Этакое зеркальце с дыркой посередине, фиг знает, как оно правильно называется.

Найдя нужное в коробке, я тут же примерил фиговину. Удобная штука. Широкий брезентовый ремешок, к которому с помощью фиксируемого барашком шарнирчика крепится зеркальце. Аккуратно отцепил зеркальце и отложил его в сторону. Следом разобрал фонарик. Обрезал идущие от лампочки провода и тут же их нарастил валяющимися обрезками. Чтобы они не путались, намотал на них колечки из изолянтны примерно через каждые десятк сантиметров. Потом аккуратно проколупал в отражателе дырку и насадил всю конструкцию на крепление зеркала. Надел на голову, покрутил башкой: вроде держится и не спадает. Теперь обрезать провод так, чтобы доходил до кармана штанов и не болтался. Соединить параллельно две КБСки вообще не составило никакого труда. А вместе выключателя просто буду просовывать оголенный контакт провода под клемму одной из батареек. Для проверки работоспособности тут же засунул проводок под клемму и все в карман. Походил туда-сюда, посветил в углы — нормально.

— Вячеслав Владимирович? — раздалось от двери.

Я обернулся. В дверях стояло два мужика в какой-то странной военной форме. Только через пару секунд до меня дошло, что сама форма была нормальной, только ее цвет был черным.

— Он самый, — ответил я, выключая фонарь, — чем обязан?

— эМГеБэ, — протянул левый и махнул красной книжечкой, — вам придется пройти с нами.

— Товарищи, вы меня извините, но без проверки никак, — тут же я вспомнил почти удавшийся развод. — Тут все-таки больница, многое может произойти. Давайте поднимемся к главврачу? Дел буквально на пять минут... Если он даст добро, то я весь ваш.

К моему удивлению, никаких возражений против этого не последовало. Как и в прошлый раз, мы гуськом поднялись по лестницам и колонной промаршировали в кабинет

главврача. То, что они знали путь, уже давало много плюсов к тому, что они настоящие.

— Василий Васильевич, — я сунулся в кабинет, — за мной опять пришли и просят пройти с ними. Соглашаться? — и пошире открыл дверь.

Успенский посмотрел на стоящих за моей спиной мужиков и, улыбнувшись, вышел из-за стола.

— Николай, Василий, — он пожал им руки, — какими судьбами? Рана больше не беспокоит?

— Василий Васильевич, спасибо, все хорошо, — не чинясь, ответил за обоих тот, которого назвали Василием. — Приехали вот за товарищем. Необходимо обеспечить следственные действия по поводу того самого крушения поезда, так что без него никак...

— Да, понимаю, — покивал Успенский и повернулся ко мне, — все хорошо, это действительно товарищи из МГБ, так что придется подчиниться.

— Никаких проблем, — бодро ответил я, — надо, значит пойдем.

Внутри начала подниматься легкая волна предвкушения: наконец-то в моей легализации должен показаться финал.

Мы вышли на улицу, и я увидел стоящий около входа черный автомобиль с красной горизонтальной полосой через весь кузов, на которой белыми буквами было написано «милиция». Автомобильчик, на мой взгляд из будущего, был малюсенький, выпуклые крылья и торчащие цилиндры фар придавали ему мультяшный вид. Подойдя поближе, прямо под хромированной решеткой вентиляции я увидел надпись «москвич», стилизованную под рукописный текст.

Дверцы тоже открывались странно на мой взгляд — этакой распашонкой, сразу давая доступ ко всему салону.

— Мне назад? — осведомился я.

— Нет, будьте добры вперед, рядом со мной, — распорядился Николай и проскользнул за руль.

Мне же сесть с первого раза не удалось — банально не хватало места для моих ног. Но с помощью Василия я все-таки поместился в позе «коленки закрывают уши». Ничего, лучше плохо ехать, чем хорошо идти.

Нагревшаяся на солнце машина немилосердно давила жарой, поэтому мы, не сговариваясь, тут же опустили стекла, давая доступ свежему воздуху. Николай завел мотор, скрежетнул коробкой передач, и мы помчались по городу.

Ну, как "помчались"... Ехали мы, наверное, со скоростью километров 30 в час, может быть, изредка разгоняясь до 40. Хоть дороги и были по дневному времени пустые, но хаотично передвигающиеся пешеходы заставляли Николая бибикать чуть ли не каждую минуту. Ну, и состояние дороги тоже было ни фига не идеальным — не сказать, что дорога состоит из одних ям, но повилить пришлось.

Я же рассматривал улицы города. В своем времени я в Твери не был, все время проезжал мимо по объездной, поэтому сравнивать с Калининским мне было нечего. А вот люди на улицах... Первым, что бросилось в глаза, так это засилье головных уборов. Кепки, шляпы и береты — редко кто был без чего-нибудь на голове. А одежда на мужиках? На мой взгляд, она вся была на размер-другой больше, чем необходимо. У некоторых в брючину штанов можно сразу обе ноги засунуть и устроить бег «в мешках». Тщательно оценить женские фасоны мне помешало прибытие в конечную точку нашего путешествия.

Большое здание, все какое-то тусклое с виду, утопало в зелени растущих вокруг кустов и

деревьев. На табличке около входа была монументальная надпись «Главное Управление Охраны МГБ СССР на железнодорожном и водном транспорте г. Калинин». Поднявшись по крыльцу, мои сопровождающие открыли тяжеленную даже на вид дверь и жестом пригласили внутрь. Ну, я не барин, поблагодарил и уже сам придержал внутренние двери для них.

Внутри все было хорошо знакомо по фильмам: длинная стойка «ресепшена», за которой сидело трое милиционеров, и все что-то писали. Рядом, вдоль стенки стояла широкая скамья, отполированная сотнями задниц. Один-в-один, какие стоят в залах ожидания вокзалов и аэропортов. На скамье сидела одинокая старушка, что-то перебирающая в своей сумке. Она осмотрела нас и, видимо, не найдя ничего примечательного, вернулась к прерванному занятию.

— Брянцев, к Шушкевичу — Николай подошел к одному на «ресепшене».

— Он в 20-м, — сверившись с каким-то листиком, ответил дежурный.

Мы поднялись на 2-й этаж по широченной лестнице, которая была бы более уместна в каком-нибудь дворянском доме. Реально, от перил до перил расстояние было метров 7, не меньше. Выходила лестница на небольшую площадку, от которой слева и справа начинались лестницы на третий этаж. Правда, они уже были гораздо менее пафосные, метра по 3 шириной. На площадке стоял здоровенный бюст Дзержинского, за которым на стенке было выведено золотыми буквами «У чекиста должны быть холодная голова, горячее сердце и чистые руки!».

Свернув налево, мы прошли практически до самого конца коридора. На двери с номером 20 была табличка «Старший следователь МГБ СССР подполковник Шушкевич М.Д.». Ни фига себе, какая я важная птица, оказывается...

В кабинете обнаружился обильно потеющий пухляк, сразу вызвавший у меня ассоциацию с лампочкой. Посудите сами: сверкающая лысиной голова, как цоколь, и сразу же от шеи во все стороны расходится туша... Интересно, как он тут такой оказался? Раньше я считал, что все сотрудники силовых ведомств обязаны сдавать какие-то там нормативы на бег и прочее. Но тут сдачей нормативов и не пахло. На мой взгляд, это туловище и до туалета без остановки не дойдет.

Пухляк барственно покивал на «доставлен по вашему приказанию...» и отпустил милиционеров. Толстые складки на шее всколыхнулись, и на меня уставились совершенно невыразительные глаза. Ну, не было в них ни блеска стали защитника родины, ни мудрости и изворотливости хитрого следователя... Просто оптические инструменты для доставки информации в мозг. И тут же в голове у меня всплыл другой образ: Джабба из «звездных войн». Если сейчас достанет откуда-нибудь мелкую верещащую зверюшку, будет вообще один-в-один. Ладно, если он Джабба, то я значит буду отыгрывать принцессу Лею.

Сделав пару шагов, я приземлил свою пятую точку на стоящую перед столом табуретку и начал вертеть головой. Сам кабинет тоже был какой-то стерильный, без хоть какого-то налета индивидуальности. Над пухляком висело два портрета: Сталина и Дзержинского. В углу разместился грубо сваренный сейф, покрашенный серой краской. На сейфе стоял горшок с давно засохшим растением, листья которого грязно-серыми пятнами свисали над открытой дверцей. Рядом был шкаф, поверх дверей которого была растянута пыльная штора неопределенного цвета.

Давно не мытое окно, закрытое решеткой, не вызвало у меня какого-либо интереса. Карта страны, висящая на противоположной стене, тоже. Скучно все и серо. Я перевел

взгляд на следователя. Тот по прежнему молча разглядывал меня. Создаем гнетущую паузу, дабы я начал нервничать? Какая-то неправильная «кровавая гебня» мне попалась...

— А эм точка дэ как расшифровывается? — я повернулся к следователю лицом и сложив ладони в замок, положил руки на край стола. Ближе подвинуться не дала задняя стенка стола.

— Какие эмде? — тушка как-то шевельнулась, что я воспринял как удивление.

— Ну, на двери. "Шушкевич эм дэ", — я чувствовал, что выбрал немного не тот тон, но какого-то внутреннего звоночка «не надо» не было.

— Шутим, это хорошо, — тело достало из папки какой-то листочек и протянуло мне. — Ознакомьтесь и подпишите.

Я взял листок в руки. «В соответствии... дача ложных показаний карается...» и так далее. На всякий случай перечитал дважды. Куча формулировок, которые можно свести к краткому «обязуюсь говорить правду и в курсе, что иначе будет а-та-та». Перевернул листик — с обратной стороны чисто.

— Товарищ Шушкевич, — я положил лист на стол и сделал волнистое движение рукой, — а чем подписывать?

— Гражданин Брянцев, впредь прошу ко мне обращаться "товарищ старший следователь", — он достал из стоящего на столе сооружения ручку и протянул мне.

Я макнул ручку в чернильницу и размашисто расписался. Опыта общения с перьевыми ручками у меня с гулькин нос, поэтому, рассматривая получившееся, я решил, что мелкие капельки и линии разной толщины — это даже хорошо.

— Товарищ старший следователь, готово! — я протянул лист назад.

Шушкевич посмотрел на мою подпись и убрал листик в папочку.

— Итак, давайте с начала... — загундосил он. Одновременно он довольно шустро начал записывать мои ответы. Несмотря на возникшую первоначально неприязнь к следователю, вскоре я был вынужден признаться самому себе, что мужик все-таки следователь не просто так. Например, практически сразу всплыл вопрос про одежду, в которой меня нашли. Ну, не голым же я лежал около поезда? А я за столько времени даже не задумался о ней. Затем прошлись по моей амнезии, но тут ему ловить было нечего — описание показательного издевательства двух профессоров над моей тушкой было в деле. Более того, внезапно я узнал то, что Егоров писал по завершению представления. Хоть его фамилия и не была названа, но кроме него некому было сообщить о моем «расширенном восприятии окружения» и «великолепных аналитических способностях». Услышав такое, я даже немного возгордился. Правда, там попутно было про какие-то «высшие состояния сознания», но про это я решил не заморачиваться, ибо все равно спросить не у кого.

А вот эпизод с предыдущим электриком разбирался чуть ли не посекундно. Шушкевич обозвал меня владеющим какой-то джиу-джитсой и пытался выяснить, что я еще умею. Почувствовав какой-то подвох, я начал съезжать на ставшее уже классическим «не помню». А после моего «пинок по яйцам — это тоже джиу-джитса?» эта тема была закрыта.

Наконец, он немного подумал и, видимо решив, что на сегодня достаточно, подтолкнул ко мне исписанное. Я взял тоненькую пачку листиков и вопросительно взглянул.

— Как прочитаете, в конце напишите: «С моих слов записано верно, мною прочитано». И поставьте подпись с сегодняшней датой, — правильно истолковал он мой вопрос.

Я начал читать. Вот ведь... Гермафродит перепончатый. Нет, все написано вроде верно, но такими хитрыми фразами, что смысл меняется на противоположный. Например, если все

читать дословно, побуквенно, то получалось, что я «неустановленным способом» избавился от одежды. А мои знания электрики описывались как «полученные, возможно, в иностранном учебном заведении». Возможно же? Возможно, я же не помню... Вот не будь у меня опыта составления договоров, в котором мне юристы выедали мозги чайной ложечкой, махнул бы рукой и подписал. В общем, теперь стало еще более понятней, почему он подполковник...

Хорошо, смысла возбуждать нет, поэтому я вывел «Замечания: полностью искажен смысл. Требую передопрос другим следователем» и, отступив подальше, следующей строкой «Мной прочитано. С моих слов записано неверно». На всякий случай поставил подпись на каждом листике протокола. На договорах так заставляли делать, значит, и тут будет нелишним.

— Сегодня какое число?

— Вчера был выходной, значит сегодня вторник, 30 мая.

Я кивнул и вывел около своей подписи дату полностью, прописью. А то этот хрен заменит 05 на 06, и потом доказывай, что ты целый месяц не верблюдом был. Дождался, пока на бумаге высохнут чернила, собрал протокол в стопочку, постучал ей по столу, выравнивая, и протянул назад. Товарищ эМДе глянул мельком на последний лист и убрал всю пачку в папочку. Не заметил или пофиг?

— Гражданин Брянский, так как в вашем отношении организовано розыскное производство, требуется составить вашу дактилоскопическую карту и сделать фотокарточки для ориентировок. Поэтому... — он что-то нажал на невидимой мне стенке стола, и я вдалеке услышал тихий звонок, — сейчас вас сопровождают.

Вскоре в кабинет зашел уже седой мужик в форме и козырнул.

— Сержант, как обычно, — повелела эта туша. Я что, не один такой тут «потеряшка»?

Повинуясь жесту сопровождающего, я вышел из кабинета.

— Ты, эта, паря, давай потихоньку, — раздалось из-за спины, — ежели проблем не доставишь, то и мы к тебе со всем положенным обхождением. А ежели бузить начнешь — то не взыщи...

— Да я даже не думал, — честно ответил я.

— Ну, вот и хорошо, а то бывают тут всякие, потом обижаются, а поздно...

Сначала меня сводили к фотографу. Поставили около мерной линейки и сделали три фотоснимка: слева, справа и спереди. Было совсем не интересно: никаких тебе вспышек магния, черных накидок и махания крышкой перед объективом.

А вот с дактилоскопией получилось гораздо интереснее. Я, конечно, был в курсе, что пальцы мажут краской, а потом возюкают ими по бумаге, но вот в самом процессе ранее не участвовал. Скучающий мужик в халате, заляпанном черными пятнами, для начала отправил меня мыть руки в стоящей тут же раковине. После мои руки тщательно осмотрели и подвигали каждый палец. Я не сопротивлялся.

Следующим шагом была извлечена банка воняющей краски. Наклонив емкость, мужик вылил чуть-чуть краски на какую-то пластину. Потом валиком, очень похожим на тот, которым я в детстве раскатывал фотографии на глянцевателе, эта краска была сначала размазана по пластине, а потом на чистом листе рядом.

— Иди сюда, становись вот тут и давай правую руку.

Взяв одной рукой меня за ладонь, а второй контролируя нужный палец, меня сначала прокатали по листочку рядом с пластинкой, а потом повторили процедуру, но уже на

разграфленной картонке. Каждый палец в своей клетке. Затем снова возюканье валика по пластине, и теперь испачкали мне левую руку.

— Отлично получилось, — сообщили моему конвоиру. — Иди, руки хоть чуть-чуть отмой, а то людей потом пугать будешь, — это уже мне.

Ага, чуть-чуть. Эта проклятая краска после нескольких намыливаний только чуть поблекла, но смываться категорически не желала.

— А спирта у вас нет? — наивно, конечно, но надо поинтересоваться.

— Есть, но заключенным не положено.

— Так я и не заключенный, — оторопело возразил я.

— Ну, какие твои года...

Поняв, что больше смыть не удастся, я помахал руками в воздухе, стряхивая капли. На всякий случай покрутил головой — полотенца тоже нигде не наблюдалось. В принципе, оно и верно — после пары «вытираний» оно бы пришло в негодность.

— Ладно, паря, пошли, определяю тебя на постой, — скомандовал мне конвоир.

— В смысле "на постой"?

— Ну, пока следователь не закроет дело, побудешь у нас в КПЗ, — обрадовали меня. — но ты не волнуйся, у нас тут быстро. Завтра, край послезавтра суд...

Странно. Я как-то не заметил, когда я из свидетеля превратился в обвиняемого. Или это я сам себе напридумывал? Но если я обвиняемый, то где мои наручники? Или сейчас без них? А «арестованный, лицом к стене, не разговаривать»? Волна вопросов захлестнула меня, и я не заметил, как мы пришли.

— Ну вот, паря, твоя квартира...

Я зашел внутрь. Небольшое помещение, больше похожее на камеру хранения. С трех сторон бетонные стены, а четвертая закрыта сваренной из арматурин решеткой. Внутри за невысокой загородкой унитаз, прямо над которым расположен кран. Приколно, унитаз вместо раковины. И бачка для смыва не надо — сплошная экономия. Небольшой стол и лежанка. Оба стационарные: сварены из железок, вмурованы в бетон и покрыты сверху досками. Опять разница с тем, что я помнил по книгам: там вроде кровати подъемные были, их на день поднимали и к стенкам крепили. Ладно, побыли в больнице, теперь пора и тюремного быта вкусить. В конце концов, в тюрьмах тоже люди живут. Интересно, а всякие «шаражки» уже ликвидировали или еще нет?

— Товарищ сержант, а кормежка скоро? — я обернулся к разглядывающему меня сержанту.

— Ты, как я вижу, уже сидел? Больно спокойный...

— Не помню, память потерял, — уже на автомате я выдал свою коронную отмазку. В самом деле, а чего это я такой спокойный? Мне же полагается биться об стены, кричать «я не виноватая» и совершать прочие глупости. Ну, или надо хотя бы сомкнуть руки за спиной и нервно ходить из угла в угол, бурча что-нибудь типа «ну, я им покажу» или «они еще пожалеют».

— Да, товарищ сержант, — окликнул я уже уходящего конвоира, — передайте там, что если ко мне придут на свидание, то меня нету!

— Ага, — кажется, он даже не обратил внимания на мою просьбу. Ладно, шутка и в самом деле не очень...

Я присел на скамью. Спать было еще рано, поэтому я оперся спиной на прогретую стену и уставился на тускло горящую лампочку на потолке.

— Сколько я отрезал, сколько перерезал, сколько лампочек я заменил... — затянул неожиданно даже для себя. И пофиг, что не в рифму, — Я маменьке родной телевизор поставлю... Электрик, нажми на рукоять!

— Эй, певец, ты кто? — внезапно послышалось из соседней камеры. А и в самом деле, тут же явно их много. И с чего мне пришло в голову, что я тут один?

— Электрик, а ты? — ответил я, почему-то решив, что спрашивают про профессию.

— Ништяк, не слышал. А я Жмых, 162-ая у меня, — сосед просунул руку через решетку и помахал ей.

— А я свою не знаю, сразу сюда после следователя, — я с трудом просунул руку через свою решетку и помахал в ответ. — А 162-ая — это за что?

— Подрезал чуток у фраера, да потом не фартануло, прямо в руки мильтону выскочил, — сосед вздохнул, — в общем, теперь к хозяину мне дорога.

— Эй, болезные, а ну-ка, давай назад, а то без раздачи останетесь, — внезапно ожил наш надзиратель.

Хоть я и не имел ни малейшего понятия, что такое «раздача», но раз это такое, что можно в наказание отобрать, то лучше подчиниться. Сел снова на скамью и огляделся. Делать было совершенно нечего. Как-то же заключенные должны справляться со скукой? Книг нет, собеседников нет. Занялся бы настенной живописью в духе «вася был здесь», да нечем стены портить.

В итоге решил позаниматься прогрессорством, хотя бы мысленно. Надо обеспечивать себе будущее, не вечно же мне электриком лампочки крутить? Хотя надо признать, работа эта пока совершенно не пыльная.

Итак, для начала включаем пессимиста на полную катушку. А на полную катушку — это меня расстреляют. Все, финита с комедией и абзац, поэтому дальше не рассматриваем. Уменьшаем — законопатят лес валить или рыть канал. Тут я вообще ничего не знаю, значит, буду пытаться использовать свои знания на полную, чтобы дали заняться более интеллектуальным трудом. Бензопилу там изобрести или еще что-то — надо смотреть по обстоятельствам. В общем, как в армии — сразу показать свои навыки, чтобы поближе к штабу, но подальше от начальства. Если какие-нибудь 15 суток дадут — спокойно отсидеть и только потом начинать писать всякие письма во все места про то, что я невиновный.

Поразмыслил еще раз над использованием послезнания и писем Сталину или Берию. Нет, категорически нет. Разве что на расстрел поведут, да и то... Надо что-то убойное, во что поверят прямо сейчас и сразу. В голову ничего, кроме атомного проекта не приходило, да и только-то и знаю, что там Курчатов был. Еще в какой-то книге читал, что прямо около Архангельска алмазы нашли — это уже было или будет? В общем, плохо быть неподготовленным попаданцем...

Ладно, хватит загонять себя в негатив. Предположим, что меня выпустят. Для начала надо будет доделать автономное питание светильников. Но тут жду помощи местных радиолюбителей, вернее информации от них про существующие элементы питания. А то все, что я увидел в «Радио» — это какие-то странные для меня номиналы и размеры. Лично я не смог придумать, зачем кому-то может потребоваться батарейка, которая выдает всего полтора вольта, но зато емкость у нее аж четыреста ампер-часов. При небольшом желании сварочник можно соорудить, не то что лампочку запитать.

Закинув руки за голову, я улегся на скамейку. Глаза сами собой устали на лампочку. Что еще можно по-быстрому сделать? Я прищурился, пытаюсь разглядеть нить висящей под

потолком лампочки. Внезапно она мигнула, а затем погасла. Не понял, это я ее, что ли, взглядом погасил? Неужели положенные попаданцу суперспособности проклевываются? Только я начал мечтать про открывающиеся возможности, как от дежурки раздался крик, матерящий какого-то Михайлюка. Движимый любопытством, я встал и прижался лицом к решетке, пытаясь что-то разглядеть. Света, долетающего от окна в торце коридора, было достаточно, чтобы тьма не была уж совсем непроглядной, поэтому я вполне различал мечущиеся тени. Вскоре где-то нашли и зажгли керосиновую лампу, поэтому стало гораздо светлей. Но даже с такой помощью с моего места не было видно ничего интересного. Я улегся назад на скамейку и начал слушать, как кто-то начал командовать в духе «это приделывай сюда, а ты иди вот туда». Пару раз они даже пытались включить свет, но после небольшой паузы все гасло назад и начинался новый поток матерных команд от неизвестного мне начальника.

Попытался было реконструировать действия, приведшие к аварии, но, слушая разговоры ремонтирующих экспертов, так и не смог вычленил ничего полезного. Сначала вроде чайник не туда включили, а потом утюг. Ладно чайник, но что утюгом в дежурке делали? Наконец, после очередной команды «давай» все лампы вспыхнули неестественно ярким светом, а затем очередью по коридору пронеслось «пых-пых-пых» от перегорающих лампочек. Кажется, горе-электрики устроили перекос фаз в чистом виде. В обычном мире это известно как «ноль отгорел». Я коротко хохотнул и попытался устроиться поудобнее — вот теперь света точно не будет очень долго...

— Па-а-а-адьем! — меня разбудил мерзкий блямкающий звон пустой тарелки, которой вели по прутьям решеток соседних камер. Ага, уже утро.

Вскоре в сопровождении незнакомого сержанта появилась тележка, на которой стояли большой бидон и стопка вставленных друг в друга тарелок. Тележку катила хмурая личность, одетая в бывший когда-то белым халат.

— Брянский? — конвоир открыл дверь, давая проход «повару», и сверился с каким-то списком. — Сегодня тебе на суд, так что готовься.

Готовься, было бы чем... Я взял протянутую мне миску, наполненную какими-то серыми комками, кусок ноздреватого хлеба и замызганную ложку. С сомнением посмотрел на предложенное и попытался прислушаться к организму: есть или не есть? Организм выразил полную индифферентность, не подавая никаких сигналов. Немного подумав, решил, что все-таки стоит поесть — фиг его знает, когда в следующий раз доведется. Тщательно обтер наиболее чистым куском одежды ложку и попробовал. Перловка, а в качестве приправы какая-то жирная фигня с отвратным вкусом. Конечно, до разносолов Пелагеи Серафимовны далеко, но у данного варева наверняка совершенно другое предназначение. С трудом запихнув в себя эту бурду, я сполоснул ради приличия тарелку с ложкой и снова решил вернуться к прерванной вечером теме прогрессорства.

Пытаясь вспомнить хоть что-то прикольное, решил пойти ассоциативным путем. Вот лампочки, которые вчера бахнули. Они могут гореть, а могут не гореть. Отлично, идем дальше. Если они светятся, то можно наверняка сделать так, что бы они светили разным цветом. Например, покрасить лампочку или поставить покрашенную стекляшку. Получим светофор. Мимо, они уже тут есть, лично парочку видел, когда сюда везли. Светофор мигает разными цветами. Что еще может мигать разными цветами? Гирлянда на елке. Помню «бегущие огни», особенно с разными программами, были очень популярны. До нового года

времени еще вагон, так что будет время выяснить, есть ли они уже. А кроме гирлянды что может мигать? Цветомузыка! Такого тут точно нет! А ведь конструкция-то примитивная даже по нынешним временам... Точно. Нарисую схему, отправлю в журнал «Радио» и стану знаменитым на всю страну. Может, им заодно полупроводниковый диод с транзистором изобрету, там тоже ничего сложного нет...

Задумавшись о сладкой жизни, которая наступит сразу же после этого, я даже не сразу среагировал на открывшуюся дверь камеры.

— Задержанный, на выход! — да е-мае, кто я такой? Свидетель, обвиняемый, арестованный или вот задержанный? И спросить-то о различии в терминах не у кого. А с другой стороны, не все ли равно?

Построив всех обитателей КПЗ в коридоре, нас по одному выводили к выкрашенному в черный цвет фургону, где и рассаживали по непонятной мне схеме. Кого-то просто на скамейку, а кого-то в этакую микро-камеру, представляющую из себя огороженную сеткой-рабицей табуретку. И опять никаких наручников.

Жмых оказался низкорослым и худощавым мужичком, судя по всему, одетым по последней моде: пиджак, косоворотка, заправленные в сапоги брюки и засаленная донельзя кепка.

— Ну вот, электрик, довелось и нам поручкаться, — я пожал протянутую ладонь. — Ты чего такой довольный?

— Да сон хороший приснился, — ответил я. Ну, не рассказывать же ему про цветомузыку и гирлянды.

— Ну, это хорошая примета, — глубокомысленно покивал ворюга, — а мне вот наоборот, что-то не спалось совершенно. А ты вообще кто по жизни?

— Ты не поверишь, но я на самом деле электрик, в больнице городской, — улыбнувшись, ответил я. — Но многое не знаю, так как память потерял.

— Ишь ты, как оно бывает...

Тут мы оба заткнулись, так как в фургон влез солдатик и, усевшись на расположенное около двери сиденье, грозно уставился на нас. Вскоре заработал двигатель, и фургон, нещадно завывая трансмиссией, покатыл нас в суд.

Если бы мне не сказали заранее, что будут судить, я бы решил, что нас просто покатали по окрестностям и вернули назад. Такое же серое здание, только табличка около входа была другая и говорила о том, что это именно суд, причем пролетарского района.

Даже планировка внутри была та же! Правда, вместо бюста Дзержинского стоял бюст с Лениным, а надпись на стенке была про то, что «советский суд — суд народа». Меня отконвоировали на третий этаж и оставили одного около монументальной двери, велев ждать и никуда не уходить. Сказать, что я был в недоумении — это ничего не сказать. Все мои знания вопили о том, что вокруг происходит какая-то фигня. Ну, вот будь я преступником, взял бы сейчас и дал деру, благо вокруг никого нет. Может, как раз эти кто-то на такое и рассчитывают? Ну, дескать, если побежал, значит виноват, и можно статью типа «побег» дать?

Раздавшийся шум голосов заставил меня повернуться. Я обомлел: прямо ко мне шли несколько человек, возглавляемые Василий Васильевичем. А нет, вон в хвосте еще и Ирина Евгеньевна показалась...

— Что же, вы думали, что мы вас одного оставим? — улыбаясь, поинтересовался

главврач. — Нет, шалишь...

— Вячеслав, что вы себе позволяете? — тут же возмущенно вклинилась главсестра. — Согласно положению, мы вам передачу принесли, но вас на месте не оказалось, и нам пришлось ехать следом за вами сюда!

Я неверяще посмотрел на Ирину — это что, проблески юмора? Но нет, она глядела на меня совершенно серьезно.

— Ирина Евгеньевна, меня о вашем визите не предупредили, иначе бы я приказал конвою подождать, — с сарказмом ответил я. — Но обещаю, в следующий раз я обязательно проинформирую всех.

— В следующий раз? — какая-то женщина провернула ключ в замке и дернув на себя ручку, с натугой стала открывать дверь. — Вы настолько противопоставляете себя обществу?

— Нет, — я стал помогать ей. Дверь в самом деле была монструозной и двигалась крайне неохотно, — но я предпочитаю заранее обговорить все варианты...

Наконец, дверь открылась достаточно, чтобы появилась возможность проникнуть внутрь. Передо мной открылся небольшой зал, весь уставленный стульями. На дальней стене был нарисован герб СССР, а под ним стоял широченный стол, покрытый тканью красного цвета.

Поначалу я было присел поближе к Василь Васильевичу, но меня заставили пересесть на самый правый, если смотреть от входа, стул. Пожав плечами, я выполнил указание и пересел. Пришедший с Василием Васильевичем народ немного потусил в разных направлениях, как-то разом расселся, и я внезапно обнаружил, что суд уже тут. Во главе стола сидела спросившая меня женщина, а с боков ее подпирали два мужика. По углам комнаты обнаружилось еще две персоны, сидящие за повернутыми друг к другу столами. Более того, внезапно за моей спиной обнаружился милиционер. Если принять, что за столом судьи, то по бокам должен быть прокурор и адвокат. Где-то я такое видел... Точно, «Кавказская пленница»! Хмм... выкрик «да здравствует наш суд, самый гуманный суд в мире» точно будет перебором.

Суд начался как-то буднично. Без всяких «встать, суд идет» или «ваша честь, прошу принять во внимание...». Просто тетка с места прокурора монотонным голосом начала читать текст из папочки перед собой. Я с удивлением узнал, что обвиняюсь в подготовке крушения поезда, около которого меня нашли. Следствие установило, что я еще с дореволюционных времен развлекаюсь подобным. Более того, я вообще злобный рецидивист, и катастрофа самолета «Максим Горький» в 1935 году — тоже моих рук дело. Правда, ни слова не прозвучало о том, как мне удалось скрыться и продержаться до 1947 года, когда я испортил двигатель самолету Ил-12 в Красноярске.

Речь закончилась требованием прекратить процесс присвоения нового имени, вернуть старое и признать меня виновным по статье 58, части 8 и 9. Я полистал лежащий рядом специально для этой цели томик: если кратко, то терроризм. Наказание такое же, как для части 2: или расстрел, или объявление врагом народа и высылка за пределы сср. Нормально так я попал...

— Итак, Игнатюк Семен Борисович, 1895 года рождения, урожденный села Карамышевка... — начала было судья, но внезапно осеклась. Посмотрела на меня, потом в бумажки, еще раз. Потом что-то показала соседям. Те точно так же начали смотреть сначала на листочек, а затем на меня. Кажется, что-то пошло не так.

Прокурор вопросительно глядел на эту кутерьму. Наконец, судья заметила это и,

постучав пальцем по папке, произнесла только одно слово: «Шушкевич». Тут и прокурор начал попеременно смотреть в папку и на меня. Потом раздербанил папку и начал перебирать листики, что-то в них сравнивая. Наблюдая за этой суматохой, внезапно я понял, что не будет ни расстрела, ни высылки из страны. Вообще ничего не будет.

— Товарищ судья. В связи с выявленными фактами государственное обвинение объявляет несогласие с выдвинутыми по уголовному делу обвинениями. Даю отрицательную оценку результатов осуществлявшегося в отношении обвиняемого уголовного преследования. Прошу вернуть дело на дорасследование.

— Принимается, — внезапно для меня она бахнула со всей силы молотком по столу. И откуда она его достала? — Постановляю: изменить меру пресечения на подписку о невыезде, подсудимого освободить в зале суда. Жалоба на решение суда может быть подана в течении месяца. Подсудимый, вам все понятно?

Находясь в недоумении от развернувшегося передо мной, я молча кивнул. Тетка еще раз бахнула молотком по столу и, выбравшись из-за судейского стола, пошла к прокурорскому.

— Нда-с, молодой человек, не могу не поздравить вас со столь успешным завершением дела, — неслышно подошедший адвокат проговорил с характерным еврейским акцентом. — На моей памяти это мое первое дело, которое я выиграл, не произнеся ни слова.

— А может, поделитесь соображением, отчего так все получилось? — я по-прежнему ничего не понимал.

— Видите ли, несмотря на успехи советской медицины в лице многоуважаемого товарища Успенского, — он, немного поклонившись, пожал руку подошедшему Василь Васильевичу, — еще никому не удалось выглядеть так молодо.

Я молча смотрел на еврея, продолжая не понимать причину.

— Ну же... Согласно делу, вы родились в 1895 м году. Сейчас 1951й. Значит, вам сейчас 55 или 56 лет. Но я могу сказать абсолютно точно, что вы гораздо моложе. Но ладно я, кто поверит бедному еврею в наше время? В деле есть медицинское заключение нашего уважаемого доктора, — он еще раз сделал кивок в сторону слушающего нас главврача, — и там таки указан ваш вероятный возраст, и он совершенно категорически отличается от названного.

— И более того, там есть и повторное мое заключение после нашей первой беседы и аналогичное заключение еще и от моего коллеги, — подтвердил Успенский. — Так что с этой стороны все железно.

— Ну и потом, ваш следователь — это Шушкевич, — адвокат вздохнул. — А это такой человек, что последнее время он ведет дела уж очень... неаккуратно. И все знают его репутацию.

— Понятно, — я кивнул. Мне и в самом деле было понятно. Этот Шушкевич или имеет волосатую лапу, раз прикрывают такое, или наоборот, был шишкой, где-то очень крупно налажавшей и теперь катящейся вниз.

— Вячеслав, действительно, в деле множество нарушений, — нас прервала подошедшая судья, — поэтому я проконтролирую, чтобы дело вернулось к другому следователю. Я все понимаю, но чисто по-человечески... Можно вас попросить обойтись без жалоб? Хотя бы до окончания дела?

Я молча кивнул, соглашаясь. С одной стороны это неправильно, нельзя оставлять такое безнаказанным. А с другой стороны, у меня давно испарился юношеский максимализм, и я прекрасно понимал, что от жалоб ничего мне не обломится.

— Спасибо, — она мне скупо кивнула и, развернувшись, тут же начала выгонять всех из зала.

— Вячеслав, вы как себя чувствуете? — обеспокоенно спросил меня Успенский, стоило нам выйти на улицу.

— Василий Васильевич, знаете, все-таки услышать «садись, пять» гораздо лучше от школьного учителя, чем от судьбы, — вздохнув, ответил я. — Ну и опять же, проживу меньше, но лучше.

— Это почему же?

— Ну, вот представьте, прихожу я, больной такой, к вам на осмотр. Вы качаете головой и говорите «больной, я даю вам один год». Я прихожу в расстройство, потом в неадекватном состоянии убиваю вас, и судья дает мне уже 15 лет. Вот и решение проблемы.

— Очень оригинальная трактовка сроков, очень, — улыбнулся доктор. — Пойдемте к машине, я вас подвезу.

У Василь Васильевича оказалась «Волга», с ярко выделяющимся красным шильдиком, на котором большими цифрами было выведено 20. Внутри было два шикарных дивана, до комфорта которых «москвиченку» было расти и расти. Ирина Евгеньевна села спереди, а мы сзади.

— Вячеслав, это же вы автор конструкции охладителя? — внезапно спросил меня молчавший до этого водитель. Получив подтверждение, он продолжил, — спасибо вам еще раз. Теперь на нашей подстанции очень приятная температура. Заходите как-нибудь, чаем с конфетами угостим...

Я тут же представил себе, как чумазные слесаря подливают мне чай и жалуются, что конфет нет, зато есть печенье... Бр-р-р-р, до чего воспоминания доводят. Встряхнувшись, я поинтересовался, из чего они сделали кондиционер. Вот что значит доступ к ресурсам: ребята, не долго думая, решили, что в данном случае больше — не значит меньше. Притащили радиатор от какого-то то ли грузовика, то ли трактора, а в качестве мотора применили имеющийся на складе мотор от токарного станка. Полученный поток они каким-то образом завели в систему вентиляции и теперь, после небольшой порции пыли, во всех помещениях у них прохладно.

— Василий Васильевич, а ведь так же можно сделать и для операционной, — вскинулся я и начал показывать руками. — Смотрите сами — ставим мотор посильнее, потом фильтры, чтобы пыль и грязь не проникала, и следом обеззараживатель от всяких вирусов и бактерий. А получившийся выход в операционную. В итоге и воздух свежий-чистый, и если даже кто занесет грязь или щель какая появится в том же окне, то подпор чистого воздуха сквозняком все вынесет наружу.

— Хм. А ведь верно. В качестве первичного фильтра можно взять многослойную марлю и перед операцией ее менять. А потом поставить кварцевую лампу, — задумчиво произнес Успенский.

— А ведь можно сделать воздух еще чище! — меня понесло от послезнания, — предварительно пропускать его через регулярно меняющуюся воду. Все мелкие частицы останутся в воде. Наверняка еще всякие вредные газы растворятся и не пойдут дальше. Правда, влажность резко увеличится...

— Ну, как раз с влажностью бороться мы умеем — у нас на кислородно-азотной станции есть все необходимое. Вот на подстанции и попробуйте, все равно у них

практически все уже готово, да и думаю, они не откажутся...

— Ты где был? — едва меня увидев, тут же задал вопрос Михаил. Он что, не знает?

— В милиции был, — я развел руками, — пытались разобраться, кто я такой.

— И как, разобрались?

— Нет, но обещали вернуться...

— ... И теперь о важном: в это воскресенье у нас будет пионерский десант!

Я бы пропустил мимо ушей и это, но прошедшее по рядам оживление вынудило меня очнуться от полудремы и закрутить головой. Судя по всему, никто из присутствующих на еженедельной планерке от этого десанта не ждал ничего хорошего. С мест послышались какие-то вопросы, суть которых ускользала от меня.

— Миш, а этот десант, он про что? — наклонившись, я шепотом спросил у Михаила

— Лето же начинается...

— Ну, в школе же летние каникулы, пионеры до осени в спячке. Некому десантироваться.

Я глянул на усиливающийся шум. Трибуну с Василь Васильевичем окружил народ и что-то усиленно обсуждал.

— Если бы. Смотри сам: есть те, кого родители в пионерские лагеря отправили или по деревням к бабушкам-дедушкам. А что делают те, которые ни туда и ни сюда? — продолжил Михаил.

— Ну, на улицах играют или там книжки читают, — по-прежнему не мог понять я.

— Или попадают под воздействие различных антисоциальных личностей. Азартные игры, табакокурение... — Михаил явно цитировал какую-то брошюру.

— И излишества всякие нехорошие! — не смог не вставить я.

— Ага, они самые... В общем, школы совместно собирают таких детей и возят по предприятиям города. День тут, день там. И ладно бы просто экскурсию провести! Требуют обеспечить посильное участие в деятельности. Ну, там, гвоздь забить или гайку какую прикрутить. А что в больнице можно доверить молодежи?

— И много привозят?

— В прошлый год было полторы сотни. В какой-то момент не уследили, так они по углам разбежались, как мыши... Брр! — Михаил передернулся, явно вспомнив что-то неприятное.

Откинувшись, я задумался. Куча корпусов, куча детей. Есть места, куда детям категорически нельзя — например, инфекционное отделение или родильное. По себе знаю, такие места больше всего привлекают своей запретностью, значит как минимум пара-тройка наиболее любопытных десантников залезет. Значит, надо направить их интерес туда, где безопасно. Да, сложная задача. Хотя... «Том Сойер!» — я чуть не заорал от радости. Сам же недавно плакался, что работы не продохнуть, а тут бесплатная рабочая сила сама в руки идет!

Я поднялся и пошел к трибуне, где по-прежнему был шум и гвалт. Судя по осколкам фраз, все по-прежнему жаловались друг другу на масштаб разрушений с прошлого раза. Более того, одной из самых главных жалобниц оказалась наша любимая главсестра. Загибая пальцы, она перечисляла потери сосредоточенно слушающему Василий Васильевичу. Вот ведь кремень мужик, я бы на второй минуте такой тусовки вскипел и всех бы матюками по местам рассадил. А он серьезно так смотрит, хоть и слышит это явно не в первый раз.

— ... и ладно бы простыни, это можно понять. Но куда, и главное, как они умудрились утащить два судна из-под больных, мне до сих пор не понятно, — подойдя поближе, я разобрал окончание фразы. Ничего себе, десант. Скорее, это набег пиратской вольницы.

— Извините, я не разобрал, а сколько в это раз человек ожидается? — дождавшись паузы в потоке жалоб, немного невежливо вклинился я.

— Шесть автобусов, это примерно 100 или 120 человек, — с радостью переключился на меня главврач.

— А сколько можно мне припахать? — тут же поинтересовался я.

— «Припахать»? А при чем тут пахота? — поинтересовалась Ирина Евгеньевна, до этого прожигавшая меня взглядом.

— Ну, не так выразился... — я смутился, — спрошу по-другому. Сколько из этих десантников можно выделить мне?

— Да хоть всех! — в сердцах, по-бабьи вскинув руки, воскликнула медсестра, — это же какой-то ураган...

— Погодите, кажется, у Вячеслава Владимировича есть предложение, — Василий Васильевич жестом руки заставил Ирину заткнуться. — Давайте выслушаем.

— Марк Твен! Том Сойер! — возбуждение прорвалось мне в голос. — Не можешь предотвратить, значит необходимо возглавить!

— И какой же забор вы предлагаете красить? — в голосе Ирины было столько скепсиса, что его можно было разливать по стаканам.

— Да все сразу! — я почувствовал, что моя идея правильная. — Например, наверняка у вас есть с десяток-другой старушек, которых можно бинтовать. Забинтовали одну — пошли к другой. А тем временем первая разбинтовывается и готова к следующей забинтовке. Ну, или сначала забинтуют руку, а потом, если хорошо получится, разрешить забинтовать ногу. И, например, можно соревнование устроить между бинтовальщиками.

Ага, вижу, проняло. Вот чего-чего, а бинтов в больнице дофига и больше...

— А мне потребуется кучка пацанов, которые пробегутся по обычным палатам и замерят, сколько и где проводов заменить. Особо отличившимся лампочки можно будет доверить поменять, — на всякий, я сразу же начал оговаривать использование детского труда в своих личных целях. — А в качестве награды... Ну, например, витаминки раздавать.

— Отличная идея! — внезапно просиял Василий Васильевич. — Нам для выполнения плана очень пригодится.

Вот сейчас не понял. Неужели уже сейчас начали спускать планы «вылечить N больных» или «скормить M таблеток аспирина»?

После моего предложения обсуждение тут же вернулось в конструктивное русло, и совместными усилиями народ довольно быстро набросал план противодействия «пионерскому десанту». А после Василий Васильевич при всеобщем одобрении вручил мне карт-бланш по руководству этим бедламом. В очередной раз инициатива настигла инициатора.

В воскресенье я прямо с самого утра не находил себе места, постоянно проверяя и перепроверяя сделанное. Облажаться в своем первом крупном деле не было никакого желания, поэтому в подготовке приема десанта я пошел по самому простому пути: представил себя школьником и ходил по этажам, пробуя заглянуть во все двери и залезть во все щели. Попутно заработал себе прозвище «циклоп», так как я не расставался с налобным фонариком, оказавшимся крайне практичной штукой.

Наконец, решив, что перед смертью не надышишься, я махнул рукой и пошел на место встречи десанта диверсантов, благо на небе была легкая облачность, и температура на улице

не вызывала желаний тут же начать искать укрытие. Как выяснилось, таким предусмотрительным я оказался не один. На месте уже было все начальство, как мое, так и больничное. Отжав себе столик, за которым обычно играли ходячие больные, они сосредоточенно смотрели в какие-то бумаги. Предложить им, что ли, проводить планерки на свежем воздухе? А то обычно к концу в комнате дышать уже нечем обычно. Поздоровавшись, я присел с краешку за столик и принялся наблюдать за мужиками, которые, ничуть не огорчившись потерей стола для игры, заняли для себя полянку неподалеку. Вообще, меня до сих пор поражало то, что народ весь был какой-то образованный и культурный. Редко кто играл в карты, в основном в ходу были шахматы. Был даже какой-то преходящий кубок для чемпиона.

Я посмотрел на корпус больницы. Большинство окон были открыты, и в них виднелись головы тех, кто не смог или не пожелал спускаться, но лишать себя представления не собирався. Ладно, если все получится как надо, то будет вам шоу...

Наконец, послышалось завывание моторов, и через арку во внутренний двор больницы въехал первый автобус. Торчащий, как у грузовика капот, полукруглые крылья над передними колесами и будка с очень сильно скругленными углами. Да это же ПАЗик, на таком меня самого в свое время возили в пионерский лагерь. У него еще дверь открывается ручкой с водительского места. Водители, видимо, были тут уже не в первый раз, потому что без всяких указаний начали выстраивать автобусы строем друг за другом. Первый, второй... Я провожал каждый автобус взглядом и, разглядывая прилипших к стеклу детей, пытался хотя бы примерно подсчитать количество голов. Третий... Четвертый... Все? Я неверяще выбежал за последним автобусом на дорогу и посмотрел в проем арки. Точно все. Так это же праздник какой-то!

Тем временем у автобусов открылись дверцы, и на землю хлынул поток пионеров. Все были одеты совершенно разномастно, и только пионерский галстук был у всех один. А нет, даже тут есть различия: у кого-то пионерский галстук был завязан, а у некоторых вместо узла была какая-то фиговина. Для меня еще немного было странным, что у всех галстук был прямо поверх одежды, так сказать, на голую шею. Я как-то привык, что галстук под воротником... А вот и пионервожатая... Какая-то подозрительно молодая для такой должности девушка быстро скучковала детей и, повернувшись ко мне, как к наиболее близкому, отдала пионерский салют и звонко произнесла:

— Летучий пионерский отряд «Стремительный» прибыл в полном составе! — и еще раз отсалютовала. За ней отсалютовали и другие. Странно, у всех салют разный: у кого ладонь перпендикулярно земле, кто как будто от солнца защищается... В мое время всех одинаково дрессировали: ладонь выпрямлена, с рукой до локтя на одной линии. Можно было бы вторую руку задействовать — легко какое-нибудь «кий-я» получилось бы. А с другой стороны, может, сейчас еще не принят официальный стандарт на салюты? Я подошел поближе к оглядывающимся пионерам.

— Товарищи пионеры! Ребята, — начал я максимально пафосно, — видите эти здания за моей спиной? Думаете, это больница? Нет, это будущее поле битвы для вас. Внутри притаились и ждут множество коварных врагов: утерянные медицинские приборы и инструменты, перегоревшие лампочки и грязные полотенца. Более того, на этом фоне многие больные решили нарушить режим лечения! Вашей сегодняшней задачей будет совместными усилиями обнаружить и уничтожить врагов!

Уф... Я осмотрел стоящих полукругом детей. Если первые ряды еще хоть делали вид,

что им интересно, то вот дальше пацаны уже шушукались и уже чего-то между собой делили. Как все знакомо — сам таким был и не раз. Ладно, я это предвидел.

— Эй, народ! Кто прослушает, тот останется без наград, — я чуть повысил голос. — Но для начала необходимо вас ознакомить с правилами. Вернее, всего с одним...

При подготовке больницы к вторжению мы сломали много копий на тему того, как не дать детям залезть куда не надо. Сначала решили попросту закрыть все двери, ведущие в потенциально опасные места. Однако быстрый опрос по отделениям показал, что большинство дверей довольствуются надписями «посторонним вход воспрещен». Кто-то предложил воспользоваться предложившими свою помощь больными, расставив посты на ключевых точках. Совместно прикинули — все равно множество лазеек остается. Кстати, множество лечащихся в больнице с радостью согласились помочь в организации события. Глотать таблетки и ходить на процедуры скучно, а тут такое развлечение на халяву.

— Итак, оно простое: если видите на двери красный круг, то вам туда нельзя. На самом деле нельзя. Нет, вы конечно вольны зайти в инфекционное отделение и даже выйти, но потом для профилактики вам придется поставить аж сорок уколов! И если кто-то думает, что в попу, то он ошибается, — я намеренно сгустил краски. Сейчас в инфекционке была всего пара больных с какой-то хитрой формой дизентерии, но родильное отделение и операционные тоже обзавелись красными кругами на входе.

— Если видите желтый круг, то входить надо очень осторожно — впереди вас ожидают опасности и различные задания. Если вам кажется, что вы способны на большее — обратитесь к больным в зеленых халатах — они выдадут задания повышенной сложности.

— Ну, и наконец, где зеленые круги — там безопасно. Менять желтые круги на зеленые будете вы и только вы.

— А теперь о наградах! — я набрал побольше воздуха в легкие. — За каждое выполненное задание вы получаете по аскорбиновой конфете! За смену желтой наклейки на зеленую — каждому участвовавшему в задании по порции гематогена! — я переждал легкую волну шума, прокатившуюся по рядам — Но это еще не все! Группа, по итогам дня выполнившая наибольшее число заданий, получает право на экскурсию в любую, подчеркиваю — любую, часть больницы по своему выбору. Те, кто окажутся на втором месте, смогут только присоединиться к их выбору. А тем, кто окажется на последнем месте останется только довольствоваться их рассказами и получить утешительный приз: доступ в место, где расположена уже не нужная медицинская техника. Можно будет что-нибудь открутить себе на память, — я очень демонстративно подмигнул.

В рядах пионеров началось бурление. Ага, все, как я и ожидал — ботаники и девочки явно будут стараться попасть на первое место, а вот башибузуки и хулиганы — на последнее. А вот сейчас вам будет сюрприз...

— Но и это еще не все! — по будущему примеру Хрущева я снял ботинок и постучал по столу, пытаясь перебить шум. С какого-то удара мне это удалось, и на меня снова обратили внимание. — Есть и личные награды! Тот, кто больше всего получит наград, тот получит право поручить самой настоящей машиной скорой помощи! — я набрал побольше воздуха в легкие — С включенной сиреной! И проблесковым маячком!

Народ восхищенно замер. Ну, а чего, пару кругов перед завистливыми взглядами сверстников — такое будет греть душу воспоминаниями очень долго.

— А теперь, — я постучал ботинком еще раз, — прошу всех надеть униформу! Впереди все-таки больница, необходимо соблюдать гигиену. И сразу скажу, это можно будет забрать

с собой на память.

Под униформу Василий Васильевич решил отдать халаты, которые пришли в негодность. Ну, где-то прошоркалось, где-то дырочка появилась и так далее. Ходить врачам в таком «невместно», вот они и лежали мертвым грузом. В прачечной их постирали, попутно бахнув марганцовки и теперь все они были нежно-розового цвета. На этом настоял уже я — так проще будет отличать «своих» от «чужих». Для больных, которые вызвались участвовать, точно так же обработали пижамы, но уже чем-то типа зеленки. Внезапно получилось довольно симпатично, что вызвало легкую зависть у «обычных» больных.

— Итак, первое задание! В процессе выполнения можете разбиться на отряды или решить выполнять в одиночку, — я снова постучал ботинком. Надо бы какую-нибудь колотушку раздобыть, а то стоять на одной ноге уже надоедает.

— Перед вами терра инкогнита, — я показал на белые листы здорового формата, которые мы прикрепили к стенке. — Необходимо исследовать больницу и нанести на карту все доступные маршруты и уровни опасности, — я поднял в руках горсть разноцветных карандашей. — А те трое, кто обеспечат отряды наиболее точной информацией, получат наградой самые настоящие планшеты, — для лучшего обзора я поднял над головой приз. Настоящий, сделанный из кожи, офицерский планшет. С ремнем и плексигласовым кармашком внутри. Ну, может, не плексигласовым, я в материалах не очень, но прозрачным. Ну, а чего мелочиться — разорить немного вещевой склад мне тоже разрешили.

Внезапно я почувствовал себя мессией — все пацаны без исключения смотрели на обещанный приз с таким вожделием, что я испытал легкую боязнь огромной войнушки. Налетевшая и мгновенно ограбившая меня на карандаши и бумагу толпа пацанов подтвердила мои самые худшие опасения. Расхватав, что досталось, они, казалось, прямо сквозь стены просочились в корпус за нашими спинами.

— Разведка ушла! — я продолжал насиловать ботинок об стол, — но есть еще и другие задания...

Смело могу утверждать, что над заданиями трудился весь коллектив. Все идеи собирались в одну большую кастрюлю, выделенную Пелагеей Серафимовной, нашей главной кормилицей, и затем проходили через строгий контроль Василий Васильевича и Ирины Евгеньевны. Не скажу за остальных, но я решил воспользоваться детским трудом по полной. Во-первых, найти все неработающие лампочки. Нет, я их регулярно менял, но то и дело сталкивался с тем, что люди просто привыкали к тому, что где-то постоянно темно, и потом искренне удивлялись, что тут должен быть свет. Более того, для пионеров я накануне специально поменял некоторые работающие лампочки на неисправные. Следующее задание было найти и обмерить всю проводку на изоляторах. Первую партию кабелей я уже практически израсходовал, поэтому хотел заказать уже не наобум, а опираясь хоть на какие-либо расчеты. Ну, и наконец, я возжелал себе карту расположения всех электрических щитов. Я как-то был наивен, надеясь на однотипность зданий и этажей, больница же. Ага, как же — практически каждый этаж мог похвастаться уникальным расположением щитов. За все время я успел разведать только пару корпусов и теперь втайне надеялся срубить халявы.

И вот теперь эта кастрюля попала в жадные загребущие руки детишек, стремящихся за вкусняшками. Наблюдая за начавшейся стихийной самоорганизацией детишек, я поймал себя на мысли, что все очень похоже на муравейник после того, как его немного разворошить. Кто-то уже мчит на всех парах, сжимая в руках бумажку с заданием, кто-то

орет во весь голос, пытаюсь перекричать соседа и собрать себе команду, а кто-то озирается по сторонам, пытаюсь сделать нелегкий выбор между двумя манящими заданиями.

Кстати, моя идея про бинтование бабулек тоже прошла. Теперь задание звучало так «Три старушки пред окном поломали руки. У одной имя Агафья, у другой отчество Васильевна, а у третьей фамилия Батова. Найди их и помоги врачам наложить шину». Таких троек по палатам у нас образовалось аж шесть штук. Раздухарившиеся женщины предвкушали, как они будут всячески запутывать десантников и ставить препоны в духе «ой, внучок, бинт мне нужен с мазью специфической, а она лежит за тридевять кроватей в тумбочке под цветком».

— Васька, давай скорей сюда, тут аж три задания сразу, я держу! — проорала чья-то голова, высунувшись из окна. Упс, а вот это мы не предусмотрели. Этак они своим криком всех на уши поставят...

— А знаете, я не верил, что подобная игра настолько увлечет детей, — подошедший ко мне Василий Васильевич указал на первых вернувшихся «разведчиков». Возвратившиеся пацаны уже рисовали поэтажные планы больницы, изредка переругиваясь в спорных местах. Тяжело дышащие, взмокшие так, что даже издали были видны темные пятна на рубашках, они тем не менее довольно бодро наносили на листы линии, превращавшиеся прямо на глазах в узнаваемые очертания этажей. Вокруг наиболее прорисованных участков уже сгрудились остальные, жарко выясняя что-то очень важное для себя.

— Разведчики! В столовой вас ждет по стакану компота для восстановления сил! — крикнул я через спины ребят и повернулся к главврачу. — Ну, тут я просто опирался на плечи гигантов. Мне кажется, что я читал книжку про Макаренко, он там на заводе с детьми линзы делал для фотоаппаратов.

— «Педагогическая поэма», — кивнул главврач, — в практическом свете сегодняшнего дня, пожалуй, и мне стоит ее перечитать. О! Смотрите! Кажется, нашли первую «мину». Положительно, во мне просыпается острая зависть к ребятам.

И в самом деле, два пацана, отдуваясь, тащили за ручки одну из старых бикс, которую я нашел на складе и наполнил щебнем из кучи на другой стороне больницы. «Мина» получилась увесистой, килограмм на двадцать, поэтому ребятам пришлось нелегко. Периодически меняясь руками, они дотащили мину до стола и плюхнули ее на землю. Ну вот, еще пять штук, и хватит для отсыпки бордюра для клумбы...

— Молодцы! Вы первые, — Ирина Евгеньевна отметила выполнение задания и вручила каждому по обещанной аскорбинке. — Если устали, то можете отдохнуть.

— Не-е-е-е, тетя врач, — синхронно замотали они головами и направились к кастрюле с заданиями, — на машине охота прокатиться...

Внезапно раздался громкий удар, а за ним протяжный скрежет. Обернувшись, мы увидели, как дверь, ведущая в корпус, не выдержала энергии юных помощников и, медленно наклонившись, повисла на одной петле. Стоящий за ней пионер испуганно глядел то на нее, но на нас.

— Надо же, уже пошел второй час налета, а всего одно разрушение, — сверившись с часами, удовлетворенно произнес Василий Васильевич. — Это определенно достижение.

Переглянувшись, мы с Михаилом быстро подошли к сломавшейся двери и, сняв ее с оставшейся петли, прислонили к стенке.

— Ну, чего застыл? — улыбнувшись через силу, я обратился к испуганно вззирающему на нас пацану. — Радуйся, ты выполнил скрытое задание на поиск тайного врага.

— Ага, — кивнув, очень серьезным голосом подтвердил мои слова Михаил. — Теперь она никому не повредит.

Наблюдая за пионером, радостно скачущим к столу с наградами, мы еще раз переглянулись и дружно вздохнули. Дети...

— А вот и наш первый герой! — я подхватил под мышки щуплого мальчишку и поставил его на стол. Пацаненок, оказавшийся в центре внимания, судорожно оглянулся вокруг и зашевелил руками, пытаясь их то скрестить, то засунуть в карманы облезлых шорт.

— Держи и владей! — я протянул ему планшет, легонько стукнув им пацана в грудь — ты заслужил его!

— Ура-а-а! — неожиданно раздалось из окружавшей стол толпы. Опалевший победитель вцепился в планшет как клещ и тут же начал дергать ремешок, пытаясь его открыть.

Немного полюбовавшись ушедшим в себя ребенком, я сгрузил его обратно на землю, прямо в окружение его товарищей, жаждущих познакомиться с призом поближе. Буквально через пару секунд из толпы, окружившей пацана, раздался восхищенный вздох. Пользуясь своим ростом, я глянул поверх детских голов. Оказалось, в планшете был специальный кармашек с компасом. И судя по радостным крикам, временами переходящим в ультразвук, даже рабочим. Черт, а в том, что я проверял, компаса не было...

— Товарищи, подскажите, а кто тут главный? — строго обратился к нам появившийся словно из-под земли милиционер. Я огляделся и увидел стоящий неподалеку мотоцикл с люлькой. Ничего себе, за гомоном и криками детей не услышать тархтения мотоцикла...

— Если по поводу происходящего вокруг, то я. А если за всю больницу, то вон — я указал рукой — Василий Васильевич, главный врач.

— Ага, значит вы мне и нужны. — он отступил на шаг назад и козырнул — Старшина Вознесенский

— Вячеслав Владимирович — в ответ протянул руку — чем могу помочь?

— Сигнал поступил — старшина снял фуражку и начал протирать ее платком изнутри — детский труд. Причем на опасных работах.

Не понял. Какой труд? Это же не поездка «на картошку» или «субботник»...

— Товарищ старшина, так у нас тут «пионерский десант» — опередил меня с ответом Михаил

— А-а-а! — сразу расслабился милиционер — и много уже поломали?

— Да нет, пока всего лишь дверь — я махнул рукой — да и то, судя по состоянию, она скоро сама бы сломалась...

— Это как же вы так смогли — удивленно произнес он, провожая глазами пронесшуюся мимо нас стайку пацанов, возглавляемую нашим победителем. Длину ремешка он еще не отрегулировал, поэтому планшет при каждом шаге подпрыгивал и шлепал его по попе, придавая ускорение — у нас тоже недавно был десант, так после него отделение неделю отходило.

— Устроили игру с раздачей наград — я чуть отодвинулся, пропуская бегущего и что-то радостно орущего пацана — но может, лучше отойдем к мотоциклу, а то как бы его не восприняли законной добычей?

И в самом деле, вокруг мотоцикла уже наворачивали круги пара пацанов. Поняв, что их шкурные замыслы чего-нибудь спереть раскрыты, они мгновенно растворились среди себе подобных.

— Игра это хорошо — согласился старшина — у нас вон тоже такие же играли. Кто-то

из огольцов крикнул, что под половицей спрятан клад белогвардейский и такое началось, что только держись! Сейф насыпной, в нем под триста кило, и тот сдвинули! Мы потом его вчетвером еле-еле назад поставили.

— А что с кладом? Нашли? — заинтересовался я

— Да какой там клад! Здание построили три года назад — раздраженно махнул рукой Вознесенский — у нас даже еще краска с полов не сошла. Ладно, товарищи, все понятно тут. Лучше поеду я, а то неровен час и в самом деле мотоцикла не досчитаюсь...

Мы молча проследили, как разгоняя детей бибиканьем, мотоцикл сделал круг и выехав в арку, оставил после себя сизое облако.

— Как думаешь, кто позвонил? — задумчиво спросил Михаил — наши или пациенты?

— Конечно кто-то из пациентов — тут же ответил я — и мы оба даже знаем кто.

— Михайловна?

— Ага...

Люди не меняются. В любые времена, в любой организации работающей с населением, вам с ходу назовут таких личностей. Что бы вы не делали, как не упирались, но им всегда будет все не так и не то. Они обладают особым и изощренным складом ума, позволяющим выискивать мнимые недостатки во всем что их окружает. У них попросту нет чего-то идеального и никогда не будет. Иначе они умрут.

Вот и у нас такая есть. Как ее зовут, всем уже давно все равно. Михайловна и есть Михайловна. Маленькая худощавая старушка, испытывающая дичайший дефицит внимания и примеряющая на себя последовательно все болезни из медицинской энциклопедии. Если она читает газету, то заметки для нее слишком короткие и не отображают суть вопроса. Если статья — то наоборот, занимаются пустословием и разбазариванием газетных площадей. Врачи же вообще через одного изверги — то кормят лишними таблетками и залечивают, то не обращают внимания на болезни в угасающем организме. Она писала и звонила во все доступные места и требовала обеспечить соблюдение равноправия и законности.

Довелось и мне с ней столкнуться. Лампочку менял. Причем четыре раза. Светила слишком ярко и таким образом тратила народные деньги. Или наоборот, слишком тускло и я обогащался за счет выделенных на освещение средств. Отвадить старушку получилось просто: в последний раз захватил термометр, тот самый, что на батарейках. После замены лампочки я с очень озабоченным видом попросил старушенцию указать, где она обычно сидит и аккуратно положил его туда. Потом включил и последовательно зажимая и отпуская датчик, заставил стрелку двигаться туда-сюда. Такое представление поразило старушенцию в то самое, что у нее чесалось на предмет справедливости. Больше они меня не терзала, а когда мы пересекались в коридоре, уважительно здоровалась и называла по имени-отчеству.

— Дзеци, хто галодны, у сталовай суп ёсць. А хто не — бутэрброд рабице — легко перекрывая гам, разнесся над площадкой бас Пелагеи Серафимовны. Как любой человек любящий готовить, она очень ответственно относилась к соблюдению режима питания. Бывало полежишь подольше в постели, понежишься и придешь уже к окончанию завтрака. И вот наливает она тебе суп, а вид такой обиженный, что ты прямо физически ощущаешь, как твой организм испытывает огромный недостаток жиров, белков и может быть даже углеводов. Реально стыдно становится. А если придешь вовремя, да многословно похвалишь потом, так сразу в организме благодать разливается и вокруг птички щебечут. Вот и тут на мой взгляд наша повариха заготовила для диверсантов столько всего, что детям будет что есть не только на ужин, но еще получится сделать запас на пару дней вперед.

Впрочем, ее глас остался проигнорированным пионерской общественностью. Все заинтересованные давно нашли кухню, сообразили себе по предку гамбургера из двух кусков хлеба и котлеты и теперь только забегали разве что за компотом.

Я подошел к столу и заглянул за плечо главсестры, рассматривая записи. Не понял.

— Э-э-э-э, у нас же столько заданий не было — озадачено протянул я.

— Да, дети пошли на второй раз, а я делаю вид, что не замечаю — оказалось, что Ирина Евгеньевна умеет улыбаться — мне медсестры сообщили, что матрасы в поисках скрытого уже на второй раз выбивают. А порвали... — она потянулась —.. а не важно сколько порвали. Обычно мы выбивание только к зиме завершали.

— Думаю, надо постепенно завершать мероприятие — к нам неслышно подошел Василий Васильевич — мне кажется, что дети начали уставать...

Вы знаете, что выбрала команда победителей? Экскурсию в морг! Поначалу никто не поверил, но дети решительно подтвердили, что им охота туда, тем более морг изначально был закрыт нами красной меткой. Я как-то считал, что различные нервощекоталки типа «черная-черная рука черной-черной ночью...» появились уже гораздо позже, но видимо здорово ошибался. Да и с моей точки зрения смотреть там не на что — обычный зал с здоровым холодильником, где лежат тушки, иногда даже немножко помятые. На любом рынке точно такая же картина в мясном отделе, только тушки не человечьи. Но патологоанатом только хмыкнул и пригласил победителей за собой.

Мне же по должности достались «проигравшие». Доведя возбужденно гудящую группу до дверей склада, я открыл дверь, зажег свет и жестом пригласил ребят во внутрь.

— Можете брать все, что сможете унести в одиночку. Только чур, инструменты потом вернуть, иначе следующего раза не будет.

Конечно, предварительно я прошелся по складу, отбирая для себя наиболее пригодные ништяки и заранее роняя или переставляя на пол то, что может упасть. Правда, кроме выключателей, ничего особо нужного для текущих задач не нашел и поэтому с интересом наблюдал, что посчитают важным дети.

— А это можно взять? — мои размышления прервал пацаненок, у которого в руках был трансформатор. Офигеть, откуда он его выколупал?

— Если сможешь унести — то можно. — я улыбнулся в ответ — Но если не секрет, зачем он тебе? — на самом деле мне было мучительно жалко отдавать такую штуку. Может, обменяю на что-нибудь...

— Я приемник строю. С супергетеродином, на шести лампах — пацан гордо задрал нос.

— Здорово! А разве радиокружки летом работают? — удивился я.

— Не-е-е-е, я в городской радиоклуб хожу. У нас там радиостанция есть и я на ней даже уже один сеанс связи провел. — он шмыгнул носом — только еще карточка не пришла.

— Здорово, а можешь сделать доброе дело? — я мысленно потер руки — у нас тут есть радиола нерабочая, а починить ее у меня нет ни инструментов, ни знаний. Можешь передать просьбу руководителю уделить мне часочек-другой?

— Хорошо, я забегу — покладисто согласился пацан.

— Да не надо ноги бить, в больнице телефон же есть

— Да мне не сложно, я же рядом живу...

То есть городской радиоклуб все это время был где-то рядом? Зря я тогда поверил словам Михаила, что в городе нет ничего радиолобительского...

— И вот это тоже можно? — к «радиолюбителю» присоединился еще один. Да твою же маму! У этого на протянутой ладони лежали две индикаторных лампы.

— Конечно. Ты тоже радиоприемник строишь? — я постарался скрыть досаду про упущенное. Ведь все обсмотрел!

— Нет, у меня робот будет. С двумя программами!

Здорово. Если сейчас ко мне подойдет третий и спросит разрешения про радиолампы для постройки компьютера, то я начну грешить про альтернативные миры. Ну не было ничего в журналах про ЭВМ!

Однако следующим мне на осмотр было предъявлено нечто вроде большой катушки, содержащей внутри не один метр медной проволоки. Сияющий пацан сообщил, что наконец-то сделает себе нормальную антенну. Скептически оценив объемы, я порекомендовал не жадничать и раздать остатки друзьям.

Вообще у меня создалось впечатление, что все поголовно что-то делали. Практически всему пацаны находили применение. Даже остатки «руки» от УС-30 были признаны годными для постройки крана. В общем, от тотального выноса склада, ставшего пещерой али-бабы, детей останавливала только собственная грузоподъемность.

Улыбаясь, я наблюдал за процессом распределения материальных богатств. Часто найденное соседом признавалось гораздо более привлекательным и тут же происходил обмен, причем на мой взгляд, часто совершенно не равнозначный. Ну вот как можно обменять четыре каких-то колесика на маленький пучок проводов с разноцветной изоляцией? Или блестящую рейку из какого-то металла на горсть болтиков? А лист матово отблескивающей и погромыхивающей жести на витой шнур? Однако если судить по довольным лицам, меняльщики с обеих сторон были уверены в выгодности сделки.

Наконец самозагрузка пионеров завершилась и мы колонной перегруженных верблюдов двинулись назад.

— Да там такое! И лежит весь такой бледный!

— Зато у меня вот что есть!

— Да нет, он не бледный, он желтый и вообще без ноги был!

— А у меня лучше! Гляди!

Назад в автобусы дети запихивались очень трудно. Почти сорвавшая голос пионервожатая тщетно пыталась рассадить детей по автобусам. Но ее игнорировали, ибо всем непременно надо было поделиться увиденным и похвастаться обретенным. Посмотрев на это безобразие, я призвал на помощь коллег и совместными усилиями мы разделили толпу галдящих детей на четыре примерно одинаковых кучки и буквально втиснули их по автобусам. Вскоре накал страстей стремительно пошел на убыль, просто потому что около пассажирских окон не было форточек, а жестами много не намашешь.

Наконец автобусы взревели двигателями и гудя трансмиссией поползли на выезд. В каждом автобусе нам махали руками десятки радостных детских лиц. В ответ я тоже улыбался и махал, улыбался и махал...

— Уф... Неужели все? — с легким стоном упал за стол Михаил.

— Да, это было в высшей степени любопытно — согласился с ним Василий Васильевич, устало откидываясь на спинку скамейки.

— Ну хоть зараз вы паеще нармальна! — снова вклинилась наша повариха.

Странно. А я совсем не чувствовал себя уставшим. Даже в теле бодрость какая-то

организовалась...

Метр тут, два там... А тут восемь? Нет, это тройка так написана. Я на карачаках расположился около разложенного на полу листа, пытаюсь расшифровать то, что нарисовали мне вчера пионеры. Сейчас обработаю один лист и пойду сравню, как это выглядит в реальности. Если ошибка не будет слишком большой, то задачу минимум с помощью детей я уже выполнил. Главное не получить ответ на порядок отличающийся от правильного.

— Ну и как? — спросил Михаил у моей отключенной задницы

— Ну пока вроде похоже на правду — ответил я, разгибаясь — там, где я уже посмотрел, щиты освещения на правильных местах. Сейчас вот прикидываю, насколько правильно длину проводки насчитали.

— Бросай это дело, там Семенычу привезли немного материала для мастерской, надо помочь разгрузить.

Ну что же, это дело хорошее, тем более что давно надо было заглянуть — Семеныч мне обещал сделать стул чуть получше той табуретки, на которой я умащивал свой зад все это время.

Около входа стояла полуторка с откинутым бортом. В кузове ровным штабелем лежали деревяшки разных размеров. Ну там доски, бруски и прочие результаты работы пилы. Одев верхонки, мы аккуратно брали по одной лесине и так же аккуратно, стараясь не столкнуться друг с другом, складывали их в стоящий неподалеку сарай.

— Вилеор Семенович — я смахнул пот — а зачем нам столько досок? Вон, еще старые не израсходованы даже на половину — я мотнул головой в сторону сарая

— Так это не годное дерево — мне вручили очередную порцию — вон, видишь как повело?

Я пригляделся. И в самом деле, те доски, что были видны сверху были далеки от прямолинейных форм. Какие-то изогнулись винтом, а какие-то представляли из себя слабое подобие сабли. Ровных даже на глаз было мало.

— А отчего так? — мне стало интересно. В моем понимании при хранении дерево если и меняло свои размеры, то исключительно в сторону уменьшения.

— Да мне сказали, что они уже после сушки, а они сырые оказались — Вилеор, сгрузив мне очередную доску, в расстройстве махнул рукой — я и упустил момент. Теперь их либо на дрова, либо на какие-нибудь поделки.

Таская доски, я задумался: а куда мне можно применить столько хлявного дерева? Но видимо, лимит фантазии я исчерпал на подготовке к десанту, и в голове кроме деревянных ложек никаких предложений не было.

Не прошло и получаса, как мы освободили полуторку от ее груза. Захлопнув борт, Семеныч несколько раз стукнул по нему кулаком, разрешая водителю уехать.

— Ну вот, кто хорошо работает, тому и больше накладывают! — Михаил как всегда вовремя со своим предложением — Тем более там Серафимовна после вчерашнего особое приготовила.

О! Особое блюдо! Такое бывает не часто. Не хочу даже знать, из чего готовятся «особые» блюда, но даже на мой искушенный ресторанами будущего вкус они казались шедеврами. И главное, никаких «консоме» и «баллотинов с пулярками» в меню отродясь не было. Просто «суп» и «каша». В общем, закрыв замок на сарае, мы поторопились в столовую.

В столовой былолюдно и мы с трудом нашли себе свободные местечки

— А Серафимовна-то нашего Вячеслава уважает — Михаил с улыбкой обратился к

Вилеору — вон сколько наложила

Я сравнил — и в самом деле, моя порция была гораздо больше.

— Так ей вчера пионеры кухню в порядок привели. Все ножи-поварешки по порядку разложили и какие-то полочки рассортировали. — Семеныч запустил ложку в суп и поболтал там, размешивая сметану — вот и выдала так сказать премию.

— Все в ваших руках, товарищи — я поднял руку с зажатым кусочком хлеба — хотите, я поговорю с Василий Васильевичем об организации еще одного «пионерского десанта»? Только чур, теперь не я главный!

— Не-е-е-е — дружно замотали головой мои собеседники. Ну нет, так нет — мне же больше достанется. Тем более особым блюдом сегодня была рисовая каша на молоке. Она одновременно была и рассыпчатой и слипалась в меру, а вкус... В общем, от стола я отваливался беременным пингвином.

Заниматься ползаньем по полу не было никакого желания, поэтому я решил посвятить время чтению научно-популярной литературы. Таковой у меня сегодня выступал январский номер «техники-молодежи». Я лениво прочитал послание каких-то рабочих Сталину, рассмотрел портрет Ленина на годовщину смерти и принялся знакомиться в новостях про достижения украинской науки. Оппа! Статья называется коротко и емко: «Полупроводники». Я подобрался — неужели уже? Быстренько прочитав статью, я понял, что да, уже. На примере какого-то купроксного выпрямителя объяснялся принцип работы обычного диода. Дырки, положительно и отрицательно заряженные частицы, все как по учебнику. Осталось сменить медь на кремний и готов уже привычный мне полупроводниковый диод. А там и до транзистора рукой подать — по сути внутри он состоит из двух диодов, включенных «лоб-в-лоб».

Что бы лучше думалось, я сполз с табуретки на пол и оперся спиной на стол. Что я помню про диоды? Да ничего особенного, кроме того, что я лично в свое время повторял опыты Лосева. Там все просто: берем кусок какого-то кремния и пару проволочек, соединенных с блоком питания. Молотком крошим кремний на мелкие кусочки и отбираем те, которые при подаче на них напряжения начинают светиться примерно как гнилушка в лесу. Вот вам и первый светодиод готов. А там чем чище материал и меньше площади — тем лучше характеристики.

Так, а какой кремний нужен? Я напряг память. Мозги выдали даже формулу SiC, но как это правильно называется — шиш. Знаю только, что этой штуки в мое время было завались, ее для шлифовки и прочих подобных штук использовали. А вот как сейчас — не знаю.

Во мне прямо вот все зачесалось написать письмо, тщательно расписать все прелести полупроводниковых элементов и отправить его куда-нибудь повыше. Но где-то внутри сразу всплыл гаденький вопрос: «а поверят?». Гадство какое-то...

В радиоклубе стояла тишина, нарушаемая только натужным сопением пацанов. Каждый вооружился двумя проводками, прицепленными к батарейкам и пытался повторить опыт Лосева по созданию светодиода. Сидя на небольшом диванчике вместе с Николай Александровичем, я смотрел на склонившихся над столом пацанов и размышлял, не сильно ли я выделяюсь из роли любознательного электрика, недавно потерявшего память. По всему выходило, что не очень. Все озвученные «открытия» уже сделаны и опубликованы...

Буквально на следующий день после пионерского набега на больницу ко мне в каморку примчался уже знакомый пацан и задыхаясь от быстрого бега, сообщил, что Виктор Михайлович просил передать, что он готов встретиться в любое время и даже прямо сейчас.

— А кто у нас Виктор Михайлович? — глядя на вытирающего пот пацана, спросил я.

— Это руководитель нашего радиоклуба, он только вчера из Москвы приехал!

— Слушай, а как тебя зовут-то, а то так и не познакомились?

— Петька я! Так пойдете?

Глядя в горящие глаза пацана, мне почему-то не захотелось ждать приехавшего из Москвы некоего Виктора Михайловича, поэтому быстренько прибравшись, я запер дверь и мы направились в радиоклуб. Выйдя с территории больницы, мы прошли мимо пары домов и буквально уткнулись в дверь, расположенную в торце дома. Тщательно нарисованная от руки вывеска «Радиоклуб. г. Калинин» подтверждала правильность нашего маршрута. Ну вот бы раньше знать, что так близко...

Виктор Михайлович оказался крепким мужчиной с легкой проседью в волосах. Поздоровавшись, он тут же поинтересовался причиной, по которой я хотел его видеть. На что я честно сознался, что охота мне было видеть любого, кто может помочь мне с больничной радиолой. А начальник это радиоклуба или нет — мне все равно.

— Понятно — немного хохотнув, Виктор показал мне куда идти — но тут я вам не нужен. С этим вам лучше поможет начальник радиостанции, Николай Александрович Транцеев, это он у нас начальник паяльников и повелитель радиоламп. А еще по совместительству руководитель пионерского радиокружка.

По короткому коридору мы дошли до двери с табличкой «УАЗКЕТ», где и обнаружился худощавый радист в застиранной военной форме. Сидя перед большой панелью с кучей переключателей, он очень аккуратно вращал «крутилку», вокруг которой была нарисована шкала с кучей цифр. Чуть склонившись над микрофоном, он громким голосом повторял «Здесь Ульяна, Антон, Три, Киловатт, Елена, Тамара приглашаю всех на связь, прошу ответить». Судя по тому, что фраза повторялась без изменений, никто не отвечал. Что бы не мешать, я тихонько пробрался за стоящий посредине комнаты стол и принялся наблюдать.

— Нет, ультракороткие волны совершенно не интересны — раздраженно стянув с головы наушники, проговорил Николай — одни помехи.

— Может быть, это из-за того, что сейчас самый разгар дня? — я встал из-за стола, что бы поздороваться — и все, кто мог бы вам ответить, еще на работе?

— Николай — он ответил на моей приветствие — да нет, до Москвы я должен был дотянуться, но в эфире тишина.

— А мощность и частота какая? — поинтересовался я. В своем времени я обладал

довольно внушительной батареей радиостанций на все случаи жизни. Все думал поставить на машину самую пригодную, но так и не сподобился.

— Примерно 150 ватт и 86 мегациклов — расстроено ответил Николай — на коротких ночью с Америкой иногда связи есть.

Всего 150 ватт на 86 мегагерц? Все мое послезнание уверенно заявляло, что он с такими характеристиками даже до границ области не дотянется. На останкинской башне киловаттные передатчики в «вещалках» использовали и то на окраинах Москвы уже иногда хрипело и шипело...

— Значит, надо поднимать антенну повыше! — подняв палец вверх, многозначительно заключил я — ведь антенна это лучший усилитель!

— Да кто же с этим спорит-то — удрученно согласился самый главный по радиостанции — а вообще, вы по какому поводу?

Ну тут я ему и рассказал уже многократно обкатанную версию про себя. Начиная про потерю памяти и заканчивая злосчастной радиолой, которая не играет.

— А, знаю я эту установку. У нас на «химволокне» такая же стоит. Там 6ПЗ на выходе горят буквально от лишних электронов. Иногда электричество пропадет на пару секунд и все, нет больше лампы — он начал поочередно отодвигать ящики стола и что-то в них перебирать — где-то тут у меня была парочка запасных...

— В январском номере «техники молодежи» про полупроводники писали — я начал закидывать удочку про транзисторы — наверняка можно от ламп в будущем отказаться! Хотя бы в усилительных цепях!

— Кристаллические триоды? — он посмотрел на меня удивленно — да, вполне возможно что за ними будущее. Но сейчас параметры слабоваты: ни частоты, ни мощности.

— Кристаллические? — я был в недоумении: неужели уже изобрели транзистор?

— Ну да, пластинка из германия, к ней две прижимных пружинки. После подбора положения одна становится источником «дырок» и становится эмиттером, другая коллектором. И управляющим электродом меняется уровень проводимости между ними.

Офигеть. Точно транзистор. Только в мое время управляющий электрод сменили термином «база». Остался последний козырь...

— Светодиоды? Разве диод может светиться?

— Инженер Лосев еще до войны обнаружил, что некоторые материалы, вроде — я пощелкал пальцами, якобы вспоминая — кремния, при приложении электричества начинают светиться. И при этом ведут себя как диоды, то есть пропускают ток только в одном направлении.

— Это интересно. А что за материал, не помнишь? — мы как-то незаметно перешли на ты

— SiC — я пододвинул какой-то листочек и нарисовал карандашом формулу — но как зовется обычным языком, не знаю. Химия не мой конек.

— Карбид кремния? — очень удивленно произнес Николай Александрович — и светится?

Я кратко пересказал свой опыт из будущего, замаскировав его под найденное в библиотеке. Берем кусок этого карбида кремния, аккуратно молотком разбиваем на мелкие кусочки. А потом просто прикладываем напряжение и смотрим, какой засветится. Так как это диод, то прикладываем дважды, с разной полярностью. Ну хоть тут-то не ошибся? Судя по задумчивому лицу Николая, нет.

И вот теперь мы сидим и смотрим, как пацаны ищут тот самый осколок, который засветится. Николай принес с работы целую горсть кусков этого карбида кремния, поэтому недостатка в материале не было. Но вообще странно, мне в свое время потребовалось минут десять всего...

— Ребзя! Светится! — внезапно раздался свистящий шепот.

Для проверки мы выключили весь свет в комнате. И в самом деле, стоило пацану прикоснуться проводками к одному из кусочков, как он тускло, чуть сильнее головешки засветился. По комнате пронесся восхищенный вздох.

— А у меня ярче! — тут же откликнулся кто-то еще.

— Ну-ка, а проверь его характеристики — скомандовал пацану Николай — проводит ли он ток в одном направлении.

Пацан степенно пододвинул к себе самый настоящий омметр и тронул щупами кусочек. Стрелка качнулась вправо. Затем он поменял щупы между собой и снова прикоснулся к кусочку. Стрелка если и шелохнулась, то незаметно с моей стороны.

— Вы что бы не мучаться, кусочек одним концом в припой опустите, а второй конец из проволоки пружинкой сделайте и тогда подбирать место станет легче — на основе своего послезнания выдал я совет. Температура плавления этого карбида гораздо выше температуры плавления припоя, так что беспокоиться не о чем.

Пацаны тут же нашли какую-то деревяшку, прикрутили к ней оторванный контакт от ламповой панельки и налили туда припоя. Второй конец по моему совету скрутили пружинкой и таким образом получили офигенно громоздкий, но тем не менее полноценный светодиод.

Вскоре перед нами на столе красовалось порядка десяти светодиодов. Глядя на сверкающие радостью лица мальчишек, я невольно им позавидовал — столько новых открытий у них впереди.

— Так, план по новым разработкам мы сегодня выполнили — Николай немного подровнял лежащие светодиоды — но у нас сегодня есть еще одно дело. В городской больнице радиотрансляционная установка сломалась. Кто определит неисправность по описанию?

Он выложил на стол перед ребятами куцую книжечку, почти идентичной той, что у меня лежит. Я глянул на титульный лист — «МГСРТУ-50». Ага, немного более слабая модель — у меня мощность 100 ватт, а тут — 50. Пацаны тут же открыли лист с принципиальной схемой и вопросительно уставились на меня. Ишь ты, какие пряткие...

— Включаю в розетку и ничего не происходит... — начал было я

— Предохранитель!... Контакт!... — тут же посыпались ответы от наиболее нетерпеливых.

— Я же сказал, что ничего не происходит — я улыбнулся — нет ни вспышек, ни дыма, ни выбитых пробок. А вот когда поворачиваю вот этот вот выключатель — я ткнул пальцем в картинку трансляционного узла — то слышно легкое гудение трансформатора и...

Сделал паузу. Ага, молчат.

— ... И на вот этом вот индикаторе стрелка плавно подходит к цифре 60. Что это значит, я не знаю. Если глянуть сквозь решетку вентиляции, то видно, что нити накаливания светятся.

Задумчивая тишина.

— Дальше я пробовал переключать вот этот переключатель с разные положения. Ничего.

Рассматривание схемы и чесание в затылках.

— А если поворачивать вот этот, то в динамике слышно слабые щелчки.

— А радио с проигрывателем работает? — отлично, первый вопрос по существу.

— Не знаю — я пожал плечами — проверить нечем. У меня там из инструментов разве что плоскогубцы с топором найти можно.

— Но вот же написана комплектация — самым бойким оказался Петька — там в комплекте даже омметр должен быть.

Я глянул в книжечку. В самом деле, должен быть. Сперли или пропили? Хотя какая теперь разница...

— Итак, давайте варианты — Николай вернул себе внимание — как будем искать неисправность и что нам для этого понадобится?

В результате мозгового штурма было предложено столько вариантов, что будь хотя бы часть из них реализована, то проще было бы сразу выкинуть эту несчастную радиолу, что бы своими негативными эманациями не заставляла ломаться другие приборы в больнице. Немного посоветовавшись, ребята под контролем Николая Александровича собрали некое подобие ремонтного набора и завернув его в какую-то тряпку, выдвинулись в сторону больницы.

Подперев плечом косяк двери, я наблюдал как пацаны муравьями облепили радиолу. За сам трансляционный узел я совершенно не беспокоился — у пацанов была задача починить, а не разобрать. Да и хуже уже не сделают — он так и так не работает.

— Это что тут за представление? — удивленный Михаил заглянул через мое плечо.

— Полевой ремонт вверенной мне техники под руководством Николая Александровича, главы калининской радиостанции — я представил главу радиокружка.

— Это хорошо что ремонт — поздоровался с Николаем Михаил — главное, что бы после него лишних запчастей не образовалось.

— Не, тут скорее обратное будет — ответил Николай — лишняя функциональность может образоваться. Ребята недавно...

— Нашел! — нас прервал чей-то голос. И тут же в динамике послышался всем знакомый скрежет и хруст, который образуется при подключении наушников в разъем плеера. Еще пару раз хрустнуло и затихло.

— Там просто провод плохо припаян был! — прокомментировал довольный голос — я его немного пошевелил отверткой и вона чо получилось!

— Ты отверткой-то зачем полез? — тут же прилетела язвительная ответка от соседа — Васька, ну вот мало тебя в прошлый раз током било...

— Эй, вы там поаккуратнее — я внезапно вспомнил про технику безопасности — у нас хоть и больница, но даже для клизмы воду еще подогреть надо...

— Ничего, за одного битого двух небитых дают — попытался успокоить меня Николай — да и нет там опасных напряжений, чай не телевизор же...

— По последним исследованиям медиков, убивает не напряжение, а ток — я немного поделился знаниями из будущего — так что давайте выключайте перед ремонтом, а то мне на самом деле не сложно всем клизму обеспечить, возможно даже с патефонными иглками...

То ли все восприняли мою угрозу всерьез, то ли просто не было свободной розетки для паяльника, но аппарат выключили из розетки перед окончательной починкой. Ребята пропаяли все соединения и тщательно вытерли все внутренности агрегата от пыли. Николай проинспектировал все сделанное и остался доволен.

Доверить включение починенного агрегата доверили тому самому Ваське, как нашедшему неисправность. Гордый до невозможности пацан с дичайшим апломбом щелкнул выключателем и оглядел своих товарищей, дескать знай наших!

Внутри аппарата снова разлилось теплое сияние и точно так же стрелка на передней панели качнулась вправо. А в динамике снова тишина. Прямо на глазах задранный нос Василия начал опускаться.

— Эх ты, тютюня, а входной канал кто ставить-то будет? — какой-то пацан с улыбкой решил спасти новоиспеченную звезду ремонта трансляционных узлов.

— Точно! — засуетился Василий и повернул переключатель в положение «Радио». В динамике тут же раздалось шипение эфира. Васька начал вращать ручку настройки.

— Вальс оттеснён, без вины виноватый. Но затаён, он всегда и везде со мной... — внезапно после серии стонов и хрипов из динамика послышался удивительно чистый голос какой-то тетки.

— Кристалинская! Не трогай! — тут же зашипели со всех сторон. Василий в испуге отдернул руку от агрегата.

Я слушал вместе со всеми. Потом еще одну. И еще. Ну... Первые впечатления — песни очень длинные. Никаких привычных мне радиоогрызков. Тут под одну композицию можно чай успеть вскипятить и еще время останется в туалет сходить. И... Темп что ли? Ну вот очень медленно на мой вкус. Под такое только засыпать. А еще как-то по идиотски брякающее пианино в качестве аккомпанемента, ни гитары, ни ударных...

— Мамбо! — внезапно раздался наигрыш из моего времени — ... Италиано! Хей мамбо! Как поют твою песню повсюду...

Черт, всего кусочек, а потом опять скатились в заунывный вой, но этот кусочек уж очень узнаваемый. Обалдеть. Значит в моем времени просто взяли и перепели, редиски. Ну и ладно...

— А что насчет трансляции на всю больницу? Может попробуем потихонечку? — я вспомнил про основное предназначение этого агрегата.

— Так, Василий уже получил сегодня свою толику славы — скомандовал Николай — Еремей, давай теперь ты.

Тот самый пацан, который подсказал Василию про вход, подошел к задаче основательно. Он сначала посмотрел в книжечку, потом поставил громкость трансляции на минимум и только потом переключил выход. Динамик на аппарате заглох, зато ожил репродуктор в углу комнаты. Я подошел поближе.

— Давай чуть-чуть громче — скомандовал я. Пацан подчинился. Я прислушался к какой-то очередной задушевной песне. Теперь стало понятно, почему так брякало пианино ранее — на таких с позволения сказать абонентских устройствах высоких и низких частот не было как класса. Так что слушателям достается только голос и все, что в этом диапазоне. Но нефиг привередничать — даже такое гораздо лучше, чем ничего.

— Здорово! — я развернулся к ожидающим моего вердикта ребятам — нет, правда молодцы! Вы даже не представляете, столько сейчас людей подняли головы к репродукторам в ожидании следующей песни!

— Я требую выдать таким молодцам награду — раздался голос Василий Васильевича от двери. Пацаны оглянулись и тут же стушевались, несмотря на радостный вид Василь Васильевича. Главврач явно возвращался с какого-то очередного совещания и был в образе «очень важного и солидного человека высокого ранга».

— Может, каждому по батарее для фонарика? Или две? — предложил я.

Пацаны посмотрели на меня очень скептически. Дескать, чего это дядя внезапно с ума съехал? Действительно, чего-то я сказал не подумав. У ребят доступ до радиостанции есть, а я к ним с батареями. Наверняка у них этих батареек...

— Думаю, в честь такого события следует повторить недавний опыт с десантом — немного обтекаемо предложил Василий Васильевич. Точно книгу про беспризорников прочитал, бьет по самому тонкому.

— Так там ничего не осталось — я нашел взглядом Петра — вон, участник налета может подтвердить.

Тот, поймав мой взгляд, аж подпрыгнул от возмущения.

— Да нет, там еще осталось, просто рук не хватило — он повернулся к соратникам — там есть такая пластина, на шасси подойдет просто зашибительски...

Судя по всему, рассказы о богатствах пещеры алладина уже давно упали на благодатную почву и дали свои ростки в душах пацанов, потому что скепсис в глазах тотчас же сменился на умоляющий. На вас когда-нибудь смотрело сразу несколько котиков из щрека? Умоляющие о всем сразу глаза, в уголке которых вот-вот появится слезинка, которая расплавленным оловом прожжет любую, даже самую черствую душу? Вот и на меня раньше так не смотрели.

— Ну раз на шасси, то тогда пойдем — я попытался за наигранной взрослостью скрыть свое смущение — только чур, сильно не распространяйте, а то Василий Васильевич меня заругает, дескать на металлолом нечего будет сдавать.

Меня тут же в несколько голосов заверили, что они могила и вообще, уже забыли дорогу сюда. А ежели кто расскажет, то тот вообще не пионер даже...

— Это же сколько тут все это копилось? — оглядев склад, потрясенно спросил Николай.

— Не знаю, я тут недавно. Но во-о-н там — я показал рукой — есть печная заслонка 1903 года. Надо?

— Да нет, у нас уже паровое — он пытался уследить за хаотично перемещающимися пацанами — но за предложение спасибо...

Второй налет на склад происходил более обстоятельно. Никаких метаний, никакого обмена. Пацаны методично, как белки, потрошили все доступное. Потом совместным консилиумом принималось решение о годности найденного и если оно было положительным, деталь откладывалась в отдельную кучку.

— Эй, если кто найдет изоляторы, то они чур мне — я вспомнил про свой собственный совет — мне антенну нормальную еще делать надо для установки.

А что? Приемник у радиолы всеволновый, будет что послушать по ночам...

Я гипнотизировал взглядом переключатель режимов. Знали бы вы, как охота прощелкать им в положение «микрофон», наклониться и проорать «До-о-о-брое утро, Вьетнам!». Но до конфликта еще черт знает сколько времени, да и не поймет тут никто отсылки к еще не снятому фильму, поэтому приходится страдать на ровном месте.

Согласно рекомендациям, накопанным где-то нашей библиотекаршей Любовью Борисовной, я несколько раз медленно вдохнул через нос и так же медленно выдохнул, но уже через рот. Покорчил рожи, вытянул губы уточкой. Теперь самое сложное. В очередной раз набрал воздуха и попробовал произнести «Все бобры добры для своих бобрят». Поначалу я самонадеянно замахнулся на «Корабли лавировали, да не вылавировали..», но язык стабильно закручивался в узел уже на третьем слове, поэтому я выбрал что-то попроще. Внезапно добрые бобры пролетели без запинок. Надо же, всего пару десятков попыток и я одолел первый уровень в речевой зарядке для дикторов. Я посмотрел в бумажку, что следующим? Прохлюпать губами как лошадь и потом немного отдохнуть? Хорошо...

— Вячеслав? — ну вот так всегда. Стоило мне так хорошо всхрапнуть, да так, что настоящая лошадь наверняка бы удавилась от зависти, как в двери обнаружилась удивленно вззирающая на меня бабулька.

— Нет, но я за него.

— А как мне его найти? — опять моя шутка осталась не понятой.

— Извините — я вздохнул — я Вячеслав, что вы хотели?

— Вам повестка — она протянула мне какой-то сероватый листочек — с распиской в получении.

Надо же, первый раз ко мне почтальонша приходит, обычно передавали. Я пробежался глазами по тексту: «Вам надлежит явиться в...». Ага, снова в милицию, но хоть зовут ногами прийти, а не везут под конвоем, что уже радует

— Спасибо — я расписался напротив указанной узловатым пальцем строчки.

На этот раз, прежде чем продолжить разминку для дикторов, я проверил что дверь закрыта. «Все бодры додры...». Ну вот, всего пять минут прошло, а уже сбился.

Я взглянул на недавно повешенные на стенку часы. Да ну эту зарядку, пора в эфир.

Глубоко вздохнув несколько раз, я натянул на лицо самую широкую улыбку и перевел переключатель в положение «микрофон».

— Доброе утро! С вами в эфире Калининская городская больница. Я выглянул утром в окно — судя по всему, сегодня у нас намечается легкий дождик, так что не забудьте прикрыть окна и форточки. А теперь о приятном. Сегодня у нас принимают поздравления... — отлично, не сбился. Я взглянул на листочек — а теперь немного про дни рождения и можно будет включить пластинку.

Знали бы вы, какие битвы отгремели за такую мелочь, как формат вещания. Особенно рьяно в этом участвовала Ирина Евгеньевна. Главсестра требовала, что бы никаких шуточек и прибауточек не было, только один сплошной официоз. «Уважаемые товарищи, сегодня, в день, когда случилось исключительное нечто, весь советский народ как один...» — вот самый приемлемый вариант по ее мнению. А лучше вообще без отсебятины и только транслировать то, что приняли из столицы. Но тут уже я уперся — на мой взгляд, официоза и так было достаточно везде, да и прием передач из Москвы не всегда был хорошего

качества. Ну как не был... Достаточно ручку настройки чуточку повернуть и вот — все слышат, что шипит и местами даже хрюкает, а такое на всю больницу пускать никак нельзя. Радиоволны — это такая штука, что любая помеха по пути и все: шум и треск обеспечены.

Конец нашим жарким баталиям положил Василий Васильевич. Он предложил просто взять и попробовать. А через месяц-другой подвести результаты. В итоге я теперь стал таким радио диджеем местного разлива. В восемь утра включаюсь на часик-другой и повторяю такой же заход вечером. Немного объявлений, немного шуток, пара-тройка песен с пластинок по заявкам и все остальное время — что приемник поймает.

Но вообще мне кажется, что я уже победил, хоть и заочно. Дело в том, что совершенно случайно обнаружился неисчерпаемый источник новостей для меня. В сестринской оказался журнал, в который заносилось все более-менее значимое, что произошло в больнице. Подозреваю, что основное предназначение журнала для проверяющих органов, но и мне нашлось чем поживиться. Читаешь, находишь что-то позитивное и в результате в эфир уходит «И в очередной раз медсестра Тося Антипова подтвердила свою высочайшую квалификацию. Сложнейшая перевязка, осуществленная ею, получила оценки «отлично» от всех врачей отделения». Мелочь? Конечно, мелочь. Особенно если убрать лишние эпитеты. Ведь для больницы перевязка обычнейшее дело, и умение делать ее хорошо — основа основ для медсестры. Но эта мелочь внезапно для меня запустила мощнейшие подводные течения в коллективе. Нет, портить соседскую работу еще не додумались, но интриговали за упоминание будь здоров. Каждому хотелось услышать хвалу в свою честь на всю больницу, причем не на каком-нибудь отчетно-перевыборном собрании раз в квартал, а именно сейчас.

Более того, оказалось, что как и любое советское предприятие с радиорубкой, больница состояла на каком-то там учете и по этому поводу ей была положена регулярная доза пластинок. Каждый месяц в больницу из Апрелевки приходила здоровенная коробка, в которой было по 5–6 копий разных пластинок. Вместе с откровенным шлаком типа «Выступление Ленина на очередном заводе в честь чего-то там», приходили и востребованные народом. Поначалу, дорвавшись до недоступного ранее, слушали все подряд, но потом как-то сам собой сформировалась «музыкальная редакция» из числа наиболее отбитых меломанок, на которую я и свалил с радостью всю боль выбора песен. Иначе мне уже проходу стали не давать — все встречные-поперечные первым делом требовали поставить «Голубой дунай» и выясняли, почему я так не люблю Марка Бернеса, раз ставлю его так мало. А как его много ставить, если у меня есть всего одна пластинка с ним?

— И в конце моего включения, весь коллектив больницы еще раз поздравляет с днем рождения замечательную работницу нашей столовой Зину Прудову. Пусть здоровье не подводит, В доме мир, любовь живут... — вот вроде еще одна мелочь, поздравить с днем рождения и прочитать вслед глупый стишок, но тут дамы почему-то дико млели от таких поздравлений, особенно в исполнении «средства массовой информации». Впервые опробовав такое поздравление на бухгалтерии, я тут же насильно был включен в процедуру кормления вкуснейшими пирожками, регулярно притаскиваемыми бухгалтершами «к чаю». И что самое приятное для моей тушки, работницы столовой совершенно не собирались сдаваться в таком очень важном деле...

— Вот, мы сделали! — передо мной лежала лампочка из светильника, какой-то переключатель и куча проводов, все это объединяющих. За конструкцией ровными рядками стояли квадратные батарейки. На глаз эдак штук тридцать, если не больше.

Каюсь, я снова воспользовался бесплатной рабочей силой. Вернее, не столько силой, сколько знаниями о реалиях жизни в СССР в 1950 м году. Ну никак у меня не получалось найти сколько-нибудь достоверных знаний о доступных сейчас химических источниках тока. Поначалу сунулся было к автомобилистам за аккумуляторами, но после изучения имеющихся батарей я эту идею оставил. Ну посудите сами — «стартерная аккумуляторная батарея З-СТА-V» имела корпус из дерева, отчего обожала протекать и от этого нуждалась в постоянном присмотре. Правда, механики говорили, что уже видели машины с нормальными батареями, но толку-то. Тащить в операционную такие штуковины и соображать где-то место для их зарядки и обслуживания... Я не враг самому себе. Были и другие варианты, но они все были очень странными на взгляд человека из 20го века. Как вам батарейки, для работы которых надо откручивать на них пробки? В общем, я составил некое подобие технического задания, которым и кинул в ребят с радиоклуба. Пионеры, еще не до конца отошедшие от сокровищ пещеры Алладина, прониклись возложенной на них задачей и уточнив пару мелких деталей, ушли творить. Транцев даже как-то в шутку пожаловался, что в кои-то веки исчезла очередь на место оператора станции, дескать проводи связи сколько хочешь, никто за плечом не стоит и не торопит.

Я еще раз с удовольствием осмотрел предложенное и перевел взгляд на плакат, прибитый маленькими гвоздиками прямо к стене. Ну а чего, у нас тут считай презентация и все по-взрослому. Присмотревшись, я понял, что пацаны в общем-то взяли мою идею с реле и только добавили немного современных решений.

Суть схемы проста: реле и сборная батарея из батареек, соединенных через галетный переключатель. Если нет внешнего электричества, то реле соединяет батарею с лампой. Если электричество появилось, то реле своими контактами возвращает первоначальную схему питания светильника. Проблему с тем, что солевые батарейки довольно быстро теряют напряжение, решили очень просто: с каждым шагом переключателя все больше батарей переключались из параллельного режима в последовательный. Да, на последних шагах это приходилось делать чуть ли не каждую минуту, но зато заявленная конструкция с запасом перекрывала требуемое время свечения.

— Просто молодцы. — похвалил я ребят — теперь давайте собирайте это в корпус и можно будет производить испытания в реальных условиях.

— А мы уже — мне продемонстрировали здоровенный ящик, окрашенный почему-то в красный цвет.

— А почему в красный? — тут же поинтересовался я.

— Не было белой краски нигде, в итоге заняли у авиамоделистов

Ладно, нам не красота нужна, а функциональность, поэтому пойдет, особенно для первого раза.

— Надо же, и вы уверены, что это сработает? — рассмотрев содержимое, спросил у меня Василий Васильевич

— А чего ему не сработать, схема-то простая. Да и если что случится, то я буду рядом — постарался я приглушить опасения главврача.

— Хорошо, давайте подберем операцию попроще — он полистал какой-то журнал — вот. У нас послезавтра по плану удаление аппендицита. У Агриппины Никитичны. Самая простая операция. Хотя она же может стать и самой сложной... Успеете все подготовить?

— Конечно! — я на самом деле был уверен в этом, ибо уже тех событий с

предохранителем уже успел набить руку на этих светильниках.

Получив разрешение, на этой позитивной ноте я ломанулся сайгаком к Никитичне. Обрадовав ее тем, что скоро будем делать операцию с использованием самых новейших изобретений человечества, я помчался за инструментами. Агриппина Никитична конечно немного поворчала для приличия, но дала доступ до операционной. Ну а дальше все просто — разорвать провод от трансформатора к лампе и в разрыв воткнуть наш дивайс. Если что — просто закорочу место разрыва и все работает как изначально задумывалось конструкторами.

По-моему, в день операции я волновался больше всех. Как же, мое, ну хорошо, почти мое изобретение сегодня впервые будет опробовано в реальной обстановке. Вот пионеры молодцы — притащили откуда-то стулья, расселись рядом и играют тихонечко в какую-то игру, как будто им и не интересно совсем. А я вот не могу успокоиться — в очередной раз мысленно пробежавшись по всему, что может сломаться и удостоверившись, что все необходимое у меня есть, я начал все сначала. Выпил бы для успокоения, но это вообще ни в какие рамки не залезет...

— Так, Вячеслав, а теперь давайте проверим вашу конструкцию — голос Василь Васильевича вырвал меня из напряженного ожидания. Я поднял голову — главврач стоял чуть поодаль от операционного стола и наблюдал за проводящим операцию хирургом.

Чуть наклонившись, я выдернул вилку из розетки. Казалось прошла целая вечность до щелчка реле. Но произошло все так, как я и рассказывал всем до операции. Реле щелкнуло, светильник чуть мигнул и на этом все спецэффекты закончились.

Я начал считать про себя. И раз, и два, и три... Где-то на двух тысячах мне пришлось первый раз повернуть переключатель, добавляя яркости лампе.

— Вадим Михайлович, мне кажется или новый свет более комфортен? — что-то брякнуло в кювете.

— Да, Василь Василич, совершенно с вами согласен

— Вячеслав Владимирович, включите установку назад — о, это уже мне. Я воткнул вилку в розетку.

— Да, определенно эффект чувствуется. При старом свете есть едва уловимое мерцание на острых гранях...

Я удивленно переводил взгляд с одного на другого. Мужики, вы чего, видите 50Гц пульсаций у лампы накаливания? Я просто не верю в это. Не те мощности, не то окружение... Однако оба врача заставляли меня раз за разом переключаться с автономного питания на внешнее и все больше убеждались в том, что на батарейном питании свет для них приятнее.

— У меня батареек осталось буквально на несколько минут — щелкнув галетником в последнее положение, предупредил я врачей. Вот ведь, у них пациент на столе, а они светом балуются.

— Ну и хорошо, давайте оценим падение яркости на последнем этапе. — оба врача чуть ли не уткнулись носами в брюхо пациента, внимательно рассматривая что-то внутри. Нет, я знал что хирурги еще те экспериментаторы, но что бы вот так, на живом человеке...

— Вячеслав, не беспокойтесь, основная часть операции уже давно завершена — Никитична заметила охреневшее выражение моего лица и поспешила меня успокоить — но новый свет и в самом деле приятнее для глаз, даже когда он не такой яркий.

И эта туда же... Я задумался — нет причины им не верить. Но из-за чего может лампа

мерцать? Только пульсации из сети, больше их вызвать ничего не может. Но схема питания светильника примитивная до безобразия — трансформатор, два кенотрона и батарея конденсаторов. Вариант «в сети изменилась частота» отметаю сразу — последствия этого бабахнут сразу и везде. Значит либо выпрямители не выпрямляют, либо кондеры не сглаживают — больше нечему там ломаться. Ладно, разберусь.

Светильник уже практически перестал давать свет и я, не дожидаясь команды, снова воткнул вилку в розетку.

— Хорошо, эксперимент можно считать завершенным, так же как и операцию — тут же раздалось от стола. Интриганы хреновы...

Стоило выехать каталке с больным, как Василий Васильевич сам вышел в коридор и позвал ожидающих результатов операции ребят внутрь. Операционная после операции разительно отличается от операционной до, поэтому ребята восторженно крутили головами, пытаясь увидеть все.

— Итак — Василий Васильевич негромко похлопал в ладоши, привлекая внимание — сегодня, буквально только что, тут завершилась операция, ставшая родоначальницей...

Ничего себе из него официоз попер какой. Однако «основоположникам новых методов» и «конструкторам новых приемов» такая речуга более чем зашла. Вон, стоят рядком, открыв рот и боятся хоть слово пропустить. А главврач разливается соловьем, рассказывая нам всем, что мир стал лучше и красивее, а главное — веселее. Внезапно откуда-то появился фотограф и собрав нас плотной кучкой, сфотографировал. Потом было еще несколько снимков в духе «изобретатели напряженно смотрят внутрь прибора», но я сославшись на полученную ранее повестку, покинул ставшее дико пафосным место. Хм-м... чего-то я язвительный больно стал, неужели откат после волнений пошел? И ведь чаем такое не снимешь.

Интересно, здания госучреждений тут по одному проекту делали, что ли? Районное отделение милиции было практически точной копией транспортного, где я провел незабываемую ночь. Правда тут при входе на здании вывесок было гораздо больше, но зато внутри все было так же. И широкая лестница на второй этаж и стойка с дежурными. Показав дежурному повестку, я поднялся на третий этаж и коротко постучавшись, толкнул дверь.

Внутри оказалось аж шесть столов, за которыми в окружении папок сидели фемины. Никакого другого определения мне в голову не пришло. На баб они не тянули, а товарищи были для меня как-то перебором.

— Девушки, я Брянский — и сверившись еще раз с повесткой — к Ерофеевой

— Проходите ко мне — меня поманила к себе женщина с землистым лицом. Может мне, как работнику больницы, порекомендовать ей больше отдыхать? А то вон какие мешки под глазами...

— Распишетесь тут, потом вот тут и тут, я там отметила галочками — ко мне была пододвинута папка, поверх которой лежали тоненькой стопкой листочки. Я взял и перелистал полученное — «Постановление о прекращении уголовного дела», «Уведомление о постановке на учет», «Требование о предоставлении» и еще куча листиков с аналогичными шапками. Ладно, сейчас разберусь...

Поставив свою подпись под последним листочком, я глубоко вздохнул. Все, теперь я чебурашка и каждая дворняжка... Тьфу, тут другое надо — читайте, завидуйте, я гражданин Советского Союза! В листиках под роспись меня извещали, что уголовное дело на меня закрыто, я признан невиновным, честным и вообще очень хорошим человеком. Мне теперь

полагается паспорт, койко-место в общежитии при больнице и оплачиваемая работа по специальности там же. Правда, сама специальность не была указана, но видимо это уже головная боль бухгалтерии.

Просмотрев, не забыл ли я где расписаться, эта самая Ерофеева подтолкнула ко мне копии постановлений-уведомлений и дежурно поздравив, отпустила. В ответ я благодаря за уделенное время, еще раз обозвал ее девушкой. Мне не сложно, а ей приятно.

Выйдя на крыльцо, я посмотрел на уже начавшее заходить солнце и потянулся. Вот вроде и был-то всего ничего, а как будто испачкался в чем-то...

— Оппа, Электрик. Наше вам — внезапно ко мне обратился стоящий неподалеку мужик

— Жмых? — заправленные в сапоги брюки и засаленная кепка тут же вытащили ключку совместного сидельца — а ты тут какими судьбами, вроде же на зону должен был уехать?

— Фартануло, шапиро попал в самый цвет — он сплюнул — так что приземлился я подметалой у сявок на полгода. Но зато бабки чистые на карман упадут и перед мильтонами не замазан.

— У меня лучше. Дело закрыли, справку дали. Я теперь гражданин, а не лох — поделился я в ответ своим успехом.

— Так может, по такому поводу — пошли, да отметим это дело?

— Не, не могу, я на мели конкретно — ну не рассказывать же, что все это время я живу исключительно на подачки от больницы. Да хорошо, да много, но живые деньги я видел исключительно в чужих руках.

— Ну тогда пошли хоть по кружечке пивка бахнем, я угощаю.

— Ну раз угощаешь...

Конечно, одной кружечкой пива мы не ограничились, но от настойчиво предлагаемого похода в ресторан я все-таки отказался. Облик не тот, да после второй кружки меня подозрения всякие одолели. Не просто же так я встретил едва знакомого уголовника прямо на выходе...

Сижу и смотрю на листик с грозной шапкой «Всесоюзный комитет по делам физической культуры и спорта при Совете министров СССР». В нем черным по белому от всех градообразующих предприятий города Калинина требуют отчитаться о проведенных спортивных мероприятиях с сотрудниками. Странно, градообразующими вроде считаются только те, которые дают работу значительной части населения города, а в больнице персонала даже до тысячи людей не наберется. Однако я на всякий случай пару раз проверил — мы есть в списке, а значит не отвертимся.

Почему я? Доброе начальство в лице Василь Васильевича, вспомнив о моих успехах в деле отражения пионерского десанта, на очередной планерке прямо перед всем коллективом и вручил мне этот приказ. Дескать, давай, сотвори что-нибудь с огоньком, а мы поддержим, не так ли товарищи? Товарищи, услышав о том, что этим заниматься придется не им, конечно согласились и поддержали мое назначение с небывалым энтузиазмом. Особенно сильно поддержала мое назначение наша главсестра, Ирина Евгеньевна. Я было удивился, но стоило вернуться на свое место, как Михаил мне тут же объяснил, что именно она последние три года была ответственной за это.

Ладно, раз желаете спорта, то будет вам спорт. Поначалу я решил пойти проторенным путем — объявлю о создании кружка шахмат и будем вместе с больными под сенью деревьев проводить междупланетные чемпионаты. Однако придя с этой идеей к главврачу, был отправлен назад еще думать. Ибо были уже и шахматные кружки и секции бокса и даже были попытки устроить секцию спортивного плавания на городском пляже. Летом-то еще ничего, позагорать и пивка выпить можно, а вот зимой добираться до бассейна в доме физкультуры ВЦСПС желающих было очень мало. В общем, коллектив в больнице подобрался совершенно не желающий тратить свое личное время на спорт.

Запершись в своей каморке, я достал чистый листочек бумаги и стал вспоминать, что мне известно про массовый спорт в будущем. Итак, всякие олимпиады и чемпионаты сразу отмечаем — там от спорта давно ничего не осталось, только бабло и зрелищность. Куда пойдет обычный человек, нет вычеркнуть, у нас в больнице коллектив преимущественно женский... Итак, где может потратить лишние калории ну вот та же Ирина Евгеньевна? Во-первых, в фитнес. Берем старый и обшарпанный физкультурный центр, ремонтируем, добавляем всяких спа с обертываниями и вуаля, готова приманка для желающих потратить свои деньги. Во-вторых, всякие диеты. Из-за встроеной садомазохичности, дамы ради мнимой красоты и скидывания пары килограммов готовы сожрать любой ужас. Или наоборот, не жрать, что бы потом «на отскоке» набрать еще больше. И наконец, ЗОЖ. Вот эти вот прогулки на свежем воздухе, отдельное питание и прочие «после шести не ем».

Что у нас в наличии? Ну всяких фитнес-центров тут пока нет, значит вычеркиваем. Диеты. Тут женщины лучше меня знают про всяких Певзнеров и Дюканов. Тоже мимо. А вот по зожничеству можно цинично потоптаться, особенно с высоты послезнания. Теперь осталось придумать, как это подвязать с отчетами в этот комитет физкультурников. Кстати, а что вообще там пишут?

Открыл прошлогодние отчеты. Итак, движение «за здоровье сотрудников». Поход в город Кашин на минеральные источники. Аж десять человек смогла собрать главсестра. Чего ей, нолик было лень приписать? Хотя нет, такую толпу в Кашине бы запомнили, а

потом еще кто стукнет куда положено за растрату государственных средств. Что еще? Участие в отборочных соревнованиях по футболу. Это какой же такой компромат она на врачей набрала, что заставила их выйти на поле? Но в любом случае, хоть удача к врачебной команде и не пришла, но галочку поставили. Поездка в тренировочный лагерь, поход в горы... Нет, все не то, повторяться мне никак нельзя. Я убрал отчеты подальше. Ладно, зайду еще раз и с другой стороны. Я достал еще один листочек.

Итак, с одной стороны, мне надо сделать отчет, что Н, а лучше М людей занялись какой-то спортивной фигней. С другой стороны, эти люди должны заниматься этой фигней добровольно, что бы числа М и Н были большими. Так как большая часть спортсменов у нас спортсменки, то прежде всего надо исходить из их пожеланий. А какие пожелания у женщин? Быть красивыми, неотразимыми и из-за этого желанными в мужских глазах. Причем желательно без особого труда, ибо лень, но это нормально. Мужики тоже никогда не откажутся от увеличивающей привлекательность магии. Хотя любой вымытый и причесанный мужик и так уже неотразим — по себе знаю!

Опять меня понесло не туда. Итак, с одной стороны женщины, красота, мало усилий и времени. С другой стороны — отчет, в котором много женщин. Перед моими глазами встал парад физкультурниц, увиденный мной как-то на компьютере. Белые обтягивающие майки, черные шорты, улыбающиеся девушки несут флаги, а особо одаренные встают друг на друга и составляют разные фигуры. И вот эта вся колонна заходит в больницу и чеканя шаг, распевает речевки по отделениям... Бррр — я помотал головой и замер, пораженный еще одним воспоминанием: производственная гимнастика! «Мы писали, мы писали. Наши пальчики устали. Мы немного отдохнем и опять писать начнем» — еще в школе прямо на уроке регулярно заставляли выйти из-за парты и потрясти руками. Тут такого точно нет!

Итак, еще один листочек, пишем для заправки «В связи с многочисленными исследованиями, показывающими, что лица, занимающиеся физической культурой, болеют на 10–20 процентов меньше, а так же обладают более высокой производительностью труда». Оглядел еще раз написанное. Отлично. Теперь следом надо про улучшение настроения и микроклимата в коллективе, только по научному, поэтому бегом в библиотеку. Милейшая Любовь Борисовна в очередной раз перевела мои сбивчивые пожелания в поисковый запрос и через некоторое время я, высунув язык от усердия, тщательно переписывал фразы из какого-то медицинского журнала.

Итак, упражнения не отходя от стола обеспечивают «эффект расширения диапазона резистентности, а именно расширение диапазона активности под влиянием мышечной деятельности характеризующее увеличение резервных возможностей организма». Ух какая фраза получилась про «меньше соплей», надо будет ее первой воткнуть. Теперь про красоту. Упражняясь около стола, получим «компенсирующий эффект, так занятия физическими упражнениями погашают двигательную недостаточность, гипокинезию, которая ухудшает регуляцию важнейших функциональных систем организма, трофику тканей и приводит к преждевременному старению». Вот! Не хочешь быть старухой — двигай жопой каждый день по пять минут! Ну и теперь немного про последствия. Помахав руками, у наших женщин возникнет «моторно-висцеротрофический эффект, в виде моторно-висцерального рефлекса, субъективно воспринимаемый как мышечная радость». Вот ведь доктора какие. Ну кому еще в трезвом уме и памяти получится придумать такое слово, как висцеральный?

Так, а почему я больных оставил без внимания? Кто не мертвый, тоже будет руками и ногами в такт музыки шевелить. Таким образом в графе «охват оздоравливающими

мероприятиями» можно получить цифру и побольше, чем жалкие 100 %. Ведь мало кто проводит в больнице много времени, поэтому так сказать, на «оборотах» и наберем численность, причем с таким железобетонным обоснованием, что ни один проверяющий не прикопается.

Я еще раз перечитал написанное. Чего-то не хватает... Во! «А для повышения личной заинтересованности сотрудниц, вместе с физическими упражнениями будут зачитываться короткие полезные советы из таких журналов, как «Работница», «Крестьянка» и «Советская женщина», а в случае появления интересных материалов в медицинских журналах, то и из них». Вот, теперь совсем хорошо — ведь вместе с физкультурой еще и просвещением занимаемся. Сейчас быстренько набросаю несколько упражнений для примера и пойду к Василий Васильевичу за одобрением...

— Итак, ноги на ширине плеч, руки на бедрах и начинаем делать плавные круговые движения тазом. И-и-и-раз! И-и-и-два! Не останавливаемся! Делаем глубокие выпады! Ведь как мы знаем, мышцы бедер участвуют в формировании вашего прекрасного образа! И-и-и-раз! И еще раз!... Влево! Вправо!... Закончили упражнение — я перелистнул страницу. Самое главное тут — попасть в такт играющей какой-то мелодии. Что там следующее?

— Руки остаются на поясе. Чуть согните ноги и сделайте легкий прыжок вверх приподнимаясь на вытянутых носочках! Раз-два! В данном упражнении в основном напрягаются мышцы лодыжек, делая их совершенно неотразимыми! И раз! И два! Продолжайте товарищи! — так, главное сохранить серьезность и не заржать. Вид скачущей поварахи, уходи из моей головы!

— Поднимите прямые руки над головой через бока, глубоко вздохните через рот и медленно опустите руки, одновременно выдыхая через нос! Не забываем обогащать кровь кислородом, ведь от этого зависит цвет вашего лица! — а так же дает прекрасное зрелище мужикам. Ведь физические упражнения должны учитывать мнение всего коллектива, верно?

— А теперь рецепт, который я нашел в американском журнале «дом это просто»... — представьте мое удивление, когда я обнаружил Simple Home в библиотеке? Может, мне стоит подсуетиться и сделать бурду или гламур? А то ни выкроек, ни мод, одни рисунки «как хорошо живется женщинам в СССР».

— Рецепт подтягивающей маски для лица. Замочите немного желатина в воде. Когда он разбухнет, поставьте его на водяную баню и постепенно добавляйте молоко и тальк, что бы получилась однородная масса чуть гуще сметаны. Потом остудите и нанесите на 20–30 минут на чисто вымытое лицо. Девочки, я попробовал на себе — совершенно замечательный эффект! — Хорошо, что про геев тут никто не знает, а то бы записали без промедления. Ухаживающий за собой мужик, хоть и принуждению — это либо сумасшедший, либо шпион импортный. Ну не актер же он? Я действительно прежде чем выдать хоть что-то в эфир, либо пытался это сделать сам, либо консультировался со знающими людьми. И этой маской я вчера добросовестно измазал себя всего, вызвав у Михаила дикий смех, вскоре перешедший в истерику со всхлипами. Даже засовывание головы под воду не помогало — стоило ему взглянуть на меня, как все начиналось сначала...

— И в конце нашей гимнастики хочу напомнить всем: вы лучшие! И до завтра! — поначалу отнесшиеся к новому веянию критически, дескать «опять там дуркуют», врачи и медсестры вскоре очень внимательно слушали мои передачи. Поначалу только для того, что бы ткнуть меня носом в мою полнейшую медицинскую непригодность. Дескать, цвет той же

кожи лица зависит от билирубина всяких, а от гемоглобина в последнюю очередь, так что не надо тут профанацией заниматься. Но после того как наполовину вычитанный, наполовину вспомненный рецепт по уменьшению мешков под глазами дал массовый эффект, любое поползновение в мою сторону пресекалось самими страждущими «нас же еще и больные слушают, а они медицинскую терминологию не понимают». А что больше мешки убрало — длительный сон, холодный компресс или заварка из чайника — я не знаю. Сработало же.

Ладно, пора заняться своими прямыми обязанностями. Я выключил сначала микрофон, потом радиолу, запер дверь и повернувшись, уперся в стоящую прямо за моей спиной медсестру. Ростом мне по плечо, каштановые волосы и симпатичное личико. Я взгляделся — нет, не знакомая. Я вопросительно вскинул брови

— Вячеслав Владимирович — она вскинула руки к груди, собрав ладони в большой кулак — а у вас эта маска осталась? Можно нам немного?

Недалеко послышалось хихиканье. Я повернул голову и увидел торчащие из дверного проема головы. Заметив мое внимание, они пискнули и исчезли. Понятно, послали парламентершу за остатками... И откуда они берутся? Я вроде всю больницу уже обошел и многих в лицо знаю, но каждый раз находчивые девушки находят неизвестную.

— Совершенно не проблема, я сделал немного больше необходимого. — я показал рукой направление — но зачем вам? Ведь у вас и так совершенно прекрасная кожа?

— ... И все равно надо! — После небольшой паузы выдала она. Вот ведь женщина. Провела в голове дискуссию сама с собой, выиграла и выдала результат. Нет, я действительно готовил больше необходимого, особенно после того, как бухгалтерия в полном составе явилась ко мне, требуя продемонстрировать процесс приготовления крема вживую, а потом тут же им обмазавшись. Поначалу я сильно удивлялся, но потом привык и просто стал делать дозы побольше.

Мне не сложно, а женская часть коллектива, регулярно вскипая от переживаний отдельных особей, таким образом ударными темпами знакомилась с понятиями «лечебной косметики». Это для нас «маска из огурцов» это старье и хиханьки. Здесь и сейчас это прорывная и передовая технология, тем более что огурца хватит и одного, плюс потом можно съесть остатки, а то и саму маску. А когда одна из санитарок рискнула повторить озвученный мной рецепт «мази для сухой кожи рук» из алоэ и кунжутного масла, то над результатами гудела вся больница. Ведь на следующее утро она чуть ли не со слезами радости на глазах рассказывала всем встречным и поперечным, что теперь у кожа на руках у нее не шелушится и вообще жизнь наладилась. Ну и как после такого не испробовать новый рецепт, даже если кто-то и говорит глупости про «не надо»? Если можно стать хоть чуточку красивее, значит делаем и никаких сомнений!

Вручив кастрюльку с кремом и полюбовавшись на осторожно держащую драгоценную субстанцию девушку, я попросил потом вернуть кастрюльку мне для будущих опытов. Нет, на кухне под такое дело мне сколько хочешь выдадут, но совесть-то иметь надо...

Наконец-то сошлось! Второй день подряд, не разгибаясь и не отвлекаясь на постороннее, я проводил инвентаризацию имеющегося на моем складе. Потому что на следующей неделе, совершенно внезапно, ко мне нагрянет ревизия и мне надо быть к ней готовым. Вообще я за себя был совершенно спокоен: налево ничего не уходило и вечером я садился и тщательно записывал в положенные места приход-расход лампочек,

предохранителей и прочих батареек. Но человеческая память не совершенна, поэтому иногда у меня были недостатки или наоборот излишки. Не смотря на то, что каждый раз я давал себе слово «ну вот теперь-то точно все записывать буду», а несколько дней таскал прямо с собой тетрадь для записей, разночтения все равно откуда-то вылазили.

Я обвел еще раз получившуюся цифру и еще раз пробежался взглядом по открытым коробкам. Вот хоть кто сейчас зайдя, а у меня раз и ровно 257 лампочек разных номиналов. Правда, из них 86 сгоревшие и приготовлены к утилизации, но это к делу учета материальных ценностей не относится. Учтены же!

— Извините, а это вы ведете трансляции? — я поднял голову. В проеме двери стоял, опираясь на костыль, молодой парень в больничной пижаме.

— Да, я веду. Совмещаю, так сказать вместе с основной работой.

— Меня зовут Сергей, я на первом курсе МГИМО учусь — спохватившись, он представился.

— Вячеслав, местный электрик — не остался в долгу я — на каникулах?

— Да, ехал в деревню к родственникам, да неудачно прыгнул с машины. В итоге вот — он пристукнул костылем об пол — теперь как пират выгляжу.

— Но вообще я зачем зашел — снова оперся он на костыль — вот послушал вас и в голове словно молния пролетела. Ведь можно так книги читать! И стихи!

— Можно — согласился я — в нынешних условиях, когда радиофикация всей страны идет гигантскими шагами, такое будет востребовано.

— А можно мне попробовать?

— Что попробовать? — не понял я

— Ну прочитайте рассказ например. Что бы вся больница услышала — он внезапно смутился.

— Да нет проблем — обнадежил его я — немного потренируйтесь перед зеркалом и приходите. Если главврач одобрит, то тут же в эфир и выйдете.

— Ух! Ну тогда я пойду, да? — и не дождавшись ответа, он быстро зацокал костылем прочь.

Странный парень, но идею он напомнил интересную. Маленькие короткие сценки, юмористические или воспитательные, длиной как «ералаш» или «фитиль». Все, что сейчас есть из разговорного жанра, так это радиоспектакли, причем в крайне ограниченном количестве. Если отбросить лениниану, то я знаю только про два — некая «свадьба керчинского» и «20тысяч лье под водой». А ведь уже сейчас всю гремит Райкин — бери и записывай, что бы потом транслировать. Да что Райкин, просто найди анекдоты повеселей и читай — уже будет чем эфир заполнить.

А если взять и еще расширить? Если правильно описать, то передачи типа «что, где, когда» или там «квн» пойдут в народ мгновенно. Да даже скучнейшая «международная панорама» собирала в мое время народ у экранов. А «клуб кинопутешественников»? Любой мальчишка завидовал Сенкевичу, в глубине души осознавая, что уж так-то попутешествовать ему не получится...

Вот ведь этот мгимощник разбередил мне душу. Интересно, а сейчас мгимо уже стал пафосным и пальчатым или все еще обычный институт? Хотя зачем это мне знать сам не понимаю, ведь все равно поступать не собираюсь...

— Вячеслав? — да что такое, сегодня прям день посетителей какой-то. Теперь вот рано лысеющий и немного полноватый мужик.

— Я из областного радиокомитета... — он зачем-то мне показал издалека зеленую корочку — мне подсказали про вас товарищи, случайно услышавшие ваши трансляции.

— Очень рад — я встал и подошел к нему, что бы поздороваться — чем могу помочь?

— Понимаете, у нас на радиостанции недавно произошел конфуз...

— В курсе — кивнул я — и полностью поддерживаю решение.

В Калининне есть своя радиостанция. Называется гордо и пафосно — радиовещательная станция имени Дзержинского. Вещает правда всего пару часов в день и только с новостями, но зато своя. И вот по случаю какого-то праздника единственный диктор перебрал в ресторане и начал всем громко доказывать, что он такой молодец и без него все никто. И ладно бы просто проорался или там стекло разбил от вспыхнувших чувств — все бы все поняли, поругали товарищеским судом и аккуратно спустили дело на тормозах. Но это чудо внезапно на что-то обиделось, включило автопилот и приперлось на станцию, благо она расположена прямо в центре города. Почему его пропустила охрана, мне не известно, зато известны последствия. Включив радиостанцию, он начал выдавать в эфир все то, что только что озвучивал в ресторане. Пока спохватились, пока прибежали — уже наступила пора пьяных песен. И все это в прямом эфире.

И даже так в принципе ничего страшного не произошло. Станция слабенькая, передачи ведутся утром, поэтому слушателей не было. Кроме одного. Петра Георгевича Грачева, замечательного человека, какого-то там секретаря партии и просто главы города. Оказалось, что он попросту забыл выключить радиоприемник после утреннего эфира. Гроз поблизости не было, поэтому тот так и проработал весь день втихомолку, не привлекая внимания. А вот потом задержавшийся на работе Грачев с удивлением слушал очень увлекательную передачу...

Что стало с диктором, я даже не представляю. Но вот то, что его больше никогда не подпустят к эфиру — уверен абсолютно.

— Так вот, теперь мы ищем новые кандидатуры на работу в эфире.

— А я тут причем? Я вас почти каждый день слушаю, там женщина с очень приятным голосом читает новости, и вроде все хорошо.

— Ниночка, наш редактор. Но это совершенно не ее профиль. И даже есть кандидатуры, но Петр Георгиевич категорически потребовал, что бы все новички согласовывались с МГБ.

— Ну после такого я с ним совершенно согласен. Но все равно не понимаю, при чем тут я. То, что тут происходит — чистойшей воды импровизация, не рассчитанная на большую аудиторию...

— На данный момент вы единственный, кого товарищи охарактеризовали исключительно положительно. И вот, даже выписку дали — он достал из кармана смятый листочек и чуть прищурившись, прочитал с него — вы характеризуетесь как обладающий великолепными аналитическими способностями. У нас в планах расширение вещания и нам категорически нужны такие люди как вы — он аж всхлипнул от избытка чувств ко мне

Знаю я того, кто такую выписку мне дал. Редиска профессорская, Егоров его фамилия, дружан нашего Василь Васильевича. Написал такую бумагу в МГБ, сексот недоделанный что теперь фиг докажешь свою тупизну.

— Не могу — в притворном сожалении я развел руками — у меня даже паспорта еще нет...

— И все же, если отбросить проблемы, вы бы согласились?

— Так кто же не согласится, если проблем не будет... — я где-то читал, что с

сумасшедшими надо соглашаться. Он бы меня еще к Левитану в пару позвал...

— Отлично, тогда завтра увидимся! — радостно он прокричал уже на бегу

Странный день, странные люди. Ладно, инвентаризацию закончил, посетителей больше нет. Теперь надо проверить новый крем против морщин. Что там у нас в рецепте? Касторка, отвар ромашки и липового цвета, перемешать и потом добавить сливочное масло. Касторку возьму у врачей, масло в столовой. Ромашку наверное у фармацевтов найти можно...

А вот, черт побери, что из себя представляет этот липовый цвет?

— ... И на этом позвольте закончить мою утреннюю программу. Милые женщины, я не устану повторять — вы прекрасны! — закончив, я чуть подождал и щелкнул тумблером, отключив микрофон от трансляции. Вот сегодня прямо отлично все прошло: ни разу не запнулся и не сбился. Всегда бы так... Ладно, хорошего понемногу. У меня на сегодня еще три заявки лежат. Две мелочь, а вот с третьей, чует моя пятая точка, придется немного повозиться. Встав со стула, я надел халат и вернул на лоб свой фонарик. Врачей в больнице много, а электриков мало, поэтому приходится соответствовать.

Однако сразу около двери меня поджидали старые знакомые в черной форме. Надо же, МГБ опять явилось по мою душу. Удивленный, я покрутил головой в поисках ожидающей меня медсестры. Этот ритуал уже стал для меня привычным и я не хотел его пропускать — все-таки каждый день новое знакомство. Медсестра обнаружилась за дверями сестринской, старательно делая вид, что она тут по делу. Конспираторша фигова, хоть что-нибудь в руки взяла, иначе у товарищей могут возникнуть резонные вопросы. Ну что может делать медсестра с косяком двери, да еще столько времени?

— Николай, Василий — ничего плохого от них я не видел, поэтому подошел поздороваться первым — какими судьбами?

— Товарищ Брянцев — они немного помялись, но ответили на рукопожатие — у нас есть приказ обеспечить проведение с Вами соответствующих списку мероприятий.

— Нда-с. Немного удивительно для меня, ведь вроде дело закрыто. Но совершенно не проблема — согласился я — вот сейчас сей прекрасной чаровнице выдам положенное подношение и я весь весь ваш. — я кивнул на мгновенно заалевшую медсестру

Оба МГБэшника внимательно посмотрели на медсестру, видимо пытаюсь найти в ее немного поплывшей фигуре описанные мной черты. Медсестра под прицелом двух мужских взглядов задергалась, пытаясь куда-то деть вдруг ставшие неуклюжими руки. Я хмыкнул, подошел к ней и немного карикатурно изогнувшись, предложил ей свою руку «колечком». Выражение отчаяния на лице медсестры сменилось на изумление, которое следом мгновенно сменилось радостью. Она тут же повисла на мне, немного обиженно оглядываясь по сторонам в поисках отсутствующих соперниц.

Таким макаром мы прошли до моей каморки, где я вручил страждущей кастрюлю с сделанным по очередному рецепту кремом. Получив желаемое, та буквально испарилась, не желая больше испытывать терпение силовиков. Я повесил халат на вешалку, снял с головы фонарик и положил его на стол.

— Все. Я готов — на всякий случай оглядевшись на предмет беспорядка, я закрыл дверь и повернулся к МГБшникам.

Николай достал из висящей на боку планшетки лист и взглянув на него, произнес: «пункт первый, паспортный стол»...

Я сидел, мрачно уставившись на шапку документа. «Комитет радиосообщения при Совете Министров СССР», не хухры-мухры. Чуть ниже тоже неплохое название — «отдел защиты государственной тайны». Я вздохнул и пододвинул к себе еще один листок. «Указ Президиума Верховного Совета СССР от 9 июня 1947 года», с заголовком «Об ответственности за разглашение государственной тайны и за утрату документов, содержащих

государственную тайну». Я внимательно прочитал — если просто потреплю языком, то от 8ми до 12ти лет лагерей. А если документы потеряю — то всего от 4х до 6ти. Прямо интересно, отчего такой дисбаланс? Хотя вот, написано дальше — если последствия будут тяжкими, то от 6ти до 10ти. В общем, болтать языком не выгодно, как ни крути. Подтянув к себе указ, я открыл себе для взора еще пару книжечек. «Перечень сведений, составляющих государственную тайну» и «Мероприятия по обеспечению сохранности государственной тайны». А нет, вот еще одна спряталась: «Мероприятия по учету средств радиоинформации».

Разложив все эти бумажки перед собой веером, я брал их по одной и перечитывал, пытаюсь найти в них скрытый смысл. Да, я сидел на расстоянии в несколько подписей от начавшегося так неожиданно нового этапа своей жизни.

Внезапно вчерашний лысый мужик оказался вовсе не сумасшедшим. Этот толстячок реально был начальником областного радиокомитета, который после моего легкомысленного согласия развил бурную деятельность, надавив на все педали и дернув за все рычаги, что у него были. Видимо, вопрос стоящий перед ним был очень важный, потому что бюрократическая машина неожиданно для меня быстро провернулась, выплюнув пачку касающихся меня приказов, распоряжений и указаний.

Согласно какому-то из них, Николаю и Василию выдали четкий приказ, следуя которому они двинулись вместе со мной по заранее составленному кем-то списку. Ошарашенный скоростью, я даже не стал спрашивать, зачем нужно столько народу для такой работы. То ли для более качественного конвоя, то ли они только парой и работают...

Мы вваливались в организации, полностью игнорируя очереди, обеденные перерывы и прочие подобные мелочи. Кто-то из моего конвойного сопровождения подходил к начальнику, показывал удостоверение, следом на стол ложился соответствующий документ. В ста процентах из ста вокруг меня образовывался водоворот людей, которые что-то делали, спрашивали и выдавали. Потом водоворот стихал и мы ехали в следующее по списку место. За несколько часов я получил паспорт, открыл счет в «гострудсберкассе», наконец-то официально устроился и тут же уволился из больницы. Благодаря медсестре слухи обо мне пошли самые страшные, потому что сотрудницы бухгалтерии вручали мне бумажный кулек с пирожками со слезами на глазах. Но мне нечем было их утешить, потому что и сам был не в курсе происходящего. А лыбящиеся МГБшники отделялись от меня ничего не значащими фразами типа «когда надо, тогда узнаешь» и «не имеем приказа». И ведь даже пирожки, которые мы заточили на троих, не поколебали их решения оставить меня в неизвестности. Хорошо, что где-то после обеда список у них кончился и мои сопровождающие сдали меня с рук на руки своему коллеге, начальнику того самого отдела по защите гостайны.

И вот, сейчас я сижу в самом центре города, на втором этаже почтамта на Советской площади и размышляю, во что меня засосало. С одной стороны, я явно поднялся на пару ступенек в местной иерархии. Вон, паспорт, сберкнижка, какие-то ордера и расчеты ждут меня в папке с завязочками из шнурков. Там даже пару ключей на веревочке есть, только я в суматохе так и не понял, от чего они. С другой стороны, просто так простому, ну хорошо, почти простому электрику не приделывают ракетный ускоритель в виде двух гебешных сотрудников, поэтому наверняка падать будет больно. Ладно, пока только тюрьмой страшат, но в нее не садят, поэтому прорвемся!

Я еще раз тщательно прочитал выданное и вздохнув, начал вписывать свое имя и отчество в заранее оставленные поля. Только «обязательство о неразглашении» пришлось

писать полностью собственноручно, наверное для того, что бы больше проникся возлагаемой ответственностью.

— Ну что, ознакомился наконец? — в комнату заглянул начальник секретки и получив мой подтверждающий кивок, продолжил — ну тогда пошли знакомиться.

Проследив, как я аккуратно собрал все бумаги в одну пачку, он одобрительно кивнул и повел меня по коридору, на полу которого когда-то был паркет. Сейчас узнаваемую елочку можно было разглядеть только по краям, середина же вся была вытоптана до гладкой канавки, на поверхности которой виднелись редкие пятна коричневой краски.

Вскоре мы зашли в комнату, посередине которой стоял здоровенный стол в окружении разнокалиберных стульев. Около окна стоял сердитый молодой парень и раздраженно дымил в форточку. Одно сидячее место было занято тем самым лысым толстяком, который что-то быстро писал на листочке.

— Алексей Павлович, принимайте пополнение! — мой сопровождающий быстро отобрал из пачки, которую я до сих пор держал в руках, листики с моей подписью и тоже сел за стол.

Пожав плечами, я решил не отрываться от коллектива и занял за столом ближайшее к двери место.

— Сейчас-сейчас, одну минуточку! — попросил у меня извинение лысый и продолжил что-то писать. Он явно тут был главный, поэтому я молчаливо согласился. Перо легонько поскрипывало, парень дымил не переставая, в общем делать было нечего, поэтому я стал осматривать помещение. Первый обзор не принес ничего примечательного: обычная комната, два окна с форточками, под ними батареи. Люстры нет, вместо нее сверху сиротливо на проводе свисает одинокая лампочка.

— Итак, Вячеслав Владимирович, я закончил — голос Алексея Павловича заставил меня обратить на него внимание.

— Хоть мы уже и знакомы немного, но тем не менее представлюсь. Алексей Павлович Малеев, председатель областного комитета по радиовещанию.

— С Игорем Степановичем вы уже знакомы — он кивнул на секретчика — А вот с Андреем Леонидовичем Кандауровым еще нет.

Парень у окна посмотрел на меня, сердито буркнул «Привет» и зажег очередную папиросу. Такими темпами у него скоро из ушей никотин начнет капать.

— Прежде чем я вас введу в курс дела... — лысый повернулся к секретчику — все подписано?

— Да, ознакомлен и подписи все на месте.

— Так вот, прежде чем расскажу, из-за чего такая суматоха — Алексей снова повернулся ко мне и пододвинул листочек — ознакомьтесь, пожалуйста с этим документом.

Я взял предложенное. Постановление совета министров номер такой-то, от 49 года. Про новые приемники, которые требуется выпускать только с диапазоном средних и длинных волн. Приемники назвать «Москвич» и «Салют». Или уже готовым присвоить такие названия — тут я не понял. Ну вроде нормально все, никакого криминала.

— Ознакомился — я вернул листик на стол и подтолкнул его назад.

— А теперь ответьте, пожалуйста, каковы на ваш взгляд причины подобного решения про диапазон принимаемых волн? — оппа, а парень у окна подобрался, будто сейчас бросится на меня.

— Только средние и длинные... Никаких коротких или ультракоротких

диапазонов... — я начал делать вид, что размышляю. На самом деле ответ мне был известен. Еще до попадания я интересовался, почему во многих советских приемниках было так. Ведь докрути несколько витков на катушку или смени конденсатор, добавь антенный вход — и практически любой приемник получал возможность принимать передачи на коротких волнах. И даже когда в позднем СССР появились приемники с коротковолновым диапазоном, он был в них исключительно для галочки — чувствительность там была такая низкая, что иногда отличалась на порядок от соседних.

— По каким-то причинам требуется для населения ограничить прием передач от удаленных радиостанций. Особенно в темное время суток — еще немного поизображав размышления, я поделился с окружающим послезнанием.

— Волшебно! — вдруг грохнул ладоням об стол Алексей Павлович. От неожиданности я аж вздрогнул.

— Андрей, как тебе такое, а? — он повернулся всем телом к парню у окна. Тот стоял, удивленно глядя на меня. Папироса прилипшая к нижней губе открытого в изумлении рта делала его облик очень комичным.

— А-а-а... А как это? — наконец отмер он

— Ну короткие волны обладают крайне специфичным поведением — я пожал плечами. — Только они обладают свойством отражаться от ионосферы с крайне малыми потерями. Поэтому на обычный приемник, особенно ночью, возможно услышать станцию, находящуюся за три или даже четыре тысячи километров. Средние и длинные волны такими цифрами похвастаться не могут, не говоря уж об ультракоротких.

— Это же тогда больше станций надо ставить... Но ведь это же тогда вредительство какое-то получается... — начал было парень и тут же заткнулся. Дошло, кого вредителями называет.

— Не вредительство, а забота о населении — я решил прийти ему на помощь — Вот так поставит капиталист в удобном месте радиостанцию и начнет транслировать всякую чушь, маскируясь под добропорядочного. Очень многое может произойти, пока какая-нибудь дюряка поймет, что за гадость она слушает...

Я благоразумно не стал оповещать присутствующих о том, что полностью в курсе, что уже поставили и уже вещают. На приемнике, встроенном в больничный агрегат, я уже успел послушать «дойчевелле», «бибиси» и даже «голос америки». Хоть и делались попытки их глушения, но на данный момент щит явно проигрывал мечу. Пока их передачи отличались крайней наивностью и транслировали в эфир реальный бред в духе «по сообщению нашего корреспондента, в Москве произошла авария с фекалиями. Теперь все горожане ходят, зажимая нос». Но это пока, скоро в эфире начнется реальная войнушка «кто кого»... Может, помочь, что бы мы их, а не они нас? Я отложил мысль в раздел «наподумать».

— А государству не сложно поставить чуть побольше радиостанций, вещающих на длинных и средних волнах — продолжил я — в результате через некоторое время население будет охвачено радио, а имеющиеся приемники с диапазоном КВ станут анахронизмом.

— Кем станут? — парень смотрел на меня уже с восхищением.

— Чем-то несвоевременным, пережитком старины — внезапно помог мне секретчик.

— Очень, очень восхитительно — вернул к себе внимание лысый — Вы уж, пожалуйста, не обращайте внимание на поведение Андрея. Просто я задал ему тот же вопрос утром и он не смог найти ответа, даже обладая значительно большим складом информации, чем вы.

Эх, дорогой товарищ ты мой начальник. Знал бы ты, каким складом этой самой

информации я обладаю...

— Мне конечно приятно столько внимания вокруг моей персоны, но не могу не задать один вопрос: почему я? — мне в самом деле было интересно, как он на меня вышел.

— Ну... мы постоянно ищем образованных людей, которые обладают свободным от предрассудков сознанием — тут он немного замялся и опустил взгляд на стол — и к которым нет претензий от МГБ

— Про вас я уже давно получаю множество сигналов от своих знакомых — продолжил он — ваше устройство по охлаждению воздуха или бесперебойное освещение — они же гениальны по своей простоте. Все лежало на поверхности, надо было только взглянуть под другим углом.

— Скажу честно, поначалу я не придавал этому значения. Ну мало ли наша земля рождает талантливых людей — он пожал плечами и откинулся на спинку стула

— Но вот организация отдыха пионеров или ваши развивающие передачи — раздухарившись, он начал махать руками в такт своим словам — это же совершенно новое слово! Я был на курсах в Москве — так там и десятой части использованных вами приемов не рассказали!

Скажу честно, я даже немного покраснел. Конечно, похвала совершенно не заслуженная, ведь в своих работах я опирался так сказать, на плечи гигантов, но не будешь же об этом рассказывать...

— И когда Игорь пришел от коллег с положительным ответом, я лично прослушал пару ваших выступлений — от возбуждения он аж подпрыгивал на стуле — и тогда я убедился, что вы именно тот, кто нам нужен!

— Но вы так и не сказали, для чего я вам такой... — я замялся — хороший нужен.

— Вы будете среди тех, кто двинет вперед развитие вещания у нас в районе! — кажется, лысого понесло в агитационном угаре

— Да я же не отказываюсь. Но для этого не нужно сопровождение МГБ по инстанциям в темпе ошпаренной кошки...

— Вот — лысый пододвинул ко мне две здоровые папки, на обложке которых крупными буквами было написано «В-200» и «КМ-3».

— Завтра из Москвы приезжают специалисты для монтажа и наладки — пояснили мне, пока я развязывал тесемочки у первой папки — и вашей задачей станет перенять максимальное количество знаний у товарищей.

Ну ладно, со спешкой понятно. И даже в то, что я весь такой хороший, что МГБ ничего не нашла, тоже поверю. Хотя бы потому, что я никуда особо и не лез.

Но вот зачем меня под гостайну подписали? Хотя вот и ответ...

Я переворачивал листик за листиком и усиленно пытался не дать челюсти удариться об пол. Оказывается, между Москвой и Ленинградом прокладывается кабель, по которому планируется пустить теле- и радио-программы. А Калинин оказывается прямо у него на пути, поэтому и решили сначала потренироваться тут, благо расстояния не большие.

Но разработчикам и конструкторам этого показалось мало, поэтому в планах стоит и пробное вещание по кабелю на конечных абонентов. Представляете, в 1950 году, в СССР будет кабельное телевидение! Ну или чуть позже, но будет! Я со своим послезнанием считал, что оно у нас появилось только в годы перестройки, а до этого только у буржуев было...

Я вернулся на первую страницу. Итак, у нас сейчас первый этап: просто проверить, что

кабель Москва-Калинин целый и по нему возможна передача сигнала на такое расстояние. Если все хорошо, то из аппаратной на Шаболовке мы должны увидеть картинку тут. Причем не с помехами, как сейчас, а идеального качества. Здорово, всяко лучше, чем рецепты кремов по библиотекам выискивать.

— Ну что же, скажу честно и откровенно. Я очень впечатлен стоящим перед нами задачами — наслушавшись лысого, я чего-то тоже свалился в официоз — и верю, что они нам по плечу!

— Ну и отлично! — заулыбался мне в ответ Малеев — Но обязан напомнить, что дело это на контроле на самом верху, поэтому необходимо его выполнить с максимальным качеством!

Вот еще бы палец со значительным выражением лица поднял бы. Но вообще странно, столько уже общаемся, а ни разу про Сталина не упомянули. Та самая вольница «среди своих» или такое практикуется только в печати? Там без пары-тройки страниц про это не обходятся. Хотя и Василь Васильевич тоже на планерках особо не напирал на это...

— Ну насколько будут ресурсы, настолько и выполним — постарался я охладить пыл Алексея Павловича — физика наука очень бессердечная и из ничего все не получается.

— За это можешь быть покоен — в разговор вступил Андрей — ресурсы есть все. А если чего-то не хватает, то обратись к нам и мы обеспечим!

— Не понял. Я что, сейчас единственный работник и вы мои начальники? — мне как-то стало не по себе.

— Нет, начальник у тебя один. Андрей как руководитель ретранслятора. А уже он подчиняется мне — спокойный Алексей Павлович мне нравился гораздо больше, чем возбужденный — просто как я уже информировал, через условия МГБ прошли пока лишь вы.

— А Игорь Степанович? — при упоминании своего имени мирно дремавший секретчик встрепенулся.

— А Игорь Степанович просто контролирует, что бы мы не испортили ситуацию. Но повторюсь, нас мало, поэтому должности номинальные и всем нам придется заниматься самой разнообразной работой.

— Ладно — я сложил листики обратно в папку и завязал тесемки — тогда у меня самый животрепещущий вопрос: у нас будет что-то типа обеда? А то в животе уже кишка кишке фигу кажется...

— Да, действительно, уже почти четыре часа — засуетился лысый — Андрей, покажи Вячеславу тут все необходимое.

Без ока вышестоящего начальства мой новый босс Андрей оказался вполне себе компанейским человеком. Нам сильно помогла небольшая разница в возрасте, поэтому как-то сразу перешли на «ты». Не откладывая дело в долгий ящик, он повел меня в столовую, расположенную в подвале стоящего рядом райкома партии. Пока шли, Андрей заглядывал почти в каждую дверь и демонстрировал меня, как некоего диковинного слона.

И если с тем же главным инженером мы просто поручкались, то в бухгалтерии настал мой звездный час. Стоило мне выудить из папки трудовую, как меня тут же опознали «Вячеславом из городской». Что тут началось... Сразу с десятков бухгалтерш окружили меня и начали наперебой о чем-то выспрашивать. Женщины без труда оттеснили от меня Андрея, заставив того ошарашенно смотреть на разворачивающееся перед ним действо. Вскоре шум вокруг достиг того уровня, когда возникает желание закрыть уши руками.

— Милые дамы! — я поднял руки, привлекая внимание в попытке их утихомирить. — Милые дамы, сразу сообщаю, что я теперь работаю тут, поэтому мы будем видиться часто. И сразу прошу меня простить за бестактность, день сегодня был очень тяжелый и я уже почти ничего не соображаю. Поэтому я сейчас не смогу уделить вам должного внимания...

— И вообще, мы в столовую шли — подал от дверей голос Андрей, сразу же получивший в ответ нескольких неприязненных взглядов. Ой, дура-а-ак... Кто же так с алчущими общения женщинами поступает?

— И да, как верно заметил Андрей Леонидович, мы действительно идем в столовую — внезапно у меня в животе забурчало — как слышите, пирожки от ваших коллег из больницы уже давно кончились, поэтому мне крайне срочно необходимо подкрепиться.

— Но я не могу уйти от таких чудесных женщин — тут у каждой талию можно делать где угодно, поэтому главное не смотреть в глаза, а то распознают иронию и порвут — без свежего рецепта, который я только сегодня рассказывал в больнице. Он простой...

Слухи при наличии телефона распространяются мгновенно, поэтому не успел я передохнуть от незапланированного выступления в бухгалтерии, как мне пришлось повторить его в столовой с небольшими вариациями. А самой большой наградой мне стали офигевшие лица двух мужиков в пиджаках, которые стали свидетелями моего бенефиса перед повелительницами поварешек и кастрюль. В общем, не скажу за всех, но я наелся знатно. Посидел бы еще, но вовремя понял, что третий стакан компота уже просто не влезет. Обижать отказом не стал, поэтому просто сослался на дела.

— Слав, а ты кто? — Андрей чуть забежал вперед и что-то пытался разглядеть на моем лице.

— Ты же наверняка читал мое дело — после устроенной поварихами дегустации блюд мне совершенно не хотелось разговаривать — электрик я, лампочки меняю...

Глава 18

— Е-е-е-дут! — заполошенный крик какой-то дуры ворвался в комнату из коридора. Вчера вечером мы с Андреем нашли в здании комнату с диваном, притащили из соседней второй и до поздней ночи читали документацию под чернющий, практически чефирный чай. Ему до дома было далеко, я вовсе пока не знаю, где мне ночевать, поэтому заснули прямо там же, где и работали. И отлично кстати спал, пока не разбудили.

— Да едут же! — дверь с грохотом распахнулась и по комнате пронесся порыв ветра. Хорошо еще, что я вчера перед самым сном заставил начальника убрать все разложенные по порядку листочки в папку, а то сейчас гадал бы, все на месте или какой-то листик улетел... Я приоткрыл глаз: Андрей спал, значит вся эта кутерьма не про нас.

— Ну вы чего? — Раздался срывающийся на фальцет крик над самым ухом. Не, с таким подходом фиг поспишь. Я сел на диване и прикрыв зевок ладонью, посмотрел на нарушительницу нашего сна. Рядом стояла фурия и жадно дыша, обводила взглядом комнату. Черные туфли с ремешком через ногу, собравшиеся гармошкой на коленях колготки жутко-коричневого цвета, зеленая юбка и блузка с каким-то незатейливым рисунком составляли вместе с растрепанной прической довольно-таки прикольную картину.

— Ужа... Прекрасное создание, ты кто? — осмотрев нарушительницу нашего сна, я задал по-моему самый логичный вопрос

— Познакомься, это Нина, наш редактор — раздалось с соседнего дивана — когда она хорошая, то откликается на Ниночку, а когда плохая... То тогда как сейчас. Нина, это Вячеслав, он электрик.

— Да что вы себе позволяете? — это чудо подошло к столу — время уже практически восемь утра, мне телефонировали, что товарищи из Москвы уже в городе, а у вас тут... — она брезгливо понюхала остатки чая в кружке — бардак несусветный!

— Что можем, то и позволяем — настроение у меня было пока не очень — и попрошу, не трогайте пожалуйста папки, они жутко секретные. Если там что-то потеряется, то мне придется вас съесть.

Чудо в колготках фыркнула и пробурчав что-то типа «не очень-то и хотелось», вышла быстрым шагом из комнаты. Вскоре послышался стук открываемых дальше по коридору дверей. Порадовало, что больше воплей не было...

— Ладно, давай одеваться и в самом деле пойдем посмотрим, что там за товарищи из Москвы понаехали — отчаянно зевающий Андрей начал делать некое подобие зарядки.

Одевшись, я подошел к столу и взвесил на руках папки. Каждая килограмм, а то и больше, а значит просто так с собой не потаскаешь. Надо будет к Игорю Степановичу обратиться насчет сейфа, ведь должно же быть для таких документов место хранения... Вообще размах задуманного поражал и разрывал мой разум своими объемами. Согласно плану какого-то НИИ «ГипроСвязь», трасса Москва-Ленинград на самом деле состояла из целых трех кабелей. Когда проект завершится, между Москвой и Ленинградом они будут проложены так, что бы нигде не пересекаться и не проходить через одну точку. Например, в почтайт заходил только один кабель. Второй должен был зайти в соседнее здание, а третий вообще проходил около железнодорожного вокзала.

Так с папками в руках я и спустился на первый этаж и налегая всем телом, открыл

скрипучую дверь на улицу. Прямо около входа в здание уже стояло четыре полуторки, а весь тротуар был заполнен множеством громко разговаривающих людей. Судя по обилию пиджаков, начальство здесь присутствовало в значительном количестве.

— Ты чего это тут в таком виде? — ко мне со спины зашел Малеев.

— Так у меня другого нет. Сначала было не нужно, а теперь уже некогда.

— Ладно, тогда просто не маячь на глазах, может и пронесет.

Что должно пронести, я не успел узнать, так как к Алексей Павловичу подскочил какой-то мужичок и ухватив его за локоть, показал куда-то в сторону. Наш самый главный начальник видимо этого только и ждал, поэтому резко рванул прямо в центр толпы.

Я пожал плечами из-за полного непонимания момента и отошел подальше. Если спросят, то я просто выполняю приказ «не маячить на глазах». Положив папки на подоконник самого крайнего окна на первом этаже, уселся рядом и стал ждать развития событий. Вскоре послышался звук мощного двигателя и из-за поворота вырुлил здоровенный грузовик, весь завешанный красными полотнищами. Они чего, решили тут устроить демонстрацию по поводу приезда москвичей?

Пока грузовик фырчал двигателем, разворачиваясь и паркуясь, в толпе собравшихся начались пертурбации. На передний план выходили костюмированные, причем явно в строгом, но каком-то непонятном для меня порядке, а все остальные оказывались в задних рядах. Внезапно от грузовика раздался грохот чего-то упавшего и я с удивлением обнаружил, что из него уже получилась здоровенная трибуна, которую тут же оккупировал Малеев.

— Товарищи! Мне выпала большая честь открыть этот митинг в честь начала работ под руководством комитета...

Обалдеть. Не демонстрация, а митинг. Странно, но почему на улице? Неужели внутри стоящих вокруг зданий не нашлось актовому залу попримичнее? Я прислушался. Ну вот, еще удивлялся, почему так мало упоминаний Сталина и Партии слышал. Сейчас Алексей Павлович жонглировал фразами и цитатами настолько мастерски, что я прямо почувствовал, что лично Иосиф Виссарионович днями и ночами пинал всех в этой гипросвязи, что бы побыстрее нарисовали проект. А без личного участия Секретаря КПСС калининского райкома вообще ничего бы не получилось — просто никто другой не обладал такой полнотой знаний и умений, как у него. Даже Ленин умудрялся мудрым взглядом предостерегать всех от ошибок. Один оратор сменял другого, аплодисменты разливались шумным морем в положенных местах, а я все больше и больше начинал уважать профессионализм выступающих. Ведь надо же, столько слов и фраз, а о сути проекта не было сказано ни слова. Никакой шпион не догадается, про что именно идет митинг. Но вообще, по большому счету, такие речуги можно было практически без изменений произносить на открытии какого-нибудь коровника или общественного туалета. Там тоже требуется «углубить», «расширить охват населения» и «сделать так, что бы капиталистический мир завистливо глядел нам вслед».

— Товарищ! Тут сидеть нельзя! — я оторвался от созерцания очередного оратора. Ко мне обращался какой-то совершенно неприметный мужик. Не высокий и не маленький, не толстый и не худой... В общем, взгляду совершенно не за что зацепиться. Я удивленно покопался в памяти — неужели уже появились службы охраны всяких первых лиц и прочие наружки? То, что у Сталина был, то есть сейчас есть Власик, это я помню. Но в Калининне...

— К вашему сожалению, мне — можно — я пригрелся в лучах уже почти осеннего солнышка и не собирался менять свое место как минимум до окончания всех этих

праздничных мероприятий. Тем более отсюда все было хорошо видно и слышно.

— По какой причине? — видимо не привыкший к таким ответам, очень удивленно протянул мужик.

— А у вас есть допуск? — какая-то вожжа попала мне под хвост и я решил немного поприкалываться. Мужик опешил, а я продолжил, неприметно показывая пальцем — во-о-о-н видите, стоит на крыльце, около двери, товарищ в костюме и смотрит строгим взглядом? Ах, даже знакомы? Ну вот он может вам рассказать отчего, почему и как.

Мужик отошел от меня немного задумчивым. В самом деле, сидит какой-то раздолбай и знакомствами с допусками бросается... А я же положил руку на папки, что бы не утащили невзначай, и закрыв глаза, подставил лицо солнышку. Бравурные речи можно и не глядя слушать. Главное тут не заснуть, а то точно неприятностей не избежать.

— Вячеслав, а вы почему не на митинге? — о, вот стоило подумать о сне, как тут же проявился наш будильник.

— Нина, я тоже рад слышать ваш голос — я открыл глаза, промаргиваясь. Надо же, как общественное мероприятие меняет облик. От старого образа на месте остались только туфли. Строгое черное платье в белый горошек и прилизанная прическа, где волосы затянуты в какой-то кандибобер на затылке — и передо мной совершенно другая женщина!

— А Ваш новый облик прямо услада для глаз окружающих... — я попытался сообразить комплимент

— Вы не ответили на мой вопрос — в меня вперился взгляд, пытающийся казаться строгим. Ух, колючая какая... Но опыта все-таки маловато.

— Не могу вместе со всеми. Я же вам говорил, что папки секретные, куда мне с ними? — я похлопал рукой по ним — А так — и слушаю и не мешаю.

— Папки действительно очень непростые — вступил в разговор неслышно подошедший секретчик — Но почему вы с ними тут?

— А где же еще быть? — удивился я — Надо и на митинге быть и оставить я их не могу, сами знаете, что за содержание у них.

— Но почему они не в сейфе? — Игорь Степанович грозно смотрел на меня.

— Так нету сейфа — увидев, как краснеет секретчик, готовясь взорваться, я быстро добавил — ну или как минимум я про него не знаю и доступом не обладаю.

— Пш-ш-ли — он как-то нервно дернул головой и подал пример, заворачивая за угол.

Я сполз с подоконника, отряхнул руками то, на чем сидел и подхватив папки, двинулся следом. Шли мы недолго, до какой-то двери сзади почтамта. То ли черный ход, то ли аварийный, вывески никакой не было.

Поднявшись по замызганной лестнице, мы снова вышли в знакомый мне коридор на втором этаже. Пройдя немного, секретчик остановился и огляделся, что-то высматривая

— Исправляю упущенное вчера. Вот отсюда и до конца коридора — он рубанул рукой, показывая границу — место для трансляционного узла. Потом по проекту проломим стену в соседнее здание и оно тоже будет нашим.

— Вот эта комната на данный момент по плану обозначена как дежурная — он распахнул дверь, приглашая войти. Я вошел — да это же та самая комната, где меня вчера познакомили со всеми. Только теперь стулья стали все одинаковыми, а в углу обнаружился сейф.

— Подожди, я сейчас — Михайлюк куда-то пошел по коридору. Судя по звуку, в соседнюю комнату.

— На и не оставляй больше — он протянул мне папку, в которой были все мои документы. Черт, я с этими государственными тайнами совершенно про нее забыл!

— Спасибо большое — пробормотал я, заливаясь от стыда краской — совсем я голову потерял.

— Ничего, все мы грешны — утешили меня — открывай папку, там должны были тебе ключ выдать.

— Есть такое — повеселел я и присев за стол, начал развязывать тесемочки — даже два, если я правильно помню.

Память меня не подвела: на каком-то волосатом шнурке, вместе с биркой К-1387, обнаружили два ключа. Я поднял их и поболтал, демонстрируя секретчику.

— Ну вот один из них должен подойти — он показал на сейф.

Встав, я примерился. Первый ключ не подошел просто из-за формы лезвия, зато второй вошел без проблем. Крутнув ключ, я услышал глухой щелчок открывшегося замка и потянул дверцу на себя. Обычный сейф, пять полок, на верхней еще один маленький ящичек, запирающийся на отдельный ключ. Ключ торчал в замочной скважине, ручек на дверке не имелось, поэтому я потянул прямо за головку ключа. Ожидаемо внутри тоже оказалось пусто. Нет, что бы оставить пистолет или пачки денег, как в боевиках или там детективах... Хмыкнув, я закрыл ящичек назад и вынул ключ. Переложив папки в сейф, я немного демонстративно закрыл его.

— А второй ключ тогда от этого кабинета? — поинтересовался я

— Нет, ключ от кабинета ты будешь под роспись каждое утро получать и каждый вечер под роспись же сдавать охране.

— Какой охране? — не понял я

— Скоро появится. А пока ее нет, то мне.

— Тогда отчего же второй ключ?

— Ну если я правильно помню приказ, то от квартиры — огорошил меня секретчик

— Какой квартиры? — поначалу я даже не понял ответа

— Откуда я знаю? В ордере должно быть все прописано

Немного удивленный, я снова открыл сейф и достав «свою» папку, начал потрошить ее. Приказы, выписки, постановления... Вот! Я быстренько пробежал глазами. Ордер, жилищно-коммунальный отдел, выдан на право вселения со вчерашнего числа, непонятная подпись, печать.

— Салют! — в комнату ворвался Андрей, весь какой-то улыбающийся и радостный. На митинге налили всем по рюмочке что-ли?

— А новоторжская улица дом 7 это где? — сверившись с адресом, поинтересовался я у него

— Выходишь, сворачиваешь налево, она и будет. Первые дома это где-то около парка, там он будет по левую руку. Даже если захочешь — не потеряешься, улица в реку упирается.

— Ндас — я почесал в затылке — и чего мне со всем этим делать? — я передал своему начальнику ордер

— Как что? Спросить у меня разрешения уйти с рабочего места пораньше и идти принимать жилплощадь — просветил он меня, мельком глянув на бумажку

— А москвичи?

— А что москвичи? Они сейчас кто на экскурсию, кто на совещания, потом гостиница, вечером торжественный ужин... Кстати, вместо меня пойти не хочешь?

— Хотел бы, но не имею возможности — слукавил я, жестом показав руками на свою неприятзательную одежду. Вообще-то надо с этим что-то делать. В больнице еще ничего было, а тут уже второй раз обращают внимание

— Да, тут у тебя пока недостаток и сплошные минусы — он хлопнул себя по коленам — но жениться тебе пока не надо, рабочей спецодеждой мы тебя обеспечим, а праздничную ты сам себе купишь.

— Тогда... — я вскочил и дурашиво вытянулся — товарищ начальник! Разрешите отбыть для приема жилплощади в рамках, установленных ордером!

— Иди, только не забудь прежде зайти в бухгалтерию, там тебе подъемные должны были выписать — доставая папиросы махнул он рукой

Я закрыл сейф, подхватил свою папку для более вдумчивого ознакомления и отправился в бухгалтерию

— Доброе утро! — я аккуратно постучал в дверь, и приоткрыв ее, аккуратно протиснулся внутрь в ожидании повторения вчерашнего взрыва эмоций. Однако меня встретила практически мертвая тишина, прерываемая лишь шелестом бумаги. Не понял, что-то случилось? Хотя нет, вон как все улыбаются...

— Вячеслав? Подойдите сюда, пожалуйста! — раздался глубокий женский бас из дальнего угла. Какая-то толстая тетка лениво покачала рукой, привлекая мое внимание. Ну раз женщина просит, то надо подойти.

— Я Ирина Олеговна, главный бухгалтер — отрекомендовалась она, стоило мне приблизиться и сесть около ее стола — как вас зовут, я знаю.

Ух, серьезная какая. Теперь понятно, отчего весь отдел как мыши под веником сидит.

— Распишитесь вот тут и тут — она подала мне два листика. Я глянул — приказ о приеме на работу и его копия. Подпись Малеева уже стояла. Я поставил свою подпись, ухитрившись не посадить кляксу.

— Спасибо. Касса вот за этой дверью, потом вас никто тут не задерживает — мне царственно указали мощным перстом на расположенную неподалеку дверь. Я молча кивнул и прошел в указанном направлении.

За дверью обнаружилась маленькая пустая комнатка, в которой был только стол, сейф и два стула. На одном из них сидела миниатюрная женщина, которая что-то писала в толстенный журнал. Услышав, как я открыл дверь, она подняла голову и следила за мной, как удав за кроликом. Однако стоило мне закрыть дверь, как пристальный взгляд исчез под радостной улыбкой. Она сложила руки в кулачки около груди и восторженно прошептала «я знала, что вы придете!».

— А почему шепотом? — тихо поинтересовался я в ответ.

— Так шапка на месте и злая какая-то. Выговор на пустом месте никому не охота получить

— Какая шапка?

— Ну главбух наш, фамилия у нее Шапкина. Так-то она ничего обычно...

Теперь стало совсем все понятно. Начальница-деспот, держащая всех подчиненных в страхе. Ни шагу от должностной инструкции, ни пяди кроме положенного... Ничем не прошибаемая стена на защите финансовых потоков. Но ничего, именно такие потом на корпоративах творят такую дичь, что даже свидетелям никто не верит.

— Ну тут пока ничем помочь не могу, хотя обещаю подумать — я состроил

расстроенную физиономию в поддержку против произвола начальства во всем мире — Но вообще я тут по другому поводу

— Да-да-да, меня предупредили и уже все подготовила — радостно прощепетало это создание и начала выкладывать передо мной пачки денег.

Я удивленно следил за ее руками — первая, вторая, третья, четвертая...

До сегодняшнего дня все мое общение с деньгами проходило как-то совершенно незаметно. Говоря другими словами, раньше они мне были совершенно не нужны, а вот сейчас пришлось познакомиться. Я взял одну пачку в руки и стал ее рассматривать. Размеры немного непривычные, да надписи нанесены не слева направо, а сверху вниз.

— И сколько же мне полагается? — разглядывая пачку пятирублевых купюр, задумчиво поинтересовался я

— Полторы тысячи, я специально взяла разные, что бы вам удобнее расплачиваться было — дюймовочка пододвинула ко мне оставшиеся пачки

— Ой! Прошу меня великодушно извинить, но я до сих пор не знаю вашего имени-отчества — ну не называть же ее «эй ты» или «товарищ кассир»

— Валентина Петровна, можно просто Валя — почему-то засмушалась она

— Валентина Петровна, вот вы умеете обращаться с деньгами — немного лести никогда не мешает — а вот посоветуйте, где тут можно костюм приобрести, а то я совершенно поизносился в больнице, а тут все-таки серьезная организация...

— Ой, да что тут думать! Можно в «галантерею» пойти, там отдел недавно открыли, но лучше всего на центральный рынок...

Попросив листик бумаги, я пытался записать все явки и пароли, которые вывалила на меня Валентина. Адреса с приметами магазинов и ателье ложились строчка за строчкой на бумагу. Мне кажется, в порыве помочь мне даже слили какой-то полуплегальный комиссионный магазин. По крайней мере, теперь у меня есть описание некой Антонины Ивановны, к которой надо подойти от какого-то Нестор Петровича и предо мной откроется как минимум пещера Алладина.

Однако вскоре я услышал тяжелые шаги за дверью и прижав палец к губам, заставил замолчать Валентину

— Почему так долго? — раздался голос главбухши от двери

— Ирина Олеговна, ну мне прямо странно слышать от вас такое — повернулся я к ней — деньги же учет любят, необходимо пересчитать и проверить, что бы никаких накладок не образовалось.

— И...? — точно она не в духе

— И проверил разумеется. В профессионализме Валентины Петровны нет сомнений — я поднялся со стула.

— Я рада — он отодвинулась, давая проход. Весь ее вид говорил о том, что чем быстрее я исчезну, тем лучше станет ее жизнь. Ну что же, не буду ее пока расстраивать. Быстренько собрав в стопку выданные деньги, я протиснулся мимо бухгалтера, и помахав на прощание рукой женщинам, вышел в коридор.

Поглядев в обе стороны коридора, я решил вернуться и часть денег положить в сейф. Ну вот как-то не наблюдается у меня желания таскаться со такой суммой по городу.

— ... И тут она поворачивается, а у меня в руках... — стоило мне приоткрыть дверь дежурной, как голоса тут же замолчали. Зайдя, я успел увидеть исчезающую под столом бутылку. Вот ведь, пока я ходил в бухгалтерию, Андрей вместе с Игорем соорудили небольшой стол и легонько разминались в отсутствии начальства.

— Вот говорю же тебе, что-то странное со мной творится — секретчик повернулся к

соседу — ведь я абсолютно уверен, что дверь была закрыта!

— В следующий раз может так не повезти — согласился с ним мой начальник и обратился ко мне — ты чего вернулся?

— Да не охота с такой суммой по городу ходить. Сейчас в сейф положу и сделаю так, что меня тут никогда не было — успокоил я их.

— Кстати, раз тут такое — я открыл сейф и начал выкладывать пачки ровной стопочкой — почему нонеча костюм с пинджаком? А то надо соответствовать раз денег дали.

— Ну... Тут, брат, по-разному получается. Магазиновый легко и за 70 рублей взять, а в ателье пару-тройку тысяч можно отдать.

— Не, мне пока обычный — сразу обозначил я рамки

— Тогда тебе в универмаг, он там на перекрестке с трамвайными путями будет...

Все-таки наличие в кармане приличной суммы денег заставляет глядеть на окружающий мир немного снисходительно. Дескать, не покупаю не потому что не могу, а потому что не хочу. И сразу на лицо улыбка лезет и на душе приятно становится. Хоть я и решил ничего не тратить до заселения в квартиру, но приятная тяжесть все равно создавала хорошее настроение.

Дом номер 7 по новоторжской улице я нашел легко. Даже страдающий топографическим кретинизмом человек не смог бы промахнуться: идешь все время прямо, а как слева начинается сад, так по правую руку и будет искомое. Но что больше всего порадовало — от работы недалеко. А это значит, что никаких подъемов в 6 утра и толкучки в общественном транспорте мне не грозит.

Посмотрев на номер квартиры в ордере, я поначалу намеревался просто зайти в нужный подъезд и попробовать открыть дверь вторым ключом. Однако стоило мне открыть монументальную дверь подъезда и войти, как дорогу мне преградила вскочившая из-за стола старушенция. Седые волосы, сморщенное возрастом лицо с носом выдающейся остроты. Вся эта буйная старушачья плоть была одета в строгое черное платье в пол, украшенное белым узорчатым воротничком... Еще шляпку с вуалью и получится Шапокляк из мультика

— Не положено! Ну сколько раз говорить, что рабочим вход со двора! — мне показалось, что от негодования она даже притопнула ножкой.

— Так я не рабочий, у меня даже ордер есть — я попытался успокоить консьержку

— У всех ордера есть! Не пуцу без разрешения домкома! — напрыгивающая на меня старушка пыталась вытеснить меня с охраняемой территории.

— Хорошо-хорошо! Только где мне искать его?

— Не его, а ее! Около первой парадной — сухие старушечьи руки выталкивали меня к двери на улицу

— Ладно. Жди меня и я вернусь!

— Охальник, да тебя...

Закрывшаяся дверь отсекала от меня окончание фразы. Но дом-то явно не простой: на каждый подъезд по церберу посадили, плюс вон дворник метлой чистую улицу полирует, и на меня косо поглядывает. Надо срочно легализовываться в глазах этих людей, а то чую, если буду и дальше тупить, то милицию вызовут. Начнем с дворника, ему по должности надо знать всех вокруг.

— Добрый день вам! А как мне найти управляющую — я покрутил рукой — всем этим зданием?

— И вам здравствовать — он оперся на метлу — а нашто она тебе?

— Да жилец я новый, с ордером — я чуть приподнял папку с документами — надо все формальности уладить.

— Это да, это по правилам, без этого никуда — согласился он и продолжил экспресс-допрос — а работаешь где?

— Электриком на почтамте. Расширяемся — я развел руками, показывая насколько сильно

— А, так это к вам москвичи всю неделю шастают как прокаженные?

— Наверное к нам. Мне не докладывают.

— Это и верно, не по чину ишшо вырос. Ну и хорошо, пойдем тебя провожу — внезапно свернув допрос, дворник показал черенком метлы, куда надо идти. Но этот в общем-то обычный жест у него получился настолько властным, что ноги сами понесли меня в указанном направлении.

Идти было совсем недалеко и вскоре меня с рук на руки сдали домоуправительнице. Здоровенная и крепкая даже на первый взгляд фемина сидела за столом и дымила папиросой. Вот не знаю как, но мне сразу стало понятно, что испачканные чернилами пальцы, перебирающие сейчас стопку каких-то бланков, могут завтра с той же легкостью обхватить шпалу или свернуть врагу голову.

— Брянцев? — один взгляд прищуренных от дыма глаз и меня опознали прямо с порога — почему сегодня, я Вас ждала вчера.

— Не имел физической возможности, проводили работы с товарищами! — немного вытянувшись, отрапортовал я

— Где воевал?

— Не знаю. Память потерял, а документов не нашли.

— Это как же так? — она затушила папиросу в пепельнице.

Да, давненько не требовалось вспоминать свою легенду. Но ничего, немного позапинавшись в начале, я быстренько изложил свою историю. В конце даже немножко собой погордился — до того складно все получилось на словах.

— Вот ведь как бывает — задумалась она, переваривая мою краткую биографию — но все, что не делается, все к лучшему.

— Итак! — она легонько прихлопнула ладонями по столу — довожу обстановку. Зовут меня Антонина Петровна. Фамилия — Клячкина. Поставлена главной в этом блоке. Тут у нас все необходимое есть в полном количестве. Живу я в квартире номер 18, так что если что случилось, то можно обращаться в любое время. Сейчас я заполню документы и мы вместе проверим состояние выделенной Вам квартиры. Вопросы?

— Пока никаких нет — сознался я.

Антонина изучила мой паспорт, отобрала у меня ордер, оторвала от него кусок снизу и тут же вклеила его в какой-то журнал. Потом достала домовую книгу и тщательно переписала все данные туда. Стукнув кулаком в стену, она вызвала какую-то худосочную девицу из соседней комнаты. Молча ткнув пальцем в только что написанное, она передала ей книгу с паспортом. В такой тишине мы просидели еще минут пятнадцать. Управдомша что-то заполняла, я изредка по ее указке расписывался в подсунутых документах, подтверждая, что никаких отношений с данным домуправлением раньше не имел, задолжностей не образовывал и вообще я очень ответственный квартиросъемщик, не имеющий даже малюсеньких замечаний в своем личном деле.

Все закончилось, когда с моим паспортом вернулась другая, но столь же молчаливая девица. Приняв паспорт, Антонина Петровна полистала его и убедившись в чем-то, сделала пару закорючек в очередных журналах.

— Ну что же, вот ваш паспорт, пойдете принимать квартиру — серо-зеленая книжечка вернулась ко мне.

Увидев меня выходящего в сопровождении домкома, дворник, наводящий чистоту около входа, кивнул сам себе, видимо заноса в список жильцов и развернувшись, начал гнать невидимый мусор в сторону стоящей неподалеку урны.

— Михаил Антипович, наш дворник — уведомили меня мимоходом.

Шапокляк, увидев меня, снова было вскинулась защищать вверенный ей подъезд, но при виде управдомши тут же сменила гнев на радость. Реально цербер, который при виде хозяина виляет хвостом. Ну естественно, с поправкой на человеческое обличье

— Светлана Игоревна, вот ваш новый жилец, Вячеслав Владимирович

— Да мы уже в некотором роде знакомы — бабулька просканировала меня с ног до головы — заходил недавно, так я его не пустила и к вам направила.

— Все правильно сделали. Молодец — ну точно, хозяин, вернее хозяйка и ее собака. Шапокляк после этих слов аж растаяла вся, дескать «кто хороший песик? Я хороший песик!». Со стороны это выглядело довольно смешно.

Мы поднялись на третий этаж. На лестничную площадку выходило две двери, а на косяке правой виднелось что-то белое с синим пятном.

— Вячеслав Владимирович, прошу убедиться, что пломба не нарушена — официально обратилась ко мне управдомша.

Я пригляделся — толстая нитка была обмотана несколько раз вокруг дверной ручки и оба ее конца были под приклеенной на косяк бумажкой с печатью. В результате дверь не открыть без разрыва нити или бумажки. Старая и надежная система, особенно если поблизости нет детей с их шаловливыми руками.

— Убедился, не нарушена. — кивнул я

— Тогда открывайте и заходите — скомандовали мне.

Совершенно не удивительно что выданный мне ключ подошел без проблем. Сыто клацнув, замок уведомил меня об открытии. Я разорвал нить и толкнув дверь, вошел внутрь.

Стоило чуточку осмотреться, как внутри меня зашевелился червячок сомнения. За какие такие красивые глаза мне такое отвалили? Раздельный санузел, отдельная кухня. Целых три комнаты, правда одна своими размерами больше напоминает половинку поездного купе. И даже балкон в наличии, хоть он и миниатюрный до безобразия — просто дверь во двор, где проход закрыт решеткой. Но самое главное — квартира была обставленной. Все необходимое для жилья было в наличии: от шкафов с кроватями до подушек и тарелок.

— Это как это? — я ошарашено оглядывался, стоя посередине большой комнаты

— Что-то не так? — поинтересовалась управдомша

— Антонина Петровна, да все не так — решил я сразу высказать свои сомнения — я ожидал гораздо более... Скромных условий, что ли...

— Решение по поводу выделения данной квартиры было принято не мной, а жилищной комиссией при райкоме. Так что здесь никакой ошибки нет — припечатали меня

Ничего себе влияние у Малеева наверху. Я совершенно не знаю сейчас состояние с жильем, но в больнице многие завидовали нам с Михаилом. Дескать, живем на всем готовом и в ус не дуем. А тут такое...

— Девушку брать будете?

— Что? — я поначалу решил что показалось. Может, «двушку»? Хотя комнаты вроде три...

— Девушку, говорю, брать будете?

Нет, не ослышался. В голове сразу всплыли картины выстроившихся в ряд представительниц древнейшей профессии. Ладно бы я попал в разгул перестройки и прочего капитализма. Но сейчас же 50й год на дворе и у меня в голове управляющая никак не вписывается в образ бордель-маман. Проглотив фразу «а можно всех посмотреть», я вопросительно посмотрел на нее.

— Приходящую помощницу по хозяйству приглашать будете? — мне ответили удивленным взглядом — ну... домработницу!

— Ну скорее всего да — осторожно ответил я. В прошлой жизни я раз в неделю обращался в компанию, которая специализировалась на уборке помещений и они присылали женщин со всякими чистящими средствами и прочими тряпками-швабрами. Нет, я конечно и сам могу не утонуть в грязи, но все-таки предпочитаю делегировать подобную работу. И людям заработок и мне не мучаться.

— Тогда как найдете, сразу же отправьте ко мне. Без регистрации не положено — ее колючий взгляд заморозил меня.

— Хорошо — кивнул головой я — Но, Антонина Петровна, может Вы поможете мне в этом деле? Я тут новенький, а брать неизвестно кого... Могут быть неприятные последствия, даже если будут хорошие рекомендации.

— Хорошо, есть у меня на примете кое-кто... И прекрасно, что Вы осознаете данный аспект, ибо в моем доме подобные происшествия недопустимы! — развернувшись, она прошествовала в прихожую.

— Итак, поздравляю вас с вселением! Больше в моем нахождении здесь нет необходимости, поэтому я вас покидаю — проинформировали меня казенным языком и я остался один.

— О-ба-а-лдеть — протянул я, задвигая щеколду на двери.

Ладно, дареному коню в зад не смотрят, поэтому надо определиться со списком того, что необходимо купить. Начал я с самого важного в жизни любого городского человека — с туалета. Умилившись вбитому гвоздику с нанизанными на него кусками газеты, я обследовал унитаз. Бачок сверху, ручка с цепочкой сбоку. Нигде ничего не течет и ничего не капает. Для проверки функционирования спустил воду и пронаблюдал за небольшим водоворотом. Тут пока моих рук не требуется.

Следом прошелся по другим комнатам. В принципе, положение дел было абсолютно привычным для любого, кто хоть раз снимал квартиру или комнату: в наличии было все, кроме личных вещей и продуктов. И если с личными вещами я вопрос сейчас начну решать, то с продуктами пока совершенно ничего не понятно: на кухне я не обнаружил ничего похожего на холодильник. То есть купил, приготовил и тут же съел, пока не испортилось? Почесав в задумчивости затылок, я попытался вспомнить, когда начали производить такие пузатые холодильники с вертикальной хромированной ручкой. Один из этой когорты окончил свою трудовую жизнь у меня на даче и то лишь по причине ржавчины, разъевшей поцарапанную мной же в детстве дверь. Так ничего и не вспомнив, я решил вернуться к своему первоначальному плану и приобрести костюм.

Закрыв дверь, я миновал молча проводившую меня взглядом цербершу и вышел на

улицу. Время еще было, поэтому я решил совместить приятное с полезным и обойти район по часовой стрелке. Сделаю через магазин круг и вернусь домой.

Сделав буквально несколько шагов по новой для меня местности, я тут же наткнулся на здоровенную тумбу с шарообразной крышей. Ну-ка, чем живет город Калинин в плане культуры? Однако кроме многослойных наслоений обрывков старых афиш, моему взгляду предстал только плакат про какой-то ансамбль песни и танца. Обойдя тумбу, я дополнительно узнал, что в каком-то кинотеатре под названием «Звезда» демонстрируется фильм «заговор обреченных». Что это за фильм, я не помню, а рисунок тетки в окружении суровых мужиков на афише не добавил ясности. Подойдя поближе, по месту разрыва стало понятно, что на тумбе от изначального плаката остался только кусок. «Ну и ладно» — пожал плечами я двинулся дальше.

Будучи уже морально подготовленным к культуре, я совершенно не удивился, обнаружив что с моим домом соседствует драматический театр. Подобные заведения меня и в прошлой жизни не привлекали, поэтому я просто обогнул здание и пошел по улицам, разглядывая окружающих. Вот все-таки чувствуется, что я где-то близко к власти держащим. Вроде все то же, что я видел из окна автомобиля при аресте, но как-то более чистое и ухоженное...

Наконец я дошел до первого на моем маршруте магазина. «Универмаг». Опять очередная монументальная дверь, которую даже мне надо открывать, держась обеими руками за ручку. Однако судя по оживлению внутри магазина, подобное доставляло неудобство только мне. Значит вывод какой? Правильно, качать мускулы...

Внутри магазин мне показался мне очень странно устроенным. Несколько длинных рядов с продавщицами, за спинами которых под потолок уходили витрины с продаваемым ассортиментом. В общем, этакий цивилизованный базар под крышей. На всякий случай я огляделся — такого привычного мне «возьми что надо и подойди к кассиру» не наблюдалось.

Еще раз взглянув на указатель, я поднялся на второй этаж и немного поплутав, обнаружил отдел «шляпы, рубашки, костюмы». За прилавком, склонив голову куда-то вниз, сидела белокурая девушка. Однако стоило мне подойти поближе, как она встала и положив какую-то книгу на прилавок, оправила юбку

— Вы что-то хотели приобрести? — окинув меня оценивающим взглядом, она не смогла не подпустить в голос легкую шпильку.

— Да. Мне необходимо полностью сменить свой вид — я провел ладонями от груди вниз, как будто отбрасывая что-то в сторону — и мне необходима в этом ваша помощь.

— Имеющаяся в Вашем распоряжении сумма? — она сразу как-то подобралась. На процентах что ли сидит?

— На данный момент только 150 рублей — на самом деле я взял с собой 200, но полтинник я оставил в резерве на всякий случай.

— Ну тогда выбор будет не очень большим — она окинула меня оценивающим взглядом и повернувшись, начала рыться на полках.

— А мне пока большого и не нужно — ответил я и повернул к себе книгу, лежащую на прилавке. «Большая Дорога» некого Ильенкова. Немного задумался — нет, ничего не вспоминается и не откликается и вернул книгу назад.

— Вот, держите пока костюмы, примерочная вон там — она выложила на прилавок гору серой ткани на плечиках — а рубашки я вам прямо туда поднесу.

Подхватив за крючок вешалки, я двинулся в сторону примерочной. Развесил все и принялся примерять предложенное. На общую балахонистость кроя уже не обращал внимания — тут все так ходят, поэтому меня интересовало только то, что бы голыми щиколотками и запястьями не сверкать. Где-то на третьей или четвертой примерке звезды сошлись и я стал выглядеть не как пугало на огороде.

— Рубашки — чуть отодвинув занавес, в щель просунулась рука с озвученным.

С рубашками получилось все гораздо лучше — подошли все. Оставив надетой темно-синюю, я аккуратно подцепил все не подошедшие костюмы и вернулся к прилавку.

— Вот это не подошло, а остальное вроде хорошо. Давайте, если я уложился в отведенную сумму, то прямо так и уйду — предложил я, передавая плечики назад.

— Костюм 78 рублей, рубашка 25, так что еще много остается — проинформировали меня

— Отлично, тогда еще одну рубашку — я пододвинул еще одну однотонную рубашку — и давайте на оставшуюся сумму шляпу подберем.

Ну а чего не шикануть, тем более давно назрело? На улице все в шляпах, кепках и косынках ходят. Прямо иногда чувствую себя ущербным от бросаемых украдкой взглядов на мою не покрытую голову.

— Итого сто сорок восемь рублей. Уложились — улыбнулась мне продавщица.

— Да, хорошо получилось — согласился я, принимая от нее сдачу — как только зарплату получу, снова к вам зайду, уж больно мне у вас понравилось.

— Конечно, приходите еще — она сложила мою прежнюю одежду в квадратный сверток и добавив рубашку, ловко завернула его в коричневую бумагу и перетянула шпагатом.

— Еще раз большое спасибо — я подхватил покупку за узелок и легонько покачивая им, двинулся в продуктовый отдел. Сейчас возьму чего-нибудь перекусить и жизнь заиграет новыми красками.

Ага, заиграла, как же. Пройдясь вдоль прилавка и изучив ценники, я немного озадаченно попытался прикинуть стоимость еды себе на месяц. Булка белого хлеба — 3.50. Литр молока чуть дешевле — 3.20. Килограмм какой-то завяленной картошки — аж десять рублей. Зато консервы продавались почти по одинаковой цене — рубль с копейками. Кажется, я снова наткнулся на неизвестную мне сторону жизни, ведь даже быстрые прикидки в уме говорили, что я с оставшимися деньгами рискую умереть от голода, так и не дождавшись первой зарплаты...

Бросив напрягать мозг в попытке скроить свой бюджет, я решил поступить просто: набрал кучу консерв, каждого вида по одной банке на пробу. Получится студенческий стол: добавляем хлеба и в принципе можно будет выжить достаточно долго. А там либо разберусь, как тут люди питаются, либо переселюсь питаться в райкомовскую столовку, благо она работает чуть ли не круглосуточно.

Вообще выбор тут оказался довольно приличный: штук двадцать банок с разноцветными этикетками стояли передо мной горкой. Однако в руках их всех не утащить, а тары у меня нет..

— А можно еще... — черт, чуть не сказал «пакет». Вот ведь привычки из прошлого всплывают в самое неподходящее время. Нет тут еще пакетов, одни кульки из бумаги. Что бы замаскировать паузу, я нарочито растерянно похлопал по карманам.

— Нда-с-с, забыл переложить — я улыбнулся продавщице — где тут можно авоську купить или сумку? Я сейчас быстренько сбегаю, все равно больше никого нет

— На втором этаже — равнодушно бросила продавщица, доставая из-под прилавка книгу. И эта читает. Хотя чего им еще делать? Смартфонов нет, а репродукторы молчат. Кстати, а это идея — включать днем какую-нибудь музыку. Что у нас, оркестров мало?

Оставив читающую продавщицу охранять мои консервы, я снова вернулся на второй этаж. В отделе хозтоваров нашел авоську и вовремя вспомнив, добавил к покупке еще консервный нож. Нет, так-то я консервы могу открыть и голыми руками, просто шоркая кромкой об асфальт, но что-то мне подсказывает, что дворник меня не поймет. Ну и раз уже поднялся во второй раз, то прикупил еще ручку с чернильницей и бумаги. Иногда в голове мыслям тесно и требуется выплеснуть их куда-то. А привычку писать карандашами я так и не смог в себе развить — перьевая как-то более удобной оказалась.

Забрав консервы и еще раз поблагодарив продавщицу, я вышел на улицу.

— Ух ты, Вячеслав! — обернувшись на возглас, я увидел Михаила с какой-то девушкой под руку. Вроде лицо не знакомое, но тут лучше перебдеть, поэтому я разулыбался.

— Привет! — я пожал руку — Какими судьбами?

— Вот, Людмила, посмотри — он обратился к своей спутнице — всего пару дней, как его выкрали из больницы, а он уже вон, в костюме обрядился. Лучше нашей больницы трамплина для своей карьеры не придумаешь!

— Балабол какой — улыбнулась она и протянула мне руку — Людмила. Мы с Михаилом просто давние друзья, вот на семинаре пересеклись и решили прогуляться вместо обеда

Я аккуратно пожал потянутую ладошку. Ага, семинар для завхозов, понимаю. Сам только что с симпозиума электриков вышел, поэтому улыбаемся и молчим.

— А вы в поход собрались? — тут же поинтересовалась она, указывая на содержимое авоськи.

— Да нет, просто решил создать неприкосновенный запас на всякий случай. А то пока у меня хоть шаром покати — не стал скрывать я очевидного.

— А куда тебя забрали-то? А то по больнице слухи один другого страшнее ходят — поинтересовался Михаил

— Да на почтампт потребовался — махнул рукой я — извини, подробнее рассказать не

могу пока.

— А, к москвичам что ли? Тогда понятно все с тобой. Ты бы хоть в больнице появился, успокоил всех...

Офигеть конечно тут какой у них высокий уровень секретности. Кажется весь город знает про приехавших в Калинин москвичей...

— Обязательно, вот как немного разберусь с нахлынувшим, так тут же приду. А ты пока передай всем, что жив-здоров и местами даже благоухаю — пообещал я. В самом деле, как-то все уж очень сурово получилось.

— Ладно, мы тогда не будем вас отвлекать больше, да Михаил? — улыбка Людмилы однозначно дала мне понять, что терять время со мной она не намерена.

— И вам всего хорошего! — раскланялся самым любезным образом я. Не мне же с ней детей делать, у меня своих тараканов в голове хватает.

Странно, может попаданчество так повлияло на мои мозги, что я настолько отупел? Передо мной лежал листочек бумаги, на котором я пытался прикинуть свой бюджет на месяц. Я даже специально еще раз прошерстил свою папку и выудив копию приказа, перечитал про сумму «денежного возмещения» и «заработную плату». По всему выходило, что в месяц мне должны начислять 1125 рублей. Возьмем с запасом и вычтем 200 рублей на всякие налоги и прочие положенные выплаты типа квартплаты. Добавлю в расходы еще 200 рублей на домработницу, нет давай 300 — черт его знает, сколько надо, лишнее не потеряется. Итого, по самым грубым прикидкам, у меня остается 625 рублей. Или говоря другими словами, 20 рублей в день на житуху. Семьи у меня нет, так что получается мне надо обжираться, что бы потратить выделенное...

Перейдя на кухню, я еще немного поколдовал над листочком, пытаюсь понять, что же заставило меня в магазине насчитать на голодную смерть себе, но не преуспел. Ладно, свет в конце туннеля есть и пока кажется что это не поезд.

Вздыхнув, я взял новый листочек и начал составлять список. Вот чего я начал обход квартиры туалетом и на остальные комнаты по сути забил? В ванной ни мыла, ни зубного порошка, ни зубной щетки. Кто подумал про полотенца? Их тоже внезапно не оказалось. Хорошо еще, что на кухне нашлись ложки-вилки. Консервный нож тоже был, так что купленный будет запасным.

Я подцепил кусок из консервной банки и отправил в рот. А ничего, вкусно. Посмотрел на этикетку «котлеты из частиковой рыбы в томатном соусе». Вот что это за частиковая рыба такая? Опять одни вопросы без ответов. А спросить не у кого. Немного прислушавшись к своим ощущениям, открыл еще одну банку, на этот раз «печень трески с гречневой кашей». Смешал с остатками томатного соуса из предыдущей банки и тоже пошло довольно хорошо. Кстати, мусорное ведро тоже нужно найти и поставить на законное место под раковину.

Так что у нас со средствами готовки? Достал и осмотрел плитку. Ну как плитку — несуразный столбик с нихромовой проволокой в канавках. Воткнул в розетку и понаблюдал за краснеющей спиралью. Работает, чинить не надо и ладно. Постучал пальцами по дну пары кастрюль и с видом знатока прислушался к издаваемому звуку. Вон, даже какая-то сковородка виднеется, вернее ручка от нее. Разогнувшись, провел пальцем по бортикам стоящих в сушилке тарелок. Тарелки ожидаемо откликнулись совсем не музыкальным перестуком. Ну и ладно, не будет тут мне музыки.

На всякий случай покрутил регулятор громкости у репродуктора в углу. Тишина. Нет, не

дошли здесь еще до дневного вещания. Точно, в магазине же была идея про заполнение дневных пауз, я и забыл. А теперь у меня есть куда записать! В общем, начал заполнять еще один листочек.

Вот таким вот макаром я совал свой нос в каждый угол и пытался составить список того, что необходимо приобрести для более-менее приличной в моем понимании жизни. Но иногда со своими знаниями я вставал в тупик. Вот взять к примеру обычный карниз над окнами. Если откинуть всякие современные приспособления, то я привык видеть здоровенную такую палку с медными набалдашниками на концах. Ну или хотя бы натянутую проволоку, по которой скользят S- или O- образные крючки. У меня же над окнами наличествовала некая конструкция, в которой было аж четыре тоненьких трубы. Хорошо, одну отдадим под тюль, вторую под плотные шторы. А две других тогда зачем? Но это ладно, рюшечек повесить всегда можно. Но зачем прямо над кроватями в спальне в потолке по крючку? Для повеситься откровенно дохловатые, а для люстры вон в середине место выделено. И наверняка немного пожив, я еще кучу странностей найду.

Немного подумав, сдвинул кровати вместе поближе к окну. Будет у меня не то диван, не то лежбище с видом на какое-то дерево. Открыв форточку пошире, я для лучшей усвояемости съеденных консервов растянулся на получившемся месте. Еще бы матрас потолще и совсем царское место получится...

— Мр-р-р-р! — меня разбудило дрожание чего-то теплого на груди. Я открыл глаза: на груди лежала обычная полосатая кошка, породы «дворовая обыкновенная». На полном автомате я поднял руку и нащупав легонько боднувшую меня в ладонь ушастую голову, провел рукой по свернувшейся в кольцо теле. Оказывается, мне очень не хватало этих гнусных, самодовольных и местами блохастых сволочей. Главное, что бы ночных тыгыдымков не было, тогда потискать и погладить никогда не откажусь. Сев на кровати, я подхватил и приподнял вытянувшееся резиновой сосиской животное. Не, точно кошка — бейцев не видно.

— Ну и кто ты и откуда? — спросил я наглую захватчицу. В ответ получил лишь презрительный взгляд из полуприкрытых глаз. Дескать, молодец, что не гонишь, но верни назад туда где взял и дай поспать.

— Учти, жрать тут нечего от слова совсем — на всякий случай предупредил я ее, возвращая на кровать. В ответ на это заявление кошарик развернулась ко мне жопой и потянувшись, начала снова устраиваться, выискивая на кровати место поудобнее.

Глянул в окно — надо же, пока я усваивал полезные вещества, на улице уже практически стемнело. Хорошо же я придавил люлю, теперь фиг ночью нормально усну... Почесав грудь, решил наконец-то проверить качество предоставляемых в туалете услуг.

Однако стоило мне разместиться на фаянсовом друге по-удобнее и снять с гвоздика для последующего ознакомления кусок газеты, как в дверь сначала длинно позвонили, а потом застучали. Не знаю почему, но я затаил дыхание в надежде, что ошиблись адресом. Однако вскоре к звонкам добавились пинки и какие-то крики. Я прислушался — кажется, кричат мое имя. Надо же, какая у меня хорошая в этом отношении дверь — почти не слышно. Э-э-эх, даже посидеть не дают со всем вкусом и удовольствием...

— Что? — совершенно не дипломатично рывкнул я, открывая дверь.

— Вячеслав! — меня буквально как пробку из бутылки выдернул на площадку Малеев и потащил вниз.

— Алексей Павлович? — из-за удивления я даже не сопротивлялся, скатываясь по лестнице вслед за начальством.

— В дороге объясню — продолжал он меня тащить на буксире мимо удивленной донельзя консьержки.

— Светлана Игоревна, мы ненадолго, присмотрите пожалуйста за квартирой — я едва успел произнести просьбу, как был буквально вброшен внутрь здорового лимузина. Не успел я принять сидячее положение, как меня буквально впрессовал в противоположную дверь запрыгнувший следом Малеев.

— Гони! — прохрипел он и полез в карман за платком. В салоне сразу же густо запахло алкоголем пополам с перегаром. Странно, а выглядит совершенно трезвым...

— Да что случилось то? — я пытался найти за что ухватиться в бешено ревущем мотором автомобиле.

— Свет погас — он судорожно вдохнул — весь.

— Ну бывает — по-прежнему не понимал я — есть же дежурные электрики, главный инженер наконец...

— Нажрались! Все нажрались, причем как свиньи! — утирая пот, внезапно фальцетом воскликнул он — даже лыка не вяжут!

— Ну это тоже понятно, праздник там, банкет. Завтра проснутся и починят. Отчего спешка-то такая? Вы-то причем тут?

— А больше некому оказалось. Остальные тоже... устали очень, а у меня язва, мне много нельзя. Вот Петр Георгиевич мне и поручил восстановить. А почему спешка... Телефоны не работают и... — он наклонился к моему уху, кося глазом на водителя — и глушачие системы тоже.

Вот теперь все понятно. Город или его большая часть без связи, плюс скоро ночь, а «глушилка» не работает. Это не просто авария, это ЧП, за которое можно лишиться партбилета, ибо завтра про это на какой-нибудь би-би-си расскажут. И если все вокруг нажрались, то получается я сейчас единственный трезвый человек с соответствующим допуском...

— А это случайно не диверсия? — стоило машине резко затормозить, как я согласно всем законам физики соскользнул с шикарного сидения задницей прямо на пол.

— Не знаю, ничего не знаю. Но в МГБ и к военным гонцов отправили — ответил Малеев и открыл дверь.

Я вышел и мрачно уставился на темное здание почтамта. Потом перевел взгляд на такое же темное здание стоящего рядом райкома. Как я понимаю, смотреть предохранители по этажам не имеет смысла. Проблемы где-то на вводе, значит...

Позади меня со свистом заблокированных колес остановилась еще одна какая-то представительская машина. Я оглянулся. Марку в стремительно сгущающихся сумерках я не распознал, да и не особо хотелось-то. Из машины буквально выпрыгнул какой-то военный.

— Ну что, привезли? — прорычал он

— Привез — кивнул на меня Алексей Павлович

— Почему не чинишь? — теперь его рык был направлен на меня

— Думаю — ровно ответил я. Как же я дико не люблю руководителей-чаек. Встают над плечом и начинается «ну когда, когда-а-а-а».

— Нехер думать, чини давай! — он пошел ко мне.

— Пошел в жопу... — я продолжал рассматривать здания, расположенные вокруг

площади. Кроме почтамта и райкома темные окна были только у еще одного. Значит, моя идея про ввод обретает все больше веса...

— Что-о-о? Да я... — А вот это уже серьезно. Вояка расстегнул кобуру и потащил что-то наружу. Ну вот еще этого не хватало... Я сделал полушаг к нему навстречу и со всей дури пробил ему пенальти между ног. Мужика от моих усилий аж подкинуло и на асфальт он уже приземлялся в скрюченном состоянии. Рядом глухо стукнулся пистолет. Негоже оставлять оружие в руках такого противника, еще выстрелит в меня сдуру... Подобрал пистолет, я покрутил его в руках. Я не знаток оружия, но если судить по фильмам, то очень похож на ТТ. Кстати... Щелкнув курком, я отвел затвор назад. Тут же в темноте тускло сверкнул вылетевший рыбкой патрон. Он что, идиот и ходит с патроном в стволе? Хотя фиг его знает, может с ТТ можно и так...

— Фонарь есть? — спросил я выскочившего водилу вояки. Вроде без оружия, хотя может у него в багажнике арсенал прячется на всякий случай.

— А? — немолодой уже водила переводил взгляд с меня на тихонько подвывающее начальство и обратно

— Фонарь. Свет. Надо — по словам я попытался донести свою мысль максимально доходчиво.

— А-а-а-а. Не-е-е, фонаря нет.

— Плохо — резюмировал я и повернулся к удивленно рассматривающему меня Малееву

— Вот. Посторожите пока — вынув магазин и еще раз передернув затвор, я отдал железки ему.

— Так, мне нужен свет — начал я размышлять вслух. Может, воспользоваться всеобщим офигеванием и на глазах водил нагло разломать чью-нибудь машину, хотя бы вот этого вояки? Фара есть, аккумулятор есть, проводов надергаю... А таскать кого-нибудь заставлю, вон сколько народу простаивает...

— Может, у сторожа взять? — предложил кто-то из темноты

— Вполне логично — согласился я — но где нам найти сторожа?

— Так вон же, выглядывает!

Я повернулся назад к почтамту. И в самом деле, из-за угла выглядывал благообразный старичок с керосиновой лампой в руках.

— О! Милейший, вы-то мне и нужны! — я быстрым шагом направился к нему. Сторож было подался назад, но быстро сообразив, что дело серьезное и я от него не отстану, остался на своем месте.

— Вы сторож, не так ли? — я дождался ответного кивка и продолжил — покажите мне пожалуйста, где тут у вас...

Мои последние слова заглушил рев сразу нескольких моторов. На площадь с двух сторон начали въезжать грузовики. Слева здоровенные, судя по сидящим в кузове — вояки. А справа — обычные полуторки, забитые черными мундирами. Ага, МГБ пожаловало. Надеюсь, у кого-нибудь из них есть фонарик, а то с керосинкой свет чинить не стильно...

— Так вот, отец — повернулся я назад — покажи мне, где у вас электрики и прочие подобные сидят. Надо мне поглядеть кое-что.

— А ты кто такой? — подняв лампу, подслеповато рассматривал меня дедок.

— Алексей Павлович! — я повысил голос — подтвердите мои полномочия.

— Ох ты ж ешкин кот, начальство не приметил — подхватился дедок, узрев прыгающего к нам Малеева. Следом за ним широким шагом шли двое из ларца,

отличающиеся только цветом формы. Наверняка командиры приехавших...

— Да понял я, счас ключи только возьму — он повернулся и засеменял назад.

— Вячеслав Владимирович! 1я батарея 84го минометного полка поднята по тревоге, доставлена и ожидает ваших приказаний. Командир майор Петров — обратился ко мне первый

— 3е и 4е отделение 2го управления МГБ ожидает ваших приказаний. Доложил капитан Агафьев — пока я переваливал послание первого, второй добил меня

— Мужики, вы чего? Сейчас начальство приедет, пусть оно вами и командует — я переводил взгляд с одного на другого, пытаюсь снизить накал идиотизма.

— Имеющееся начальство отправило в ваше распоряжение — вдруг улыбнулся МГБшник.

— Так точно! — подтвердил его коллега.

— Ладно — я потер лицо руками, пытаюсь собрать мысли в кучу — только тянуться не надо, все-таки я гражданский...

Хотя чего я торможу? У меня внезапно в подчинении оказалась такая орава народу, счас они мне быстро помогут, заодно и шпионов половят как они это любят.

— Ладно, слушай обстановку на сейчас. По каким-то причинам погас свет — я показал руками в темные бойницы окон — город остался без связи и... разных спецсредств. Причины не известны, но будем предполагать худшее — диверсия. Поэтому пока не приедут полковники или там какие генералы постарше, то слушай мой приказ.

— Вы — я ткнул пальцем в вояку — организовываете оцепление вокруг почтамта и райкома. Всех выходящих носом в землю, пока товарищи не проверят — я кивнул в сторону второго.

— Ну а Вас попрошу выделить мне пару ребят побойче — теперь уже МГБшник слушал меня — И найдите фонарики пожалуйста, а то с керосинкой мы много не навоюем...

Оба не говоря не слова тут же помчались назад, выкрикивая на ходу приказания. Э-э-эх, диверсант, если он тут и был, то наверняка уже давно сделал ноги...

— Ну вот, отец, видишь как закутилось оно — выложил внимательно слушающему меня сторожу — так что уж будь добр, покажи мне тут все.

— Да понял я уже, чай не дурней паровоза. Идем — дед видимо вспомнил прошлое и на этой волне прямо преобразился. Теперь передо мной стоял не шаркающий ногами сторож, а просто старый воин...

Не успели мы пройти и десятка шагов, как нас нагнали две МГБшников с фонариками. Отлично, жизнь налаживается... В подвальной комнатухе электриков ничего полезного обнаружить не удалось. Робы, замызганный стол да пара сумок с инструментом. Подняв обе, я покачал их на руках, взвешивая. Ладно, возьму ту, которая тяжелее.

— Теперь ищем двери и люки, на которых написаны слова типа «не входить, опасно» или разные большие буквы невпопад, например ЩО или ГРЩ — подал я новую команду. Сейчас по проводам выйдем на главную щитовую, а там узнаю состояние вводов. Ну а дальше будет понятно, чего делать дальше.

— Нашел! — вскоре раздался крик из конца коридора. Ну вот, даже на первый этаж подниматься не пришлось...

— Слушай, да ты везунчик — протянул я в адрес будущего кагебешника, разглядывая в неровном свете фонариков черепашку и надпись «Щитовая. Не входи — убьет».

— Так это... Ключи у меня там остались, я сейчас... — вдруг засуетился сторож

— Да некогда — я отошел к противоположному краю коридора и взяв короткий разбег, ударил ногой в замок двери. Казавшаяся незыблемой дверь звонко тренькнула расколотым деревом и гулко стукнулась об стену.

— Ребята, главный приз считай у нас в кармане — произнес я, разглядывая комнату — дай-ка фонарик...

Вот ведь жуки какие. Если верить нарисованной схеме, то у почтамта и райкома аж три ввода. Нафига им столько, если даже у больницы всего два? Так, все вольтметры показывают, что входное напряжение есть. Я повел фонариком ниже — на левом рубильник поднят, на остальных два — опущены. Еще фонариком ниже — а вот и причина. Здоровенные пластины, работающие тут за предохранители, были попросту разорваны на две части. Нехило тут бабахнуть должно было. Каждый такой предохранитель ампер на 200–300 минимум, если не больше.

Ладно, сначала попробую нахрапом. Я поставил сумку на пол подальше от клеток и открыл левый шкаф. Рубильник вниз, первый ввод отключен. Открыл средний. Так...

— Народ, береги глаза, в мою сторону не смотреть! — предупредил я глазающий народ. Подождал, пока шуршание за спиной затихнет и резко перекинул рубильник вверх. Под лезвиями сверкнула небольшая вспышка и в коридоре загорелся свет.

— Есть свет! — радостно сообщили мне очевидное

— Совсем не факт... — протянул я, наблюдая за краснеющими предохранителями. Ну нафиг... Я повернулся спиной и проорал — глаза и уши!

За спиной дважды бахнуло и вокруг снова разлилась тьма. Вывод прост: где-то дальше есть короткое замыкание и очень хорошее, раз такие предохранители жгет не напрягаясь.

— Так — я обратился к ближайшему МГБшнику — беги назад, к начальству. Доложи, что это практически точно диверсия, потому что само по себе такое не образуется. Потом пусть выделяют еще людей, пусть встанут цепочкой и организуют связь. Ну и пожарных с медиками на всякий случай тоже надо позвать

— Ну а ты — я наставил палец на второго — идешь следом и отстав на десяток шагов, обеспечиваешь безопасность коллеги. В случае чего — обоим не думать, не спрашивать кто там с руками вверх, а сразу стрелять на поражение. Понятно?

— А как же вы?

— А чего я? — я достал из сумки маленький ломик и показал им — мы с товарищем сторожем организуем стратегический пункт обороны и ждем вас.

Кивнув, они унеслись на выход, громко топая сапогами. А я почесывая спину фомкой, задумался над тем, что делать. По-хорошему, надо найти все отводы, отрубить и потом просто по одному включать. Где еще раз бахнет, то там и бяка. Все решилось бы очень просто, будь у меня время и схема расположения. Однако все, что у меня есть на сейчас — это крайне общая схема разводки и дикое количество распределительных щитов. Вон, у какого-то номер аж 134...

Стоп, бахнет... Оппа, кажется у меня есть идея... Где-то на периферии проскользнул вариант устроить то, что я больше всего люблю... Главное не упустить! Я постарался внушить себе, что эта идея — фигня и не стоит даже выеденного яйца. Вон, сейчас поменяю сгоревшие предохранители, благо есть запасные и еще раз попробую. Идея, обидевшись на такое пренебрежение к ней великой, мгновенно вылезла из глубин и тут же была поймана для рассмотрения. Едренуть... Если получится, то меня специалисты сначала четвертуют, потом обоссут и сожгут. А следом на моей могилке поставят плакат «он был идиотом и не

лечился».

Ладно, даже для моей идиотской затеи нужны работающие предохранители, поэтому я передал фонарик деду и показал куда светить. Электрика — это наука о контактах, поэтому опустив рубильник, я спокойно начал выколупывать сторевшие половинки из держателей. На целых посередине были даже маленькие фарфоровые ручки, поэтому я для лучшего контакта несколько раз достал-вставил каждый из предохранителей. Меньше сопротивления — больше току!

В коридоре раздался топот с криками «Вячеслав, это мы». Диверсанты с такими криками не бегают, поэтому я спокойно продолжил заниматься своими делами. Наконец, я отошел чуть назад и окинул взглядом сделанное. Отлично. Во всех трех шкафах рубильники опущены, предохранители на своих местах...

— Извини, но вам опять придется сбегать до начальства — повинился я перед тяжело дышащими вояками.

— Надо на каждый этаж обоих зданий поставить по человеку или два. Дать отмашку мне. Как я включу свет — смотреть по сторонам и нюхать. Если где появится гарь или обнаружат пожар — не лезть, сразу сигнализировать, я выключу и только тогда принимать меры. А там и я подойду. Понятно? Ну если понятно, то давайте....

Я выглянул в коридор вслед бегущим. Рядом стоял солдатик, на повороте еще один. Все с фонариками, нервно шарят лучами по стенкам. Не иначе, боятся злобного врага...

— Так, бойцы. Не сцать, вы со мной. — я постарался добавить в голос уверенности — сейчас будет мигать и дрожать свет, это нормально. Ваша задача — передать команду от соседа мне или от меня соседу. Вопросы есть?

— Никак нет! — ответил ближайший.

Ладно, чем мог, тем помог... Я еще раз пробежался по пунктам своего плана. Если не сработает, то надо думать над планом «Бе», а мыслей в голове вообще никаких — ни умных, ни глупых...

— Готово! — раздалось от поворота и тут же стоящий около двери продублировал — Готово!

— Что же громко-то так — пробурчал я и пошел к левому шкафу.

И-и-и раз, рубильник в первом шкафу вверх. Не глядя на результат, я рванулся к следующему шкафу — и-и-и два — рубильник вверх. И в третьем — рубильник тоже вверх! Пофиг на возможный перекося фаз, пофиг на встречную генерацию, а частота в сети синхронизирована. Мне нужна мощность, что бы «коротыша» пережечь и я ее дал.

Я наблюдал за предохранителями — хватит или нет? Кажется, хватает, по крайней мере ни один не пытается изобразить из себя суровый советский светодиод, сигнализирующий о легкой перегрузке...

— Горит! — раздалось из коридора. Сработало! Я быстро дернул вниз все рубильники, и проорав «туши!» рванулся наружу. Прямо на выходе стоял солдатик, который указывал пальцем на почтайт. Черт, это же наш второй этаж!

— Смело туши, электричество отключено! — проорал я и побежал на помощь. Однако меня довольно невежливо, буквально схватив за шкуру, остановили и простыми русскими матерными словами объяснили всю глубину моего невежества. В общем, сказали не лезть поперек батьки в пекло. Посмотрев на здорового пожарного в блестящей каске, я безоговорочно принял правильность его команд. В самом деле, чего это я?

Видимо, площадь пожара была небольшой, потому что буквально через пять минут

сверху кто-то поорал «все в порядке, потушили».

Вскоре я стоял перед кучей народа. Часть была в пиджаках, часть в форме. Но от всех перло мощным запахом перегара. Хорошо же они там гуляли, мне аж завидно стало...

— Ну что же товарищи, посмотрите — тоном заправского лектора я показал на пару рожковых ключей, намертво приварившихся к шинам — перед вами совершенно идеальный образчик диверсии на сетях электропитания.

— Неизвестный диверсант отключил отвод — я показал рукой на маленький шкаф — затем зачем-то заменил предохранители ломиками. Почему фомками? Подозреваю, они просто попались под руку первыми. Просто стоявшие изначально сгорят раньше основных, а где взять более мощные он видимо не знал. И потом замкнул подручными предметами, в данном случае автослесарными ключами, токопроводящую шину. При включении отвода назад образовалось короткое замыкание, которое не и позволяло вернуть энергообеспечение — я отошел от до сих пор воняющего паленым места.

— В настоящее время снабжение соответствующих объектов электричеством восстановлено в полном объеме. Приблизительное время устранения аварии — около часа. Доклад окончил.

— Почему так долго? — раздался вопрос какого-то вояки

— Не мой объект, потребовалось время на изучение. А штатный персонал был выведен из строя.

— Это каким же таким образом? — теперь вылез вперед кто-то в штатском

— Таким же, как и вас — я выразительно щелкнул пальцем по горлу.

Народ начал сурово морщить лбы, переваривая услышанное. Послышались тихие разговоры.

— Так, как я понимаю, все, что могло случиться, уже случилось? — еще один мужик в пиджаке, но явно поначальственной предыдущего, вон как все разом повернулись к нему.

— Ну на данный момент да — согласился я — но сами видите, повторить такое будет легко.

— Ну это мы еще посмотрим... — он повернулся к остальным — Михаил Валентинович, отводите своих назад, нечего город будоражить. Игорь Михайлович, теперь тебе все карты в руки...

Кажется, я больше не нужен на этом празднике жизни. Свет горит, народ бодро бежит в разных направлениях, смену проспавшему все представление персоналу уже притащили. По плану сейчас должно начаться награждение непричастных и наказание невиновных, так что чего-то мне не очень охота участвовать в этом представлении. Я потихоньку, пока никто не видит, пошел по стеночке на выход. Сейчас легкой рысью, просто что бы не замерзнуть, пробегусь до дома, а там ванная... Черт, пока тут носился, угваздал в ноль новые брюки. И когда только успел?

— Вячеслав Владимирович, разрешите вас на минутку — мужик, выглядящий совершенно безобразно свежим на фоне остальных, взял меня под локоть — давайте отойдем, что бы не мешать ответственным товарищам...

— Старший следователь, подполковник Иваницкий — перед моим носом мелькнула красная книжечка — где мы можем побеседовать?

— Ну пойдете в дежурную, благо она рядом — показал я рукой

Помня, что мне обещали выдавать ключи только под роспись, я все-таки на всякий

случай толкнул дверь. Странно, опять открыта. Что-то Игорь Степанович совсем мышей не ловит. Хотя может по такой суматохе просто открыли раньше, меня-то тут не было.

На правах хозяина я приглашающе указал на стол со стульями, дескать, выбирай любой. Пока следователь рассаживался, я подошел к окну и открыл форточку, что бы хоть капельку снизить вонь от сгоревшего. Не иначе, на ключах какие-то тряпки для маскировки были наброшены...

— Итак, расскажите по порядку все, что происходило с вами сегодня. Точнее с полуночи уже вчерашнего дня...

— Слав, вставай, да вставай же! — какой-то многорукий монстр, подражающий голосу Андрея дергал за укрывающую меня штору, пытаюсь добраться до моего нежного тела. Я лениво сопротивлялся. Наконец в какой-то момент все усилия сложились в одном направлении и кокон со мной внутри упал на пол.

— Отстаньте, я только что уснул! — я снова попытался устроиться поудобнее. Разговор со следователем затянулся глубоко за полночь, ведь его интересовала абсолютно любая мелочь, произошедшая со мной вчера. Он даже попытался выудить из меня то, что я успел прочитать на обрывке газеты в туалете, прежде чем я попал в руки Малеева. Писал он быстро, убористым почерком, но все равно его дотошность привела к тому, что протокол моего допроса по числу листов начал напоминать черновик какого-нибудь романа похуже. Мы бы продолжали и дальше, но к тому времени он вымотался настолько, что не сразу сообразил остановиться на вопросе «что именно вам продемонстрировал следователь, после того, как вы вдвоем отошли в сторону».

Плюнув на все возможные последствия, я просто написал «с моих слов записано верно» и попрощавшись со следователем, пошел искать место где поспать до того, как начнется новый трудовой день. Нашел не занятую комнату с диваном и завалился дрыхнуть. В качестве замены одеяла и подушки я воспользовался шторами, которые совершенно без зазрения совести перед этим сдернул с карниза.

— Да мать твою! У нас беда — злобный монстр решил прекратить попытки добраться до меня и решил договориться.

— Вызовите дежурного электрика, меня только что закончили допрашивать — я глубоко и протяжно зевнул — и поэтому мне положено много сна.

— Да едрена кочерышка... — кажется, меня легонько пнули — Нины нет, а до начала эфира меньше часа осталось

— Ну найдите другую — тут меня до меня дошло сказанное — Как это нет ее?

— Непонятно пока ничего...

Я высунул нос из кокона. Рядом со мной стоял Андрей и Степаныч. Оба были при полном параде, как будто не участвовали в ночной заварухе. А в самом деле, не было же их...

— А чего это вас вчера не было на игрищах?

— Так получилось. Надо было — немного уклончиво ответил секретчик вместо мгновенно зардевшегося Андрея

— Ну надо так надо — я сел, привалившись спиной к подушке дивана — но мужики, давайте сразу проговорим все на берегу. Я не знаю, о чем говорить в эфире. Предлагаете мне вспомнить все рецепты, про которые я рассказывал в больнице?

— С этим вопросом можно не беспокоиться. Материалы из обкома есть, там-то никто не пропал! — в двери показался Алексей Павлович, похлопывая рукой по какой-то папке. Вот сразу видно, что человек в одном со мной деле побывал: мешки под глазами, костюм весь изжеванный...

— О-о-х — выпутавшись из шторы, я встал на ноги — дайте мне 5 минут, пойду сполоснусь, а вы пока найдите кофе или там чая, а то счас назад засну...

В туалете я протолкнулся между курящими МГБшниками, сунул голову под кран и

несколько минут фыркая, заливал пол вокруг себя водой. Когда сонливость сделала вид, что отпустила, я руками потеревил шевелюру, окончательно заливая водой все вокруг себя. Вытерев полую рубашки лицо, я вышел в коридор

— Чай! — мне в руку ткнулась кружка с заваренным до черноты чаем. Из заварочника просто что-ли бухнули?

— Кофе! — перед носом появилась еще одна кружка.

Я отхлебнул из одной. Гадость. Попробовал из второй. Еще большая гадость. Но надо пнуть организм — позволить зевнуть в эфире я себе никак не мог.

— Ладно, ведите меня на лобное место...

Лобное место оказалось в другой половине здания. Видимо, отголоски вчерашних событий еще не улеглись, поэтому коридоры были забиты людьми в форме. Открыв здоровенную дверь с табличкой «Радиовещательная станция имени Ф.Э.Дзержинского», я попал в короткий коридор с тремя дверями.

— Давай сначала в редакторскую — легонько толкнув меня в плечо, мне показали направление. Ну в редакторскую, так в редакторскую...

Маленькая комнатка, в которой на всех горизонтальных поверхностях громоздились папки, подшивки газет и обрывки каких-то плакатов. Явно «организованный беспорядок», все как я люблю. Эх, найдется Нина, она нам устроит бойню за вторжение в ее царство.

— Погодите — меня догнало воспоминание — а разве эфир идет вживую? Я почему-то считал, что сначала магнитофон, потом проверка и только потом в эфир.

— Нету магнитофона. Давно сломан, а специалиста починить... тоже нету. Так что цени оказанное тебе доверие!

Нет, точно Игорь Степанович тут мышей не ловит. Сначала тот пьяница в эфире, теперь это... Раздолбайство на всех уровнях или высокий уровень сознательности? Хотя совершенно не о том я сейчас думаю.

Злобно оскалившись, я широким жестом смахнул со стола все бумаги на пол. Эх, Нина меня точно в мясорубку отправит, но крутые времена требуют крутых решений!

— На тебе материалы, ознакамливайся — Михеев вручил мне главный приз и посмотрел на часы — до эфира еще целых полчаса, так что обязан успеть.

Я плюхнулся за стол и раскрыл папку. Надо же, «отдел информации областного комитета коммунистической партии г. Калинина» действительно не зря получал свою пайку. Внутри обнаружилась куча страниц, на каждой был текст в духе «Совхоз Ударник сообщает о подготовке к осеннему посеву озимых сортов пшеницы, ржи и других культур». Ниже была краткая справка, что это за совхоз, в каком он районе и кто у него председатель. Видимо, как это окончательно формировать перед выдачей в эфир, оставлялось на совести редактора.

Быстро перелистав содержимое, я проговорил случайно выбранное сообщение и прикинул длительность. В принципе, на полтора часа неспешной болтологии должно хватить. Если чего, то с меня взятки гладки — что дали, что и прочитал.

Стоп! А где про ночные тусовки? Я еще раз быстренько пролистал содержимое. Не вижу.

— Алексей Павлович! А про ночное почему ничего нет? — проорал я в воздух, зная, что Малеев где-то рядом.

— Решают еще. Как решат, я тебе сообщу — он показался в дверях — пошли, пора уже.

Хмыкнув от такой непосредственности в политике эфира, я прошел в соседнюю комнату. Огляделся, еще раз посмотрел на здоровенную табличку «студия» на двери. Где микшерский пульт? Где специально заглушенное помещение для диктора? Где хотя бы табличка «ТИХО! Идет Эфир»? Здоровенный стол, на котором стоит огромная пилула микрофона и рядом ящичек с парой крутилок около стрелочного индикатора. Судя по нарисованным кисточкой надписям «Громк. Микр.» и «Усил.» это микрофонный усилитель. Или предварительный для станции, что в общем-то с одного поля ягоды

— Ты, паря, главное не перешкаливай и все получится хорошо — обратился ко мне пожилой и сухощавый мужичок, мнуший в руках папиросу — а уж я все остальное обеспечу.

— Михалыч, заведующий аппаратной — ответил на мой невысказанный вопрос Михеев

— Тогда остался один вопрос: что значит не перешкаливай? — я пожал мужику руку

— Ну вот говоришь в микрофон и видишь, стрелка дергается? Вот говори так, чтобы показания были не больше во-о-т этого уровня — он показал пальцем

Ага, все понятно. Если орать громко, то получаем сигнал большой амплитуды и затем перегрузку усилителя с хрипами и стопами на выходе. А автоматической регулировки нет или еще не придумали? Надо будет потом поинтересоваться — схема-то там простая.

— Так, пять минут. Михалыч, давай, заводи систему — Михеев еще раз поглядел на часы — И все, всем долой с поля!

Я глядел на медленно скачущую секундную стрелку на настенных часах и пытался войти в рабочий режим. Нет никакой станции, нет никакого следователя, нет никакого недосыпа. Есть старая добрая трансляционная установка с ожидающими нового рецепта медсестрами. Нет пластинок — не беда, зато вон, думать о чем говорить не надо. А стул тут даже удобнее. И помещение побольше, дышится легче... Я наклонился к микрофону.

— Внимание! Говорит Калининская радиостанция имени Феликса Эдмундовича Дзержинского! За микрофоном Вячеслав Брянцев...

Вообще зря я волновался. Как бы это банально не звучало, но опыт не пропьешь. Чтобы не напрягать связки, я склонился к микрофону поближе и выдавал про подготовку урожая, заготовку леса и выданные сверх плана километры волокна. Проценты, тонны и кубометры шли нескончаемым потоком. Наконец в папочке закончились листочки и я почувствовал, как внутри поднимается теплая волна.

— И на этом я завершаю сегодняшнюю передачу. Жду вас завтра около приемников в это же время...

Фуф, еще одна вершина взята! Я откинулся на спинку стула, борясь с внезапно накатившейся слабостью. Дождавшись отмашки Михалыча, я с трудом поднялся со стула и с трудом двигая затекшими ногами, вышел в коридорчик. А где благодарная аудитория? Я заглянул в редакторскую

— Хорошо, очень хорошо — Малеев помахал рукой, приглашая меня зайти — в самом начале было немного шероховатостей, но потом выправился

— Алексей Павлович, разрешите, я схожу до столовой, поем чего-нибудь? А то уже почти сутки ничего не ел, да и то, тогда просто перекус был.

— Давай, а потом сразу сюда, будем вместе думать, как решить все накопившиеся проблемы — он вернулся к чтению какой-то бумажки.

Еда! Стоило мне подумать о ждущих меня калориях, как ноги сами меня понесли по уже знакомому маршруту. Стоило большого труда завернуть в встретившийся по пути туалет и

хоть немного привести себя в порядок — ведь не просто в столовую иду, а к благодарной аудитории.

— Брянцев? Минутку — на спуске в переход до столовой меня остановил незнакомый мужик в пиджаке и махнул очередной книжечкой в красной обложке — Следователь Коврижных. Мне необходимо с вами пообщаться. Пока без повестки. — он сделал многозначительное лицо, явно пытаясь придать весомость своим словам.

Надо же, еще один допрашивальщик объявился на мою голову. Если так пойдет, то можно будет очередь организовывать.

— Да не проблема — я согласно кивнул головой — но только через полчаса, не раньше. Сейчас передо мной стоит совершенно неотложная задача. Можем встретиться прямо тут или в редакторской радиостанции.

— А я ведь могу Вас взять под стражу прямо сейчас — он добавил металла в голос

— Можете — совершенно не впечатлившись, снова согласился я — и даже можете потом вывести в чистое поле и расстрелять около стенки. Но вас много, а я один. И полчаса мне все-таки надо, иначе арестовывать некого будет. Если не верите, то можете проследовать со мной и проконтролировать наличие моего присутствия.

— Как это нас много? — он даже немного отступил

— Не беспокойтесь, вы на почетном втором месте. Все, я пошел. Если не умру, то через полчаса я буду проходить здесь обратно. А если не приду, значит несите цветы на могилу.

Оставив следователя обдумывать мое поведение, я уже практически вприпрыжку помчался в столовую. Уровень моего голода уже перевалил планку «очень хочется есть» и плавно приближался к отметке «давай жрать».

— Вячеслав, мы вас все вместе слушали сегодня! — Стоило мне только зайти в дверь, как радостно улыбающаяся толстуха в белом халате сообщила мне об этом факте.

— Так это же замечательно! — я натянул на лицо обаятельную улыбку — но прежде мне очень-очень хочется снова отведать ваших замечательных блюд.

В доказательство своего неумного желания я демонстративно оглядел витрину и схватив кусок хлеба с раздачи, залихватски откусил половину.

— Сегодня особенно удались котлеты по-киевски — мне был продемонстрирован лоток с парой рядков таких восхитительно выглядящих оранжево-коричневых пирожков.

— Ну... давайте попробую — согласился я, пытаясь незаметно слотнуть слюну. Тут же мне в руки дали тарелку с желаемым. Немного поборовшись сам с собой, я дотянулся до столовых приборов и отрезав кусочек, тут же закинул его в рот.

— М-м-м-м — покачал я головой, пережевывая — и ф фамом деле фосхитительно!

Тут организм почуяв, что ему начала поступать еда, резко снизил свои претензии и я наконец-то получил возможность нормально общаться.

— Борщ или солянка? — тетка на раздаче продолжала терзать меня.

— Будьте добры, солянку пожалуйста — я снял с полочки два салата. Витаминный и оливье, а то впереди еще фиг знает сколько следователей будет.

— Вячеслав, если Вы не против, то у меня есть вопрос — из какой-то боковой двери выплыла здоровенная тетка.

— Очень даже не против — я поднял поднос — но остынет же...

— Хорошо, тогда чуть позже — величественно кивнув головой, согласился этот крейсер в белом и повернувшись, удалилась.

«Жисть хороша» подумал я, аккуратно допивая второй стакан чая с сахаром. Все-таки как мало иногда нам надо, чтобы почувствовать себя на седьмом небе... О, а вот и нетерпеливые фанатки: давешняя тетка с вопросом вырливалась из глубин столовой во главе толпы сотрудниц. Подглядывала или сообщили? Хотя какая разница, все равно результат один.

— Что такое производственная гимнастика? — бахнули мне в лоб прямым калибром — Пелагея Серафимовна сказала, что у нее спина после этого болеть перестала.

Надо же, слава достала откуда не ждал. Хотя наверняка у столовских работниц тоже есть свои семинары, встречи по обмену опытом и все друг дружку знают, как минимум на начальственном уровне.

— Все очень просто — скинув ботинки, я встал на стул чтобы меня все видели

— Когда вы целый день готовите столь прекрасные блюда, то вы волей-неволей выполняете множество одинаковых движений — я схематично показал, как мешают поварешкой в кастрюле

— При этом напрягаются одни и те же мышцы, оставляя другие в бездействии — теперь я шинковал что-то в воздухе

— Значит что? — я поднял в воздух палец — для предупреждения всяких болезней надо дать одним мышцам отдохнуть, а другим немного поработать.

— Как это сделать? Можно сменить род работы, а можно попросту немного отвлечься и размять тело, не отходя от рабочего места. Хотите, прямо сейчас проведу небольшой сеанс?

Конечно, все немедленно согласилось с моим предложением. Не все же этим медикам все новинки первыми получать!

— Встаньте посвободнее, вам ничего не должно мешать — я обвел руками вокруг себя — и тихонько встаем на носочки...

— Это что тут такое? — раздалось от входа в столовую. Я повернул голову — в дверях стоял тот самый мужик, который ночью спрашивал меня про то, все ли закончилось.

— Производственная гимнастика. Или не мешайте или присоединяйтесь, только молча — скомандовал я ему.

Как я говорил раньше, самое главное в нашем деле — не заржать. Вид стайки бегемотиков в белом, старательнодвигающих похожими на сосиски руками, редко кого может оставить безучастным. Однако стадия «они для меня» завершилась и теперь «я для них», поэтому я засунул свое мнение глубоко внутрь и отрабатывал хорошее отношение.

— И теперь тянемся, только не сильно, не надо заставлять свой организм... — вернулся я к своим подопечным.

Надо же, мужик не полез в бочку и пристроившись чуть сбоку, начал повторять вместе со всеми. Поварихи поначалу косились на него, как газели на льва на водопое, но постепенно успокоились.

— ... И закончили! Вы молодцы, смогли одолеть все упражнения! — я соскочил с со стула и принялся обуваться.

— А вообще здорово, что такое придумал. Надо же, небольшая зарядка посреди дня и ощущения в организме уже другие — надевая пиджак, ко мне подошел мужик и протянул руку — Петр Георгиевич Грачев, секретарь обкома партии.

— Вячеслав Владимирович Брянцев, электрик — ответил я — только это не мое изобретение. Я про него в каком-то медицинском журнале прочитал, когда в больнице работал.

— Стоп! — он внезапно замер — Так это ты сегодня на радио был?

Я кивнул.

— Ну надо же! — он восхищенно посмотрел на меня — наш пострел везде поспел! То есть вечерами ты аварии устраняешь, а по утрам диктором на радио подрабатываешь?

— Ну так получилось — внезапно я засмутился от неожиданной похвалы — Просто некому стало подменить

— Ну и как тебе наше радио?

— Вам честно или чтобы не обидно было? — ответил я, предварительно оглянувшись и убедившись в отсутствии греющих уши

— Конечно честно, по-коммунистически! — он рубанул рукой в воздухе

— Ладно, вы сами этого хотели — я глубоко вдохнул, будто собираясь глубоко нырнуть — скучное, малоинформативное и не решающее ни одной поставленной перед ним задачи.

— Так, пойдём-ка ко мне — он внезапно стал очень серьезным и повернувшись, жестом пригласил за собой

— Там меня следователь ждет — на всякий случай сообщил я ему в спину

— Ничего, подождет — кажется, что от холода в голосе сейчас вокруг стены изморосью покроются

Широкими шагами, буквально через три ступеньки, мы взлетели на верхний этаж.

— Малеева ко мне и меня нет — бросил секретарше Петр Георгиевич

— Он на радиостанции, в редакторской был — вклинился я

Секретарша на автомате кивнула и потянулась к телефонной трубке...

Вообще сверху открывается хороший вид. Площадь, за ней дома, а где-то вдалеке совсем чуть-чуть виднеется река. Сразу чувствуется простор и хочется совершить что-нибудь героическое. Я стоял около окна в кабинете Грачева и лениво наблюдал за пешеходами. Сам же Петр Григорьевич сидел за столом и что-то быстро черкал в раскрытом ежедневнике.

— Петр Георгиевич, вызывали? — в дверь просочился Малеев.

— Вызывал — мрачно ответил хозяин кабинета — заходи и закрой за собой дверь поплотнее

— Повтори, что ты мне сказал внизу! — это уже ко мне

— Хорошо. На вопрос «как тебе наше радио» я ответил: скучное, малоинформативное и не решающее ни одной поставленной перед ним задачи. Но Вы сами просили ответить честно и по коммунистически.

— Видал? — глядя на стремительно бледнеющего Малеева, он кивнул на меня — может, объяснишь?

— А-а-э-э — Алексей Павлович беспомощно хлопал глазами. Нет, так не пойдет, а тс схватит кондратия прямо тут и с кем мне потом работать?

— Вообще-то в этом виноваты вы — подойдя к столу, я взял графин и начал наливать воду в стакан.

— Что? — Грачев повернулся ко мне

— Повторяю, в этом виноваты вы — я протянул стакан с водой Малееву — ну может и не только вы, но тогда я извинюсь.

— Нужны мне твои извинения — он постарался переключиться — обоснуй.

— Кто у нас рулевой? Партия! Кто у нас указывает, что говорить? Партия! Кто у нас указывает, когда и как говорить? Опять партия! — я сознательно начал копировать манеры хозяина кабинета и всюду рубил воздух рукой — На долю Алексей Павловича остается только решение вопроса «через что говорить».

— Все верно. И чем же тебе не понравилась к примеру, сегодняшняя передача? Хорошо же получилось!

— Да хреново все получилось. Никому не нужное сотрясение воздуха! Нет пользы!

— Я тебя сейчас без всяких следователей за такие слова шлепну! — он начал шарить по боку

Так, кажется перебор. Ладно, надо снизить градус, а то и в самом деле до суда не доживу.

— Ладно, но чур расстрел только через 5 минут — я вышел на середину комнаты.

— Мы вот вчера вместе были, так? И вот, представьте себе Марфу Митрофановну Сидоркину, крестьянку хрен знает какого колхоза. Вот заходит она домой после утренней дойки и включает радиоприемник. Оттуда ей рассказывают про удои, озимые и прочие проценты. Хорошо же? — оба мужика в ответ синхронно кивнули.

— Хрен там! Свекровка или там сватья, приехавшая из города с ночной смены, ей шепотом сообщила, что ночью войска были и ездили туда-сюда. И все — у нашей колхозницы единственная мысль «как бы не было войны!». А мы продолжаем про километры кубометров. И что в итоге? — я развел руками в жесте «ну надо же, не ждали»

— А в итоге, измучившись неизвестностью, она сегодня вечером заставит мужа

настроить радиоприемник и там... — я зажал нос и продолжил гнусавым голосом — Говорит БиБиСи. Вчера в Калининне произошла попытка вооруженного государственного переворота, в результате множество жертв. Идут многочисленные аресты. Подробности в следующих выпусках.

— Ах ты вражина... — начал вставать Грачев

— Стоять! — я рывкнул на него изо всех сил — Ведь надо было сказать всего лишь пару слов и все было бы по-другому!

— Вот предположим, что нужное было сказано и... — я крутанулся вокруг своей оси и встал в классическую ленинскую позу, вытянув правую руку вперед — Дорогие радиослушатели, сегодня ночью у нас были проведены внеплановые совместные учения войск и органов государственной безопасности. При отражении атаки условного противника на органы власти все подразделения показали великолепное владение воинской наукой и образцовую взаимовыручку. Стоит ли говорить, что за короткое время условный противник оказался повержен? Думаю, вы согласитесь с тем, что по результатам учений все задействованные части совершенно заслуженно получили оценки «хорошо» и «отлично».

— И про награды отличившимся добавить. Разницу в результатах можете додумать сами — я устало присел прямо на стол — И так везде у нас. Все, я закончил. Теперь можете арестовывать и расстреливать.

— А, да, чуть не забыл! Поймите наконец, что радио это не трибуна, это инструмент другого формата! — я пару раз вздохнул, пытаюсь успокоиться. Вот кто бы сказал, с чего меня так понесло...

— Откуда ты такой умный взялся? — передо мной стоял заметно успокоившийся Грачев.

— Как и все... Из одного места... — напряжение потихоньку оставляло меня, заставляя пальцы мелко дрожать

— Вячеслав потерял память в результате железнодорожной аварии. Работал в больнице у Успенского, потом я перевел его к нам. Допущен к государственной тайне — тут же выдал справку оклемавшийся Малеев.

— Ладно, тут мы недоглядели, согласен, оргвыводы будут сделаны. И что ты предлагаешь делать для исправления ошибки? — надо же, как ловко ответственность перевел. Настоящий руководитель.

— Ну завтра первым выдадим что-то типа того, что я сочинил сейчас. А потом постепенно сменим формат передачи. Я просто возьму за основу то, что делал в больнице и все. Тамошний результат вон Алексей Павлович знает — я мотнул головой

— Да-да, это стало одной из причин перевода его к нам — поддакнул Малеев

— Хорошо! Что тебе надо для этого? — Грачев явно решил не откладывать дело в долгий ящик

— Для начала нужен куратор от КПСС — я принялся загибать пальцы — но только толковый, что бы прямо в режиме реального времени мог поправить диктора, без кучи согласований и оглядок.

— Еще нужен проигрыватель с самыми популярными пластинками — второй палец загнулся — в эфире музыку пускать будем.

— Пара... Или даже лучше три магнитофона с запасом пленки. На один будем передачи писать для последующего контроля и изучения соответствующими товарищами. А два других — для репортажей и записи событий.

— Ну а еще надо девушек и побольше — я сжал ладонь в кулак. ну а чего, если раскатывать губу, так раскатывать.

— А девушек-то тебе зачем? — усмехаясь, спросил Петр Георгиевич

— Что бы было кому к микрофону встать. Вот Нина исчезла, а завтра меня в подворотне стукнут по башке и что делать будете? — напротив, я был совершенно серьезен.

— Нда-с, опять ты прав! — он пристукнул ручкой по листу, тут же посадив здоровенную кляксу — но где я тебе их возьму?

Я развел руками в безмолвном жесте. Дескать, ты начальство, ты и обеспечивай ресурсами. Хотя если прижмет, то можно накидать вариантов из будущего.

— Если будет ваше распоряжение, то можно дать объявление в газету и устроить конкурс — предложил Алексей Павлович.

— Хорошо, но только не здесь! Вон, у нас есть филармония и драмтеатр, у них большой опыт в этом деле, на их базе и проводите. Ответственный персонально Вы — он ткнул пальцем в Малеева.

— А с Вас план мероприятий по изменению формата радиовещания — теперь уже палец главы указывал на меня — и что бы завтра же, прямо с утра, у меня на столе был!

— Все, свободны. У меня скоро совещание, а благодаря вам я опять без обеда...

Стоило нам выйти в коридор, как я притормозил Малеева.

— Алексей Павлович, вы уж извините, что так получилось — я вздохнул — но он первый начал...

— Да все в порядке — он улыбался — просто ты первый раз с ним общался, да и я немного растерялся. Зато с какой прибылью вышли, а? Знаешь, сколько служебок на магнитофоны я написал? У-у-у, брат... Но вообще с колхозницей это ты хорошо придумал, образно получилось!

Уф, у меня прямо камень с души упал. На обратном пути следователя не обнаружилось, поэтому я с чистой совестью тут же засел в дежурной комнате и принялся фантазировать на тему, какой должна стать радиостанция в будущем. Но по сути я жульничал: выбирал наиболее приятные моменты из будущего и записывал.

Скажем, тут совершенно пока не знакомы с музыкальными заставками, сиречь джинглами. Даже буржуи еще просто объявляют название рубрики и чешут дальше. Конечно, всяких спец-эффектов пока не на чем сделать, но пару аккордов на пианино сбавать даже я могу. А ведь у нас под боком есть куча профессиональных музыкантов, вон в том же драмтеатре — главное объяснить идею и они кого хошь переплюнут.

Опять же, в больнице совершенно шикарно показали себя поздравления с днем рождения. А похвалить достижения по работе? Ирина Евгеньевна на какой-то из планерок даже милостиво изволила сообщить что благодаря этой придумке, у нее снизился какой-то там показатель, который до этого всеми правдами и не правдами не могли сдвинуть.

В итоге у меня получился коротенький, буквально на четыре листочка, план. Сейчас к нему титульную страничку приделаю и можно будет наконец-то заняться делом и постоять у москвичей за спиной. А то они уже там чем-то грохочут всюю, а я тут расслаживаюсь.

— Так, хватит сидеть, там нам помощь нужна — в комнату заглянул Андрей, весь перепачканный в какой-то пыли. Надо же, начальство тут вместе со всеми что ли?

Я поглядел на свои брюки. Ну... в принципе, можно уже не волноваться и относиться к ним, как к рабочим. А вот рубашку еще может можно будет спасти, но это не точно. Открыв сейф, я положил в него свое творение и пошел на зов начальника.

Объем уже проделанных работ поразил меня. Оказывается, по страшно секретному плану, который привезли с собой москвичи, необходимо было укрепить полы. Дескать, аппаратура будет стоять тяжелая, а пролеты на такую нагрузку наверняка не рассчитаны. Но когда вскрыли существующее для ревизии, оказалось что там труха пополам с гнилью и укреплять особо нечего. Совершенно не смутившись, народ отправил в ближайший леспромхоз гонца, увешав его полномочиями, как собаку блохами. И пока тот выгребал практически весь запас высушенного бруса и досок, тут разобрали полы прямо до подвала. А теперь пара мужиков, молодецки ухаю, ударными темпами что-то ломали кувалдами прямо в стене.

— Чего стоишь? Пошли, поможешь машину разгрузить — поторопил меня Андрей, спускаясь по лестнице, сколоченной из каких-то жердей.

Подхватив пару кем-то неосмотрительно оставленных верхонок, я двинулся следом. Нас, как наиболее образованных, поставили на работу, требующую развитого интеллекта: доставать из кузова пиломатериалы и по цепочке передавать рабочим. Работа в принципе не сложная, поэтому я довольно быстро вошел в темп и практически перестал прищемлять себе пальцы при переключивании досок.

— Хорош! — вскоре проорал кто-то сверху — шабаш, пока цемент не подвезут!

— Вячеслав Владимирович! — я оглянулся на крик. О, давешний следователь. Видимо, боится испачкаться, поэтому и не ходит. Махнув рукой, дескать «услышал и сейчас подойду», я начал аккуратно спускаться из кузова.

— Ты куда? — спросило меня начальство, глядя куда-то вверх из-под приложенной ко лбу руки

— К следователю, вон стоит. Он еще утром приходил, но потом я у Грачева был, поэтому и разминулись

— Давай, только не долго! — мельком глянув, Андрей снова уставился куда-то в район крыши. Ишь ты, видимо сказки про Ленина на субботнике еще не выветрились у него из головы, вон какую красивую позу принял.

— Ну тут как получится, не от меня же зависит — я снял верхонки и положил на борт — лучше пригляди за ними, что бы не увели.

— Вячеслав Владимирович, ну что же Вы сразу не сказали, что к Петру Георгиевичу идете, я бы вошел в положение — тут же начал следователь, стоило мне подойти к нему.

— Извините, но верите или нет, но все получилось случайно — такой формат разговора мне нравился гораздо больше, поэтому я решил ответить вежливо.

— Но все равно, мне крайне необходимо поговорить с Вами, давайте отойдем? А то тут шумно и грязно — скривился следователь, немного покрутив головой

— Не проблема, давайте вон к грузовику — я показал на стоящую за кучей строительного мусора машину.

— Да-да, конечно — следователь развернулся и придерживая шляпу рукой, смешно запрыгал по кажущимся ему наиболее чистыми участками. Я хмыкнул и пошел напрямую: мне уже дальше пачкаться особо некуда.

— Па-а-берегись! — раздался крик сверху и следом громкий шорох вместе со скрежетом. Глянув вверх, я обнаружил над собой серое облако, из которого показался медленно вращающийся торец бруса. Время странно замедлилось, позволяя разглядеть на нем какие-то серые вкрапления. Едва успев вскинуть руку, я услышал треск и тут же

разлившаяся в глазах темнота поглотила меня...

Больше книг на сайте - Knigoed.net